ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МИР ЕВРАЗИИ

Научный журнал. Издается с мая 2008 г. Выходит один раз в три месяца

2010. №4(11) Октябрь-декабрь

Главный редактор
Н.С. МОДОРОВ — доктор исторических наук, профессор, академик РАГН (г. Горно-Алтайск)
Первый зам. главного редактора
В.Г. БАБИН — кандидат исторических наук, проректор ГАГУ по научной работе (г. Горно-Алтайск)
УЧРЕДИТЕЛЬ ЖУРНАЛА
Горно-Алтайский государственный университет

НАУЧНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Ю.В.ТАБАКАЕВ (председатель совета) — доктор философских наук, профессор, академик РАЕН, ректор ГАГУ (г. Горно-Алтайск)
А.Н. АЛЕКСЕЕНКО — доктор исторических наук, профессор (г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан)
В.Г. ДАЦЫШЕН — доктор исторических наук профессор (г. Красноярск)
Н.Ф. ИВАНЦОВА — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)
А.Б. КАМЕНСКИЙ — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)
В.Д. КУБАРЕВ — доктор исторических, наук профессор (г. Новосибирск)
О. ЛХАГВА — доктор исторических наук, профессор (г. Улан-Батор)
А.И. МАРТЫНОВ — доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН (г. Кемерово)
В.Я. РУШАНИН — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск)
Л.И. ШЕРСТОВА — доктор исторических наук, профессор (г. Томск)
М.В. ШИЛОВСКИЙ — доктор исторических наук, профессор (г. Новосибирск)
Э.М. ЩАГИН — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
М.И. ПАКЛИН (зам. главного редактора) кандидат исторических наук, доцент (г. Горно-Алтайск)
А.П. АДЛЫКОВА — кандидат исторических наук (г. Горно-Алтайск)
О.М. ГАНБОЛД — профессор (г. Ховд, Монголия)
Э.П. ДВОРНИКОВ — кандидат исторических наук (г. Горно-Алтайск)
Д.М. КАРАЧАКОВ — доктор исторических наук, профессор (г. Абакан)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций (Россвязь надзор)
Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-36173 от 06.03.2009

Подписано в печать 22.11.2010. Формат 60x84/8. Усл.печ.л. 11,57. Тираж 150 экз. Зак. №10980

Отпечатано в типографии Горно-Алтайского университета.

649000, Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1·

© Горно-Алтайский государственный университет, 2008.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов

СОДЕРЖАНИЕ

Адлыкова А. П.
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОНАСТЫРЕЙ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ. 2

Анкудинова Т. В.
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ И ГОРОДА ГОРНО-АЛТАЙСКА В КОНЦЕ XX В. 5

Бутанаев В. Я.
ХАКАССКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ СЕМЬЯ 8

Дацышен В. Г.
ИНТЕРНИРОВАНИЕ АРМИИ СУ БИНВЭНЯ. ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ 23

Захарова Т. В.
ДОМА АЛТАЙКИ И РЕШЕНИЕ ЖЕНСКОГО ВОПРОСА В ГОРНОМ АЛТАЕ В НАЧАЛЕ 1950-Х ГОДОВ 28

Миколаускайте Л. В.
КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В ГОРНО-АЛТАЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В 50—60-Е ГГ. XX ВЕКА 30

Мыглан В. С, Жарников З. Ю., Майничева А. Ю., Лыхин Ю. П.
ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ ИЛИМСКОГО ОСТРОГА 36

Мячина Е. В.
К ВОПРОСУ О ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ И ВЕЩЕВОМ СНАБЖЕНИИ БЕЛОГВАРДЕЙСКОЙ АРМИИ А. В. КОЛЧАКА В 1918—1919 ГГ. 41

Синаева Е. В.
ХУХ-ХОТО В СИНЬХАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 43

Хомайко А. Н.
ЯПОНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ БОРЬБЕ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ НАРКОТИКОВ В ПЕРИОД С 1993 ПО 2001 ГГ. 48

Черлояков И. Г., Модоров Н. С.
ХРАМЫ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ КАК ОПОРНЫЕ ПУНКТЫ ХРИСТИАНИЗАЦИИ ЧЕРНЕВЫХ ТАТАР В XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ. 54

Шептицкая Е. Ю.
ОСВОЕНИЕ РУССКИМИ КРЕСТЬЯНАМИ БОЛЬШЕРЕЧЬЯ В XVIII—XIXВВ. (НА ПРИМЕРЕ ТРОИЦКОГО РАЙОНА) 59

Ван де Керхове Р., Гуссен Р., Буржуа Ж., Эбель А. В., Юркова Н. А.
ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ПОНИЖЕНИЯ ТЕМПЕРАТУРЫ НА ЗАМОРОЖЕННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ НА АЛТАЕ 65

Гордон Э. В., Мезенцев Р. В.
ПОДПОЛЬНАЯ БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПЕЧАТЬ НА АЛТАЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917—1920 ГГ.) 70

Алейников М. В.
О ЗАДАЧАХ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 73

РЕЦЕНЗИЯ 77

ИНФОРМАЦИЯ 78

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1, Университет, редколлегия Журнала «Мир Евразии»,
Тел.: 8 (388-22) 2-62-33. Факс: 8 (388-22) 2-67-35. E-mail: mns@gasu.ru
Индекс научного цитирования: http://elibrary.ru

УДК 902

А. П. Адлыкова

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОНАСТЫРЕЙ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье на основе архивных материалов исследуется хозяйственно-экономическое развитие монастырей юга Западной Сибири, и основные направления их деятельности.

Русская Православная церковь, монашество, монастыри, Запвдная Сибирь, хозяйственная деятельность

XIX в. стал особым периодом в жизни Русской Православной церкви и монашества, временем, когда государство постепенно смягчило свою политику в отношении монастырей, разрешая обителям приобретать земли, и даже наделяет их обширными участками. Кроме того, они получают право вкладывать свои сбережения в государственные процентные бумаги. Многие обители развили активную хозяйственную деятельность, превратившись в многоотраслевые, рентабельные комплексные хозяйства. Со второй половины XIX в. количество новых монастырей неуклонно растет. Особенно быстро развиваются женские обители. Затронули эти процессы и монастыри юга Западной Сибири, где в этот период активно начинают строиться и развиваться новые обители.

Свод «Законов Российской империи 1832 г.» определил православную веру как «первенствующую и господствующую». Отныне император не мог исповедовать какую-либо другую религию, ибо олицетворял собою верховного «хранителя и защитника догматов», блюстителя «правоверия и всякого в церкви святой благочиния» [1, с. 231].

При Александре I монастыри получили возможность приобретать в дар и по завещанию ненаселенные участки земли, если они нуждались в ней. Правда, на покупку земли требовалось разрешение высочайшей власти. И она давала их. Политику отца продолжил Николай I. Подтвердив указ 1797 г., он расширил возможности монастырей по приобретению земли. Отныне, с «дозволения высочайшей власти», епархиальные кафедры и монастыри стали свободно приобретать ненаселенные участки размером до 300 десятин. Лишь в отношении населенных земель правительство стояло на точке зрения законодательства 1764 г. В 1841 г. такие имения были изъяты у монастырей Западных губерний, где они еще сохранялись до тех пор [2, с. 284].

Благосклонность власти к церкви хорошо просматривается по отчетам обер-прокуроров Синода. Согласно им, в течение 1836—1861 гг. 180 монастырей получили от казны свыше 16 тыс. десятин лесу и более 9 тыс. десятин пахотной и луговой земли [3, с. 69]. Содержание монастырей по новым штатам было увеличено в 1861 г. с 168 до 200 руб. в год.

Неплохим подспорьем для монастырей, стало дозволение им вкладывать, начиная с 1859 г., деньги в процентные бумаги. Это позволило им нажить хорошие капиталы. Так, в начале XIX в. львиную долю капиталов монастырей Томской епархии составляли банковские билеты, с которых они ежегодно получали неплохой процент [4, л. 36об.]. С 1893 г. монастыри, выполняя предписание Синода, начинают держать свои сбережения исключительно в государственных процентных бумагах [5, с. 227]. Это было сделано для того, чтобы денежные потоки Русской Православной церкви, направлявшиеся ею в Государственные банки, работали только на государство.

В XIX в. Синод попытался регламентировать и внутрихозяйственную жизнь обителей. В 1828 и 1836 гг. из его недр выходят распоряжения о «строгом и неукоснительном ведении финансовой отчетности», которой должны заниматься казначеи, настоятели и благочинные монастырей. В дополнение к прошлым инструкциям и определениям, в 1892 г. вышла новая инструкция, предписывавшая архиереям «установить должный порядок в делах денежных и хозяйственных». Этот документ выявил многочисленные злоупотребления монастырского начальства, обусловленные его неограниченной властью и безотчетностью в хозяйственных делах. В нем особо подчеркивалось, что «заведование монастырским хозяйством стало переходить в зависимость от единоличной власти настоятеля или настоятельницы. Вследствие этого, у них открылась возможность расходовать монастырские деньги не только произвольно, но и неправильно». В связи с этим, документ подробно регламентировал финансовую жизнь монастырей, процедуру получения и расходования денег. Кроме того, настоятелям и настоятельницам запрещалось тратить деньги на предметы роскоши и дорогие подарки для «знатных» гостей [6, с. 227].

К концу XIX в., была сформирована постоянная структура доходов монастырей России. К концу XIX —началу XX вв. повсеместно сложилась стандартная форма отчетов о приходах — расходах монастырей Российской империи [7, с. 75]. Остановимся на ней несколько подробнее. Отчетная ведомость состояла из семи пунктов и показывала, за счет чего жили монастыри. Их же существование, как явствует из нее, складывалось за счет содержания из казны, кружечного и кошелькового сбора, чистой свечной прибыли, доходов от недвижимости и других оброчных статей, пожертвований, процентов с капиталов и «разных мелочных и случайных доходов». На примере монастырей Томской епархии можно увидеть, что содержание от казны большинство из них не получало совсем. Из семи монастырей и женских общин, только старейший двухклассный Томский Богородице-Алексеевский мужской монастырь, ежегодно получал по 668 руб.

Остальные же находились на «самообеспечении». Структура доходов у всех монастырей была разная. Так, у мужского Благовещенского Чулышманского мужского монастыря большую их часть составляли пожертвования, в Бийском Тихвинском монастыре — кружечно-кошельковый сбор, а в Томском Иоанно-Предтеченском — неплохо жили за счет недвижимости. Однако у всех без исключения монастырей львиную долю дохода приносили — «разные мелочные и случайные доходы». Так, из 56414 руб., поступивших к концу 1916 г. на счет Томского Иоано-Предтеченского женского монастыря, 35 880 руб. было получено за счет их. У Барнаульского Богородице-Казанского женского монастыря это соотношение составляет 25 699 и 13 838, у Улалинского Николаевского женского монастыря 25 837 и 16047 руб. соответственно [8, л. 37].

Также отразили официальные документы и хозяйственную деятельность монастырей, которая для большинства из них стала основным источником дохода. Как известно, монастырское хозяйство и монастырские рукоделия являлись одним из древних, исконных занятий монашествующих. Идеал жизни христианина был сформулирован еще апостолом Павлом, в его первом послании к фессалоникийцам: «Жить тихо, делать свое дело и работать своими собственными руками» [8, л. 4-11]. Монастырский быт и уклад должен был быть максимально приближен к этому идеалу. Во все времена, непрестанная молитва и труд должны были быть для монаха его главными занятиями, об этом говорили с древнейших времен все монашеские уставы. Монах-бездельник порицался и высмеивался в любом обществе.

В выгодном экономическом положении всегда находились монастыри, владевшие землями. При грамотном руководстве, многие из них превращались в крупные многоотраслевые сельскохозяйственные предприятия, успешно занимавшиеся земледелием и скотоводством, пчеловодством, огородничеством и садоводством. Основной целью такой хозяйственной деятельности было обеспечение обители ее насельников и паломников всем необходимым. Излишки продукции неизменно реализовывались на рынке. Некоторые отрасли монастырского производства часто становились товарными. Так, Улалинский Николаевский женский монастырь, значительную часть своей прибыли получал за счет своего молочного хозяйства, которое располагало в начале XX в. стадом в несколько сотен голов коров и своим маслозаводом.

В литературе, посвященной монастырям Российской империи XIX в., стало хрестоматийным описание большего, многоотраслевого хозяйства, первоклассного, ставропигиального (подчинявшегося непосредственно патриарху, а потом Синоду — *А. А.*) Соловецкого монастыря. По словам современников, даже в XIX в., после всех «репрессивных» мер, предпринятых государством по отношению к монастырям, он продолжал являть собою своеобразное «государство в государстве». По свидетельству митрополита Евлогия (Георгиевского), бывшего в начале XX в. благочинным женских монастырей Холмской епархии, данный монастырь не мог производить только своего хлеба [9, с. 112].

Во второй половине XIX в., эта обитель имела самые крупные среди монастырей угодья — 66 тыс. десятин земли [10, с. 184]. В то же время другие монастыри, например, Томской губернии, (за исключением миссионерских монастырей Алтайской Духовной миссии), имели ее в десятки и даже сотни раз меньше. Наглядное представление об этом, дает нижеприведенная таблица.

Таблица 1

Земельные владения монастырей Томской губернии в начале XX в.

Монастыри Томской губернии	Земли (в дес.)
Томский Богородице-Алексеевский	1198
Томский Иоанно-Предтеченский	465
Барнаульский Богородице-Казанский женский	22
Бийский Тихвинский женский	29

Источник — ГАТО. Ф. 170. Оп.4. Д.455. Л. 50-51(об.)

Примечания: Таблица составлена нами — *А. А.*

Даже простое сравнение земельных владений самого богатого в этом плане в губернии Томского Богородице-Алексеевского монастыря с Соловецким, будет не в пользу первого в 55 раз.

Наращивая свою экономическую мощь, Соловецкий монастырь приобретает в 1861 г. пароход. В начале XX в. обители принадлежало уже 3 парохода. Благодаря взимаемой плате за провоз на своих пароходах грузов и пассажиров, монастырь получил источник стабильного дохода, составлявший 23% от всех приходных сумм. В начале XX в. в этом монастыре функционировали салотопенный, свечной, гончарный, кирпичный, лесопильный, кожевенный заводы, мельница. Действовали здесь и многочисленные мастерские: сапожная, портняжная, серебренных дел, малярная, столярная, слесарная, переплетная, корзинная, санная, колесная, экипажная, кузница, литейное и механическое заведения. Во главе их стояли монахи-мастера, а в качестве рабочих — трудники — даровые рабочие богомольцы, в большинстве своем из поморов. В 70-е. гг. XIX в. число богомольцев — трудников колебалось от 500 — до 600 человек. К 1911 их количество возросло до 800. Монашествующей же братии в начале XX в. в монастыре было около 200 человек [11, с. 5].

В силу своей комплексности, хозяйство монастыря всегда было рентабельным. Его доходы ежегодно превышали расходы на 30%. Огромные денежные средства получал монастырь, как уже указывалось выше, и от богомольцев, количество которых ежегодно превышало 18 тыс. чел. Они-то и приносили монастырю каждый год от 70 до 80% получаемой им прибыли. За 50 лет, (с 1863 по 1913 г.) монастырь увеличил свои капиталы более чем вдвое. Однако, несмотря на свою обширность, монастырское хозяйство играло, все же, подсобную роль. Лишь салотопенному и кирпичному заводу удавалось работать не только на нужды обители, но и реализовывать часть своей продукции за пределами монастыря [11, с. 7].

Словом, Соловецкий монастырь — наиболее яркий и показательный пример успешной хозяйствен-

ной деятельности монастыря в середине XIX — начале XX вв. Однако, хозяйственной деятельностью занимались не только древние и крупные монастыри.

Во всех монастырях рукоделия органично вплетались в распорядок каждого дня, наряду с молитвой и богослужениями. Изделия монастырских мастерских, без преувеличения, стали неотъемлемой частью культуры России. В них во все времена создавались высокохудожественные произведения, — шитые золотом и шелком образа, священнические и архиерейские облачения, иконы и многое другое. Из этих же мастерских выходили и предметы быта, и церковная утварь. Часть изделий — церковную утварь, одежду монашествующих — оставляли в обителях. Другую, выходившую за рамки монастырского обихода, продавали на ярмарках. В связи с этим, в монастырские мастерские, поступали заказы от мирян и от государства [12, с. 42]. Мастерские женских монастырей и общин участвовали даже в международных выставках. Так, Московские мастерские принимали участие во Всемирной Колумбовой выставке 1893 г. в Чикаго и во Всемирной выставке 1900 г. в Париже. Были у монастырей и свои собственные, всероссийские выставки [12, с. 49]. Однако значительную часть произведений монастырских мастерских предреволюционного времени можно отнести к разряду кустарных промыслов.

Говоря о женских обителях Алтая, особо следует сказать о монастырских рукоделиях, наиболее развитых в городских монастырях. Если в Улалинской обители рукоделия предназначались в основном для внутреннего пользования, то в Бийском и Барнаульском монастырях рукоделия являлись товарным производством. В Барнаульском Богородице — Казанском монастыре занимались помимо прочего ткацкими, позолотными, переплетными работами, производились резные работы по дереву, была матрацная мастерская, стегали одеяла, ткали чулки. Барнаульские золотошвеи славились своим искусством. Так, изделия золотошвеи монастыря Натальи Скорняковой были известны в Санкт-Петербурге и Париже. Другая послушница, Анна Гусева получила похвальный отзыв на первой всероссийской выставке в Санкт — Петербурге за работы гладью.

Кроме подсобного хозяйства и кустарных промыслов, неплохой доход монастыри получали и от арендных статей. Обители, расположенные в городах и владевшие недвижимым имуществом, сдавали в аренду свои жилые дома и торговые помещения. Те же монастыри, которые имели земли, сдавали в аренду покосы, пашенные участки, огороды и сады, рыбные ловли [13, л. 48-49].

Широкое распространение в XIX в. получает такое явление как благотворительность. Ее объектом становятся монастыри. Они начинают получать многочисленные вклады от представителей практически всех слоев общества. Но особо отличались в этом деле купечество и дворянство. Так, например, графиня Орлова-Чесменская, распорядилась в своем завещании, составленном в 1848 г., пожертвовать 340 монастырям 1700000 руб. (по 5000 руб. на монастырь). Кроме того, она подарила ценные вещи Соловецкому и Юрьевскому монастырям, а также Почаевской лавре [14, с. 128]. Наряду с этим, большее распространение получило такое явление, как строительство монастырских храмов и других помещений за счет благотворителей.

В самом выгодном экономическом положении в XIX в. находились монастыри, имевшие богатую и древнюю духовную традицию, такие как Соловки, Валаам, Киево-Печерская и Троице-Сергиева лавры, монастыри, владевшие святынями или те, которые приобрели славу как центры духовности уже в XVIII—XIX вв..

Кроме того, в некоторых монастырях отдельной статьей дохода было «хождение по окрестным селам с особо чтимыми местным населением иконами». Советская историография называла этот источник дохода «торговлей благодатью». По мнению Н. М. Никольского, «всякий монастырь имел, какую — ни будь святыню, мощи или икону, около которых всегда ставилась кружка для денег, с которой монахи время от времени совершали поездки по окрестным городам и селам, загребая деньги за молебны» [15, с. 406]. Однако таких монастырей было не много. Из 6 монастырей Томской епархии такая «особо чтимая икона» была лишь у Томского мужского Богородице-Алексеевского монастыря, которая принесла монастырю, к примеру, в 1916 г. 600 руб. дохода [16, л. 41об.].

В общем, к середине XIX в. монастыри оправились от последствий секуляризации, а, пережив ее, занялись активной хозяйственной деятельностью. По оценке историков, в начале XX в. в России не было монастырей, которые не располагали бы достаточными средствами для содержания братии и самого монастыря. Благодаря их предприимчивости, в них опять стали стекаться огромные финансовые средства, являвшиеся результатом как успешного ведения монастырского хозяйства, так и щедрой благотворительности.

Библиографический список

1. Клеандрова В.М. Из истории взаимоотношений государства и церкви в России // Вопросы научного атеизма. М., 1988. Вып. 37.
2. Смолич И.К. Русское монашество. 980 — 1917. — М., 1998.
3. Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М, 1999
4. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 170. Оп. 8. Д. 843
5. Церковные ведомости. 1893.
6. Церковные ведомости. 1892. □ 22.
7. Устав Духовных консисторий. СПб., 1883.
8. ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 843.
9. Евлогий, митрополит. Путь моей жизни . Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского) изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994.
10. Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М. 1999.
11. Самсонова Т. Обитель кормилица. // Былое. 1993. □ 11.
12. Кузнецова Т.Ф. Мастерские женских монастырей Москвы и общество конца XVIII — начала XIX веков//Материальная база сферы культуры. Монастыри — культурные центры Отечества. Вып. 3. — М., 1997.
13. ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 455.

14. Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX в. (Юридическое положение, количественные и социальные характеристики).// Вестник Российского гуманитарного научного фонда. М., 1996. □ 3.

15. Никольский Н.М. Русская Православная церковь. — М., 1983.

16. ГАТО. Ф. 170. Оп. 7. Д. 843.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 01.11.10.

A. P. Adlykova

THE MAIN DIRECTIONS OF DOMESTIC AND ECONOMIC ACTIVITIES OF MONASTERIES SOUTH OF WESTERN SIBERIA IN XIX — EARLY XX CENTURIES

The article based on archival materials studied economic development of the monasteries of southern West Siberia, and the main directions of their activities.

Russian Cristian church, monk, monasteries, Western Siberia, the economic activity

УДК 902

Т. В. Анкудинова

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ И ГОРОДА ГОРНО-АЛТАЙСКА В КОНЦЕ XX В.

В статье, на основе опубликованных и неопубликованных материалов проанализированы основные тенденции промышленного развития Республики Алтай и города Горно-Алтайска в конце XX в.

Россия, Республика Алтай, либерализация, политические и социальные изменения, экономика, промышленность

В конце 1991 г. Россия вступила в новую стадию своего общественно-политического и социального развития — в стадию экономических реформ, проводившихся на основе частной собственности и рыночных отношений. Начало этим, радикальным преобразованиям и структурной реформе 1990-х гг. положили указы президента Б. Н. Ельцина о либерализации цен и свободной торговле, о реформировании колхозов и совхозов, а также законы о порядке приватизации. По замыслам главы государства и его ближайших соратников, для изменения экономики России следовало: 1. «отпустить цены» на товары и услуги питания, что обеспечило бы автоматическое установление их рыночной стоимости и сняло бы проблемы тотального дефицита на внутреннем рынке; 2. либерализировать торговлю, что ускорило бы товарообмен и изменило инфраструктуру сбыта; 3. приватизировать государственную собственность, продав которую (или передав безвозмездно в частную собственность) государство могло создать таким образом новый класс предпринимателей и частных собственников средств производства.

И эти задачи стали решаться в стране. Становление новой экономической системы в России можно расценивать как важнейшее событие в истории государства, оказавшее влияние на все стороны жизни России, ее хозяйствующие субъекты и территории. За короткий период в стране должен быть создан класс собственников, преодолен дефицит в обеспечении населения товарами, расширена сфера оказания различных услуг и т. д. Однако преобразования в обществе и экономике принесли немало неожиданных, притом негативных социально-политических перемен, обусловившие формирование недействительных (из-за своей незавершенности) экономические механизмы. Это, вкупе с другими «нововведениями», обусловили чрезмерное расслоение населения страны, а также сильно криминализировали зарождающееся «гражданское (по уверениям президента и его окружения) общества. Все это вместе взятое существенно ухудшило функционирование как экономики государства в целом, так и большинства его секторов и территорий, снизило занятость и уровень жизни многих слоев и групп населения.

Не стала исключением из правил и Республика Алтай. Правда, говоря о ее экономическом развитии, следует подчеркнуть, что промышленность не играла большой роли в развитии нашего региона. Самое негативное влияние на развитие его промышленности оказывало отсутствие развитой транспортной инфраструктуры (Республика была удалена (более, чем на 100 км) от железной дороги, немалые трудности имели место в дорожном строительстве, в Республике почти полностью отсутствовали перевалочных точки), а также ограниченность равнинных площадок для промышленной застройки.

Доля промышленной продукции Республики в валовом региональном продукте не превышала в 1990 г. 18%. Еще больше усугубилась ситуация (в этом плане) к концу 90-х гг. XX в.: теперь ее доля не превышала 5% [1, с. 85]. Вся промышленность Республики (включая подсобное производство) состояла к 1995 г из 529 предприятий, на которых было занято 7412 чел. промышленно-производственного персонала, а на самостоятельном балансе состояло всего 39 предприятий, которые распределялись по отраслям следующим образом: цветная металлургия — 2, машиностроение и металлообработка — 7, лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность — 11, промышленность строительных материалов — 3, лёгкая промышленность — 5, пищевая промышленность — 10 и прочих промышленных производств числилось в отчетах — одно [2, с. 34].

В соответствии с этим, чрезвычайно малой была доля промышленного производства Республики Алтай и в общем объеме промышленности Сибирского федерального округа и Российской Федерации в целом. Ничтожность данного показателя еще больше уменьшилась к концу XX столетия. Если в начале «реформационного периода» вес промышленной продукции Горно-Алтайской автономной области составлял в общероссийском масштабе 0,033%, то в 2000 г. он упал до 0,008%, т. е. за указанный период произошло четырехкратное уменьшение вклада экономики региона в общенациональное промышленное производство. Аналогичная картина складывалась и по доле объема промышленного производства Республики Алтай среди сибирских регионов.

Что представляла собой промышленность Республики Алтай в те годы? В частности, ее лёгкая промышленность включала в себя в 1991—1999 гг. пять состоящих на самостоятельном балансе предприятий: ОАО «Ткацкая фабрика», ПТФ «Сюмер ЛТД» (швейная фабрика), АООТ «Гардинно-тюлевая фабрика», ОАО «Трикотажница» и ОАО «Обувь». По масштабам производства и численности работающих на них, они распределялись в 1996 г. следующим образом: ОАО «Ткацкая фабрика» — объем продукции — 2499 млн. руб.; численность ППП — 325 чел.; основные средства на конец года составила 59888 млн. руб.; ПТФ «Сюмер ЛТД» — объем продукции — 4533 млн. руб.; численность ППП — 152 чел., основные средства на конец года — 12617 млн. руб.; АООТ «Гардинно-тюлевая фабрика» — объем продукции — 0 млн. руб.; численность ППП — 123 чел., основные сред-ства на конец года — 20644 млн. руб.; ОАО «Обувь» — объем продукции — 2651 млн. руб.; численность ППП — 89 чел., основные средства на конец года — 1398 млн. руб. [3, л. 182].

Опираясь на приведенные данные, видим, что наиболее крупным предприятием отрасли в Республике Алтай (по численности работающих) являлась ОАО «Ткацкая фабрика». Основными видами её продукции как в советский (или дореформенный) период, так и в рассматриваемое время, являлись хлопчатобумажные и мебельно-декоративные ткани. Однако за годы кризиса, объёмы их производства снизились почти до нулевой отметки, в силу чего фабрика практически прекратила работу и значилась только на бумаге.

Так, если в 1990 г. на ней производилось 3858 тыс. кв. м готовых хлопчатобумажных тканей, то в 1996 г. на фабрике было произведено только 160 тыс. кв. м [2, с. 28]. Такая динамика была характерна не только для нашей ОАО, а для подавляющего большинства российских текстильных предприятий, которые использовали в качестве сырья хлопок. Падающая динамика наблюдалась и по другим видам продукции.

Финансово-экономическое положение предприятия было тоже не на высоте. Оно усугублялось неблагоприятным состоянием производственного потенциала. Износ машин и оборудования составлял почти 70%. Долгое время производственный парк предприятия не обновлялся — не было на это средств. По разным причинам, в 1996 г. выбыло (по стоимости) всего только около 1,3% машин и оборудования. Это означало, что сохраняющийся устаревший аппарат увеличивал издержки производства и снижал конкурентоспособность выпускаемой предприятием продукции.

В сложном положении находилось и второе (по значимости) в республике текстильное предприятие — «Гардинно-тюлевая фабрика», которое, начиная с мая 1995 г., прекратило выпуск своей основной продукции — гардинно-тюлевых тканей. В дорефор-менный период фабрика выпускала почти 7 млн. кв.м гардинного полотна, при численности работающих в 334 чел. (1990 г.). К 1994 г. выпуск основной продукции сократился до 4,5 млн. кв.м, а в 1995 г. было произведено только 401 тыс. кв.м. К концу 1996 г. численность работающих на фабрике уменьшилась до 123 чел. [4, с. 28] Динамика производства гардинного полотна представлена в табл. 1

Таблица 1

Динамика производства гардинного полотна

Годы	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996
тыс.м	7000	2300	5000	4600	500	400	50

Источники: Основные показатели экономического и социального развития Республики Алтай за 1997 г. — Горно-Алтайск, 1996. — с. 28.

Примечания: Таблица составлена нами — *Т. А.*

Одной из причин указанного положения предприятия являлась (кроме трудностей с сырьём) слабая конкурентоспо-собность выпускаемой продукции: по качеству она была не хуже импортной, но уступала ей по расцветке.

На втором месте по численности занятых среди предприятий лёгкой промышленности республики (152 чел по данным республиканской статистики за 1996 г.) находилось предприятие швейная фабрика «Сюмер ЛТД», специализирующееся главным образом на производстве брюк — шерстяных мужских и детских. В середине 90-х годов XX в. ассортимент предприятия расширялся за счёт производства хлопчатобумажных изделий: мужских костюмов и курток (спецодежда), женских платьев и др. Кроме того, в 1996 г. предприятием было выпущено 1,9 тыс. шерстяных одеял. Расширение ассортимента продукции указывало на попытки предприятия осваивать новые рыночные ниши и, в принципе, на возможности диверсификации производства. Тем не менее, пошив брюк оставался основной специализацией предприятия и по технологиям, и по квалификации работников. В табл. 2 показана динамика производства брюк за 1990—1996 годы.

Таблица 2

Динамика выпуска основной продукции ПТФ «Сюмер ЛТД»

Годы	1990	1991	1992	1993	1995	1996
Брюки, всего (тыс.шт.)	677	688	418	304	88	42
Мужские	365	408	293	197	61	37
Детские	312	280	125	107	27	5

Источники: Зотов, М. П. Горный Алтай — мировой лидер на пути к ноосферному развитию / М. П. Зотов, С. Л. Ленкин. — М., 1999. — С. 79, 85.

Примечания: Таблица составлена нами — *Т. А.*

В дореформенный период шерстяные брюки Горно-Алтайской швейной фабрики можно было увидеть в магазинах от Урала до Дальнего Востока. Их качество было достаточно высоким. Однако по мере развития рыночных отношений, спрос на продукцию «швейки», равно как и других наших предприятий, стал заметно падать. Главной причиной этого «спада» стала, с одной стороны, деятельность «капитализировавшихся» российских конкурентов, взявших в «руки» рынке Сибири, а с другой, — широкий приток импортных брюк на российские рынки. Согласно данным Экспертного института, уже к концу 1995 г. из общего количества представленных к продаже мужских брюк, 46% были импортными. В этих условиях предприятию необходимо было приложить максимум усилий для сохранения своей марки и увеличения производства. Высокий профессиональный уровень работников и нормальная технико-технологическая оснащенность предприятия позволяли производимой им продукции не уступать по качеству и конкурировать по цене с продукцией такого «гиганта» швейного производства Западной Сибири, как ОАО «Синар» (г. Новосибирск).

И, наконец, два слова о нашем, самом небольшом (по численности рабочих) предприятии лёгкой промышленности республики — АО «Обувь». Оно, если говорить в целом, ничем особенным не отличалось от вышеназванных предприятий. Основная его продукция — юфтевая обувь. Наибольшую долю в ней занимало производство мужских сапог. «Модернизации» и переход к рынку весьма негативно сказались на жизни предприятия. К 1992 г. объем выпуска продукции фабрики снизился почти наполовину. Предпринимаемые руководством предприятия меры не смогли поправить дела: объёмы производства продукции продолжали падать, хотя и меньшими темпами. Сказывалось на этом и сокращение платежеспособного спроса населения и партнеров предприятия, хотя цена производимой продукции, судя по годовым отчётам фабрики, к примеру, на мужские сапоги (она рассчитывалась по стоимости реализации без НДС и акцизов) за два года (1995—1996) почти не изменилась. Особенно резкое и значительное ее повышение произошло в последующие годы: к концу века она выросла, по сравнению с 1991 г., в 1750 раз.

В целом по четырём нашим предприятиям, составлявшим всю лёгкую промышленность республики, динамика издержек производства достаточно своеобразна. Несмотря на удорожание сырья, материалов, топлива и энергии, материальные затраты на 1 руб. произведённой продукции снизились, по сравнению с 1991 г. Периодические переоценки основных фондов предприятий привели к резкому увеличению амортизации, которая и стала, в конечном итоге, наиболее «весомым и удорожающим производство фактором». Тем не менее, предприятия старались сохранять имеющееся у них имущество. Следует обратить внимание на заметный рост у предприятий прочих затрат, в составе которых львиную долю составляли налоги, включаемые в себестоимость производимой ими продукции. Определенное представление об этом дает нижеприведенная таблица.

Таблица 3

Динамика структуры затрат на производство продукции лёгкой промышленности

	1991	1996	1997
Всего затрат на производство	100,0	100,0	100,0
Материальные затраты	84,4	44,7	47,3
Затраты на оплату труда	10,2	26,2	26,5
Отчисления на социальные нужды	2,9	10,3	10,4
Амортизация основных средств	1,0	12,0	9,2
Прочие затраты	1,4	6,8	6,6

Источники: Основные показатели экономического и социального развития Республики Алтай за 1997 г. — Горно-Алтайск, 1996. — с. 28, 84.

Примечания: Таблица составлена нами — *Т. А.*

Подводя итог всему вышесказанному, можно констатировать, легкая промышленность Республики Алтай, пройдя «модернизации» и переход к рынку, превратилась, по существу, из материалоёмкой (в советское время) в трудоемкую (в постсоветское время) отрасль, отягощенную значительной массой (по стоимости) основных средств производства, не приносивших уже (как это было раньше) большой пользы для производства.

За годы реформ промышленное производство Республики Алтай сократилось в 3 раза. И это было связано с тем, что (как упоминалось уже выше) в 90-е гг. на российском рынке текстиля и швейных изделий появилось большое ко-личество дешевой и низкокачественной импортной продукции Ее «интервенция» и обусловила и структурные сдвиги, уничтожившие, по сути дела, легкую промышленность Республики Алтай.

Библиографический список

1. Зотов, М. П. Горный Алтай — мировой лидер на пути к ноосферному развитию / М. П. Зотов. — М., 1999.
2. Стратегия развития Республики Алтай до 2010 года / под ред. к.э.н., профессора Л. М. Шодоевой. — Горно-Алтайск, 2004.
3. Комитет по делам архивов Республики Алтай (КПДА РА). Ф. 689. Оп. 2. Д. 12.
4. Основные показатели экономического и социального развития Республики Алтай за 1995 г. — Горно-Алтайск, 1996.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 21.10.10.

T. V. Ankudinova

THE SOME PROBLEMS OF INDUSTRIAL DEVELOPMENT INDUSTRY REPUBLIC ALTAI AND TOWN GORNO-ALTAYSK AT END XX CENTURY

In article, on the basis of publish and archive materials analyzed the main some problems of industrial development industry Republic Altai and town Gorno-Altaysk at end XX century.

Russia, Republic Altai, town Gorno-Altaysk, liberalism, political and social changes, economy

УДК 902

В. Я. Бутанаев

ХАКАССКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ СЕМЬЯ

В статье, на основе документальных источников дается авторское толкование понятия «хакасская традиционная семья».

Хакассия, хакасы, хакасский язык, род, племя, исторические сказания, Россия, Сибирь, тюркские народы

Хакасы (современное самоназвание «тадар», историко-поэтическое имя — «хоорай») — это тюркоязычный народ, проживающий, главным образом, на территории Республики Хакасия. До вхождения в состав России она была известна под названием «Хонгорай» (в хакасском произношении «Хоорай»). В царской России ее коренные жители, как и многие другие тюркские народы Сибири, именовались «татарами» (минусинскими, ачинскими, абаканскими), что оказало свое влияние на их самоназвание. В настоящее время хакасы делятся на четыре этнографических группы: качинцы, сагайцы, кызыльцы и шорцы, каждая из которых имеет свой диалект. Общая их численность — около 80 тыс. человек.

В дореволюционной историографии хакасская семья начала освещать — фрагментарно — лишь только после присое-динения Хакасии к России, т. е. с начала с XVIII в., в частности, в сочинениях Г. Ф. Миллера [1], П. С. Палласа [2], И. Г. Георги [3], в которых имеются краткие описания тех или иных сторон жизни хакасов.

Первая половина XIX века ознаменовалась появлением в этнографической науке так называемой «губернаторской историографии». Ее представителями стали такие авторы, как Г. И. Спасский [4], А. П. Степанов [5], И. Пестов [6], И. П. Корнилов [7], Н. С. Щукин [8] и др. [Будучи на государственной службе, они занимались и сбором сведений о народах Енисейской губернии. Благодаря их усилиям, мы имеем сегодня возможность иметь представление о семейной организации хакасов. Так, например, минусинский окружной начальник, князь Н. А. Костров, опубликовал в свое время серию статей о хакасах в «Томских губернских ведомостях». Он же является автором «Очерков о быте минусинских татар», в которых им рассмотрен вопрос о главенстве в их семьи, внутрисемейной иерархии, отношениях между супругами, обычае избегания, добрачных отношениях, о сфере хозяйственной деятельности женщины [9, с. 208-248].

С середины XIX в. повысился интерес к этнографии хакасов и со стороны европейских ученых. Так, в 1847 г. берега Абакана посетил (в поисках прародины финнов) исследователь языков северных народов М. А. Кастрен. В своих трудах он весьма красочно описал семейный быт хакасских этнографических групп [10].

Немалый интерес к жизни хакасов проявили и многие русские священники. Приобщая их к православию, они не оставили без внимания, их семейный быт, язык, мировоззрение и культурные особенности. Их «наблюдения» были опубликованы в свое время на страницах «Енисейских Епархиальных Ведомостей».

Однако подлинное научное изучение хакасов (правда, преимущественно на археологических и этнографических материалах), началось с появлением Минусинского музея, основанного Н. М. Мартьяновым в 1877 г. С его деятельностью связано и появление целой серии работ о хакасов, авторами которых явились политические ссыльные Д. А. Клеменц, Ф. Я. Кон и Е. К. Яковлев. В частности, последний, изучая литературу и этнографические коллекции Минусинского музея, впервые представил системный обзор (богато иллюстрированный) традиционной культуры хакасов. В нем были затронуты многие стороны их семейного быта (отношения в семье, свадьба, положение женщины, развод, наследование, воспитание детей, грамотность мужчин и женщин, развод и его последствиях для женщины и др.) [11].

В конце XIX — начале XX вв. появляются работы, автором которых явился хакас — проф. Н. Ф. Катанов. В них содержалась богатая информация о семейных отношениях и брачной обрядности хакасов, содержится в публикациях [12]. Особенно ценны сегодня для нас приведенные им сведения о хакасской свадьбе, формах брака, обычаю избегания и т. д.

В начале XX в. проявили интерес к изучению семейного обычного права хакасов и правоведы, в частности, Д. Е. Лаппо. В его работах нашли свое освещение быт хакасов, условия их кочевых отношений, семейные правоотношения, улусное управление, делопроизводство в судах и др. [13].

Словом дореволюционная историография сделала немало для изучения истории хакасов. Но, наряду с ее достижениями, нельзя не отметить и ее слабые стороны: это четко выраженный краеведческий характер изучения, описательность и откровенно слабая «осмысленность» этнокультурных процессов. В частности, хакасская семья и положение в ней женщины освещалось с чисто патриархальных позиций.

Кардинально противоположные подходы в деле изучения интересующих нас проблем продемонстрировала советская историческая наука. Этому во многом способствовало создание в 1944 г. местного научного центра — Хакасский научно-исследовательского института языка, литературы и истории, штат которого был укомплектован национальными кадрами. Именно в те годы начали свою научная деятельность Ю. А. Шибаевой [14] и К. М. Патачакова [15], внесшие значительный вклад в изучение этнографии и культуры коренных жителей Хакасско-Минусинского края.

Продолжая в дальнейшем дело первопроходцев, их последователи обнаружили «схожесть» протекания многих этнических процессов у хакасов и

у других народов Саяно-Алтая. В частности, у алтайцев это подметила Н. И. Шатинова, особенно в области межэтнических браков [16]. К таким же выводам пришел и ее коллега В. П. Кривоногов, изучавший межэтнические браки у хакасов. Согласно его данным, женщины-хакаски принимали активное участие в этих интеграционных процессах [17]. Немалый интерес к ним проявляют и ученые других регионов, Так, свадебная и похоронная обрядность хакасов советского времени, а также религиозные представления хакасов нашли отражение в работах томского этнографа М. С. Усмановой и автора настоящей статьи (интересующихся отправляем к нашим работам: Бутанаев В. Я. Традиционная культура и быт хакасов. —Абакан, 1996.; Бутанаев В. Я. Этническая культура хакасов. — Абакан, 1998).

Завершая этот краткий экскурс по историографии данной проблемы, следует констатировать только одно: проблема семьи не была вычленена в качестве отдельного предмета из всего комплекса научного анализа. Она же, как это неоднократно подчеркивали исследователи, сложна, а ряд ее проблем и аспектов и по сей день остаются не до конца выясненными. В силу этих обстоятельств, и предпринята нами попытка хотя бы фрагментарно осветить суть затронутой в статье темы.

Как известно, система родства у хакасов формировалась на протяжении многих столетий, причем, в тесном взаимодействии с общими правовыми традициями в области семейных отношений у тюркских народов. Основа ее была создана еще в период древнетюркской эпохи (VI—X вв.). Однако окончательный свой вид она приобрела лишь в монгольское (XI—XVII вв.), а по некоторым позициям — даже российское (XVIII—XIX вв.) время. Чтобы подтвердить последнее, достаточно сказать, что в российский период в хакасский язык вошли такие понятия как «сват», «няня», «крес паба» (крестный отец) и некоторые другие, совсем нехарактерные для традиционного семейного быта скотоводов Хакасии.

Общеизвестно, что терминология родства у хакасов четко различается по старшинству и полу, по кровному родству и брачным линиям. Дабы убедится в этом, выделим для понимания четыре родственных линии: отец и его родня, мать и её родственники, номенклатура родства по браку и линия «эго» (интересующихся этой проблемой отсылаю к своей работе: Бутанаев В.Я. «Степные законы Хонгорая». — Абакан, 2004.).

Отец в трех ведущих диалектах хакасского языка имеет три разных названия: «паба» — в качинском диалекте, «аба» — в сагайском, «побо» — в кызыльском. Это обстоятельство несомненно свидетельствует о трех этнических пластах, которые, по всей видимости, участвовали в формировании хакасского народа. Указанные слова в формах «баба» и «аба» присутствуют, как известно, в ранних письменных источниках многих тюркских племен.

Термин «ада» в значении отец, употребляемый практически во всех тюркских языках («ата»), в хакасском языке встречается редко. А если используется то, как правило, в поэтической речи, в частности, при воспевании отечества и употребляется сочетание «ада чир-суу» (букв. отцовская земля-вода или «ада чурты» — отцовская обитель).

Отец (по хакасским представлениям) считается твердым человеком, держащим в руках семью. Поэтому говорят: «Отцовская душа, что душа у медведя (т. е. жесткая)». В данном случае душа обозначается хакасским термином «паар» — букв. печень. Согласно народным представлениям, дети зарождаются в печени и, следовательно, все родственники происходят от единой печени. В этой области человека сосредотачиваются душевные муки, сердечность и доброта. В силу этого, право отца в семье имело первостепенное значение и сравнивалось с силой медведя.

Младший брат отца и младший брат деда, т. е. по-русски «дядя», имели общее имя «абаа» (в качинском и кызыльском диалектах) или «аджа» (в сагайском и шорском диалектах). В данном случае прослеживаются качинско-кызыльская и сагайско-шорская историко-культурные общности. Следует добавить, что этими же словами именовался и старший брат. Подобное значение связано с тем, что старший брат выделялся из хозяйства рано и жил отдельно, словно брат отца.

Дедушка, т. е. отец отца, а также его старший брат, называются общим именем «ага». В сагайском диалекте, наряду с ним, используется и понятие «улааба» («улуг аба»), т. е. «большой отец». По такому же принципу зовется и прадедушка — «улаага» — букв. «большой дедушка» или «кири ага» (кірі аға) — «старый дедушка». Все указанные родственники, обозначаемые словом «ага», соотносились с предками, а потому и находились на особом положении почетного родства. Слово «агаларов» являлось для всех остальных законом.

Старший брат деда, а также двоюродный брат отца именовались «абый». Единую основу с ним имеет и слово «абыга», применяемое для обозначения старшей сестры деда или двоюродной сестры отца. В хакасском языке термин «абый» («абыг») соотносится не только с пожилым и кряжистым человеком, но и деревом. Например, «абый хузух» — кряжистый, старый кедр.

Группа двоюродных родственников по линии отца обозначается общим именем «ачы». Например: «ачы харындас» — двоюродный брат, «ачы пиджже» — двоюродная сестра, «ачы пала» — племянник, сын брата, «ачы-хучулар» — дальние родственники отца. Согласно хакасским обычаям, последним запрещалось обмениваться браками. Возможно, слово «ачы» восходит к древнетюркскому «аты» — внук, племянник (сын младшего брата). В эпоху позднего средневековья этот термин подвергся монгольскому фонетическому влиянию (по-монгольски «ач» — внук, внучка (по мужской линии), племянник, племянница — по брату).

Родная сестра отца, т. е. тетя, звалась «чачжа» или «чечже». Термин, несомненно, китайского происхождения (по-китайски «цзацза» (чжечже) означает старшая сестра). Подобного слова нет в языках соседних народов. Поэтому, его появление у хакасов остается загадкой для исследователей.

Мать во всех диалектах хакасского языка, представлена единым термином «идже» (іче). Среди тюрков Саяно-Алтая такое слово встречается только у

хакасов. Кроме того, существует его синоним в форме «ине». Словом «ине» или «идже» хакасы называют ещё жену брата отца, которая вероятно могла выполнять функции матери.

Бабушка, т. е. мать отца, называется «ууджа». Слово происходит от первоначального «улуг идже» — букв. «большая мать». Прабабушка носит название «улуг ууджа» — букв. «большая бабушка» (у качинцев) или «кири ууджа» — «старая бабушка» (у кызыльцев и сагайцев).

Все кровные родственники матери именовались «тайы» или «таай». Нами выявлено более 20 терминов, означающих родство по матери. Это безусловное свидетельство большого значения в жизни хакасов мужской родни со стороны женщины. Своим происхождением слово «таай» восходит к первоначальной древнетюркской форме «тагай», образовавшей, вероятно, от основы «таг» — гора. Дядя по матери был для племянника всегда «высоким и весомым» как гора. Это нашло свое выражение в хакасском языке: «Тайы» — выше горы, а его племянник ниже земли».

Жена дяди по матери именовалась «кёйи» көйі (этот термин отсутствует в других современных тюркских языках). «Кёйи» играла ведущую роль в свадебных обрядах. Она совершала обряд поклонение невесты Луне и Солнцу, переплетала девичьи косички в две женские косы, проводила, накануне основной свадьбы, у себя дома девичий пир «хыс тойы» и др.

В сагайском и кызыльском диалектах сестра матери и сестра бабушки по матери зовутся «абыла». Качинцы именуют сестру матери «тайы чачжа», а бабушку по матери — «ааджа». Термин «абыла» бытует и в других тюркских языках, в частности, в турецком. Правда, наряду с ним, живет и другое название тети или старшей сестры — «абла».

Линия «эго» в хакасском языке представлена и другими терминами для обозначения кровных родственников. Так, сын у них именуется «оол». Это название восходит к древнетюркской форме «огул» (от корня «ок» — род, происхождение). Смысл слова «оол» («огул») связывается с наследником рода. Дочь носит название «хыс» — букв. девочка и восходит к древнетюркскому понятию «кыз» — «красота». Подтверждением этого может служить выражение «хызыл хыс» — «краса девица».

Ребенок у хакасов называется общетюркским именем «пала». В сагайском диалекте бытует и термин «урай» («малыш»). Он напоминает древнетюркское слово «уры» — «мальчик, сын». Правда, ныне этот термин отсутствует во всех современных тюрко-монгольских языках.

Свой термин есть в хакасском языке для обозначения внука — «палам палазы» («ребенок моего ребенка»). Внук рассматривался хакасами как свой ребенок, не отдавая при этом приотритета ни дочери, ни сыну.

Единокровные родственники, т. е. и братья и сестры, имели общее название «харындас» (букв. «дети единого живота»). Сестра именовалась «хыс харындас» — «девичий единоутробник», а брат — «ир харындас» — «мужской единоутробник». Сегодня слово «харындас» закрепилось только за понятием «брат». Он считается хакасами единокровным родственником, поэтому среди них бытует понятие: «у братьев единая кровь».

Правда, братья, рожденные от разных родителей, имели свои специальные названия. Так, брат по отцу назывался «ах сарыг» (букв. «отцовская сторона»). Название это, похоже, восходит к монгольскому корню «ах» — «брат, дядя по отцу». Брат по матери назывался «юктеш» (öктес) (основа слова связана с ныне забытым древнетюркским словом «ёк» (ök) — «мать». Бытование разных названий, бесспорно, свидетельствуют о разном их правовом положении: право наследования имущества умершего имел только наследник по отцу. Младшие братья и сестры имели общее имя «тунгма» («ир тунгма», «хыс тунгма»). Этот термин характерен для всех тюркских народов Саяно-Алтая. Он происходит от словообразовательного аффикса «ма» и глагольной основы «тунг» (муг) — «рождать». Первоначальный смысл для младшего по возрасту означал (дословно) — «новорожденный».

Дети и внуки сестры, т. е. племянники со стороны сестры назывались у хакасов «чеен». Это слово восходит к древнетюркской форме «йеген» и происходит, вероятно, от основы «йенг» — «побеждать». Учитывая большое значение племянника для дяди, желания которого были для последнего законом, можно утверждать, что племянник был победителем или завоевателем дядиной души.

Детей сестры, т. е. племянников и племянниц, женщины называли «пиг сарыг» — букв. «княжеская сторона». И в силу этого, почитались они, наряду с племянниками дяди по матери, как «беги», т. е. князья. Дети двух сестер, т. е. кузен и кузина, называли друг друга «пёле» (пöле). Согласно обычному праву, браки между ними не только разрешались, но и предпочитались. Важно отметить, что в некоторых тюркских и монгольских языках термином «бёле», помимо названия двоюродных братьев и сестер по матери, обозначались также семья и домочадцы. Исходя из этого, семья у тюрко-монгольских народов строилась на основе отношений между «пёле», т. е. кузена и кузины.

Если говорить о терминологии родства по браку, то следует отметить, что она, в первую очередь, определялась отношениями мужа и жены. Первый имел общее название «ир», его супруга — «ипчи» — букв. «домашняя». Это слово, вне сомнения, происходит от древнетюркского «эбчи», означавшего и подчеркивавшего круг обязанностей жены.

Все кровные родственники по жене или мужу называются общим именем «хазын» (языковеды связывают его этимологически с термином «кадын» — жена). Например, «хасты» (хазын + ата) — тесть или свёкор, «хазине» (хазын + ине) — теща или свекровь, «хазынага» (хазын +ага) — старший шурин, т. е. старший брат жены или старший деверь, т. е. старший брат мужа; «тай хастым» — брат матери моего мужа или жены и т. д.

Все не кровные родственники жены или мужа, в зависимости от возраста говорящего, имели свои названия. Так, старшая свояченица жены или старшая золовка мужа назывались «игечи», термин сходный с древнетюркским словом «эке» — «тёт-

ка», «старшая сестра», к которому добавился второе, близкий по смыслу понятие — «эче» — «старшая сестра».

Младшая свояченица, т. е. младшая сестра жены называлась — «пасты». Этого слова (даже близкого по звучанию) нет в других тюркских языках В них хакасское понятие обозначается словом «балдыз» или «балтыр».

Жену старшего брата жены хакасы называли «пиреген» (в качинском и кызыльском диалектах) или «игечи» (в сагайском и шорском). Первое слово, бесспорно, происходит от монгольского «бэргэн» — «старшая невестка», основу которого составляет слово «бэр» — «сноха, «невестка», а второе — общетюркское, уже разобравшееся нами выше.

Зять (младше меня по возрасту) именовался общетюркским термином «кизёё» (кізӧ) (в качинском и кызыльском) или «кюзее» (кӱзее) (в сагайском и шорском диалектах). Он также восходит к древнетюркскому «кюдегю» (кӱдегӱ). Вполне возможно, что происхождение этого слова связано с древнетюркским корнем «кюде» — «проводить пиршество первой брачной ночи». Таким образом, обозначение зятя связано, по своему смыслу, с человеком пиршества первой брачной ночи.

Старший зять (т. е. муж старшей сестры или муж сестры моего отца) именовался «чисте» (от древнетюркского «йезне»). В семейно-брачных отношениях положение «чисте» не уступало по значению дяди по матери — «тайы». Он также имел право, во время свадьбы, проводить экзекуцию над женихом, устраивал девичий пир — «хыс тойы» для племянницы своей жены, а на свадьбе — поднимал подарок «паргаа», укрепляя институт кузенных браков.

Сноха или младшая невестка носили название «килин» (кілин) — букв. «пришедшая», т. е. инородная. Слово происходит от глагольной основы «кил» — «приходить» и словообразующего аффикса «ин».

Жену старшего брата, т. е. старшую невестку, хакасы называют «ниге». Это название связано с общетюркским словом «йенге».

Таким образом, патриархальные отношения, веками господствовавшие в хакасском обществе, выработали специальную терминологию деления на младших и старших родственников. Необходимо также отметить, что хакасский язык, не зная деления на мужской и женский род, имел деления в системе родства как по линии женского, так и мужского потомства. В этой «табели» имеются как архаичные структуры родственных связей, так и сравнительно недавние напластования, связанные с монгольским и русским влиянием. Выработанная терминология позволяет прослеживать родство до третьего поколения, как для старших родственников, так и для младших.

Хакасская семья также имела свои названия: «сёбире» (сӧбире) — «домочадцы», «уя» — «ячейка», «от» — «очаг», которые характеризовали, в основном, кровнородственные и патриархальные отношения. Особенностью хакасской семьи являлось то, что она, как правило, совпадала с отдельным хозяйством. В силу этого, семья имела и другие названия: «ахый» («хозяйство») или «кёс» («кочевье»). Главной экономической характеристикой семьи кочевников были, по мнению ученых, «совместность производства, совместность потребления, выражающаяся в безусловном праве на долю производственного продукта и наличие общей движимой собственности». Необходимо также отметить, что общего названия для семьи, которая бы соответствовала кровнородственным, экономическим и правовым связям в хакасском обществе не существовало. В настоящее время в литературном языке для понятия семьи употребляется слово «сёбире» [18].

В большинстве своем, у хакасов доминировала индивидуальная, малая семья, состоявшая из родителей и их детей, хотя иногда встречались и большие патриархальные семьи. Брачным возрастом для мужчин являлись 20-30 лет, для женщин — 15-25 лет. Не исключались и ранние браки, особенно характерные для байских семей, когда мальчиков 10-11 летнего возраста женили на взрослых девушках 20-25 лет. Главой семьи всегда являлся отец, а дети полностью зависели от него. Без согласия родителей, сыновья не имели права вступать в брак и самостоятельно принимать жизненно-важные решения. В противном случае они лишались наследства.

Отец, женив своего сына, ставил ему (в пределах одной усадьбы и меньшей величины) отдельную юрту (с северной стороны от своей), поскольку в жилище отца женатый сын и его жена не имели права жить. Остальные сыновья, по мере женитьбы, также получали свои юрты. Иначе говоря, женатые сыновья, до выделения из хозяйства, жили в одной усадьбе.

По хакасскому обычаю каждая семья должна иметь свое жилище. Поэтому понятие «жениться» передается у хакасов словом «ибленерге» (букв. «обзаводиться домом»). Юрта отца называлась — «большой дом», а жилища женатых сыновей — «малым домом». Юрты невыделенных детей находились в одной ограде, скот не был разделен и ходил под одним отцовским тавром, совместным было питание и хозяйственная работа.

Заключение брака в хакасском языке выражается понятием «хыс алысханы» (букв. «обмен девушкой»), подчеркивающее первостепенное значение мужчины и его рода при определении брака с женской стороной. Народные обычаи предписывали обязательность брака. Хакасы говорили: «Не будет огня от одинокой головни, не будет жизни от одинокого человека». Смысл жизни определялся в вечном продлении человеческого рода.

Жених и невеста зачастую не видели до свадьбы друг друга. Слова «жених» в хакасском языке нет, его заменяет понятие «оол» «парень») или «кизёё» («зять»). Для невесты таковое существует — «наа пала» (букв. «новый ребенок»). Это название связано с тем, что невеста входила в семью жениха на правах нового члена, ибо выделение новой супружеской пары происходило только через несколько лет после свадьбы.

Обычное право запрещало двум братьям проводить свадьбу в один год. Нарушение этого «табу», согласно хакасским верованиям, грозило наруши-

телю смертью. Исключение делалось лишь для братьев — близнецов, свадьбу которым могли делать в один день. Души близнецов, полагали хакасы, являют собой единую субстанцию и имеют меж собою магическую связь.

Перекрестные браки (двух родных братьев на двух родных сестрах) и обмен невестами у хакасов запрещались, ибо они верили, что хорошо будет жить только один из женившихся, другой же будет обречен на несчастья. Потому-то младший ждал, когда женится его старший брат.

Не разрешалось в один год отводить свадьбу дочери и сыну. Это можно было делать только через год. Если вперед женился сын, то своей очереди ждала его сестра. Если она все же выходила, то считалось, что ее супружеская жизнь будет несчастной. Однако если дочь выходила замуж раньше брата, то ее брату не возбранялось жениться в тот же год. Если же умирал глава семьи, то в течение года его дети не могли решать свои семейно-брачные дела.

Вопрос о свадьбе всегда решали родители. Но прежде, чем говорить о ней, они выясняли родовую принадлежность невесты. Во-первых, плохой род ее мог повлиять на «качество» потомства. Во-вторых, она не должна была быть представительницей одного с женихом сеока. Лишь только после такого рода выяснений, давалось «добро» на брак. Говоря о нем, следует отметить, что жизненные обстоятельства были непредсказуемы. В силу этого, могли быть повторные браки. На этот счет хакасское правило гласило: «первый брак — богом соединенный, второй брак — мучительный, третий брак — дьявольский». Обычное право разрешало мужчине иметь трех жен, уготовив им разную роль в семейной жизни и социальном положении. Первый брак нельзя было разбивать. Хакасы были уверены, что после своей смерти супруги первого брака продолжат совместную жизнь и на том свете. Судьба и семейная жизнь человека якобы предопределена Верховным творцом.

Обычное право поощряло, как правило, дуально-родовой брак («сеок нандыты» — возврат сеока). Он был связан с обычаем авункулата, отдававшим предпочтение кузенным бракам. У хакасов существовало два вида таковых: с дочерью или сыном брата матери («тайылыг-чеенилиг») и с дочерью или сыном сестры матери («пёле-алысхны». Например, если девушка из сеока «кыргыз» вышла замуж за парня из сеока «пурут», то ее дочь должна обратно выйти замуж за мужчину из сеока «кыргыз», т. е. происходил возврат потомства ушедшей в другой сеок женской половины рода. Такие браки часто бывали не равными по возрасту.

Основной формой заключения брака было похищение девушки — «тутхын», с уплатой калыма. Умыкание невесты, несомненно, восходит к тем далеким временам, когда женщин захватывали из другого рода. Родовая экзогамия являлась законом, а потому браки между представителями одного рода, как уже упоминалось выше, не допускались.

Старинной формой заключения брака являлся сговор «чахсынанг алысханы» — «брак чести» (букв. «обмен по-хорошему»). В этом случае детей сватали в возрасте трех или пяти лет. Со времени обручения и вплоть до их совершеннолетия, родители жениха ежегодно (весной, во время копчения мяса, и осенью, во время забоя скота на зиму) привозили сватам «арчу» — ценные подарки, продукты и вино. При сговоре «чахсынанг алысхны», калым не платился, ибо он окупался «арчой». Надо заметить, что год от года, приближаясь к свадьбе, «арча» увеличивалась в своих размерах. Свадебные приношения, как и калым, представляли подарки, составленные из «девяток». Например, когда совершали «хаяхтыг уча» («масляное застолье»), то родителям девушки привозили 9 котлов топленого масла, 9 кожаных мешков с хакасскими сырцами и 9 мешков сыра. Кроме того, на это застолье родители жениха готовили 9 котлов ячменного талкана, залитого сверху маслом. К началу XX в. вместо 9 котлов стали привозить уже 1 котел и 8 маленьких казанков. Большой котел талкана отец девушки оставлял у себя, а остальные посылались в гостинец родственникам и, в первую очередь, дяде невесты по матери («тайы»). Правда, рассматриваемое время такие браки заключались только в байской среде.

Когда дети достигали 15-17-летнего возраста, родители юноши приезжали договариваться о его женитьбе. Подготовка к ней шла в течении трех лет. Окончательное угощение делалось весной, в год свадьбы, и называлось это «улуг арага» («великий пир») или «улуг уча» («великое застолье»). Сваты приезжали с большим количеством вина и конкретно договаривались о дне проведения свадьбы. Согласно хакасским традициям, она, справлялась летом, перед сенокосом, когда трава вырастала на длину одного «мухура» (расстояние между вытянутым большим и согнутым указательным пальцами) и обязательно на третий или пятый день новолуния.

Заключительным обрядом при сватовстве «брака чести» был «теенджек», своего рода девичник, За неделю до свадьбы, невеста собирала своих подруг, как правило, 7 человек. Приглашалось на него и такое же количество парней (для ухода за лошадьми девушек). В богатых семьях на «теенджек» собиралось до 30-50 девушек и парней, одетых в лучшие наряды. Невеста и ее подруги обязательно одевали шелковые платья, с парчовыми наплечниками, девичьи халаты, а на голову — свадебные шапочки («сахпа»). В течение недели вся компания верхом на лошадях объезжала родственников невесты, которые угощали молодежь и делали им подарки для свадьбы. Во время «теенджека» молодежь пела песни и веселилась. Затем эта кавалькада возвращалась в родительский дом, где вечером устраивали девичий праздник — «хыс тойы».

Когда приходил день свадьбы, то невеста ехала в дом жениха, верхом на своем коне, держась за чембур, а ее старшая сестра или старшая невестка вела лошадь на поводу. За невестой тянулся обоз, везший ее имущество (9 сундуков с утварью, одеждой, постельными принадлежностями). При «браке чести» калым, как уже упоминалось выше, не платился, поскольку он окупается подарками и угощениями, делавшимися женихом за многие годы.

В связи с тем, что сватовство — «обмена» браком «по-хорошему» — длилось от 10 до 20 лет, степные законы предусматривали определенные требования. В случае, если жених отказывался от нареченной невесты по сговору, то ее родители ничего

не возвращали. Если жених умирал, то тогда девушку выдавали за кого-нибудь из его братьев. Если невеста, засватанная по обычаю «чахсынанг алысханы», отказывалась или умирала, то вместо нее отдавали её сестру или возвращали двойную стоимость всех «жениховых» затрат. Если же обрученная оказывалась обольщенной другим, то стоимость подарков возвращал жениху соблазнитель.

Но наиболее распространенной формой брака являлось похищение девушки, с последующей уплатой калыма. Как правило, влюбленные сами договаривались о дне и времени «умыкания девушки». После него, к родителям «похищенной» посылался нарочный, который, не слезая с лошади, объявлял, где находится «потеря». Отец будущей невесты собирал отряд в 20-30 человек и отправлялся в погоню («сюргюн»). Навстречу ей выходили родители жениха с вином в руках и, кланяясь, говорили: «Мы виноваты, так как совершили кражу». Отец девушки требовал привести к нему дочь. Группа женщин вводила ее в женскую половину юрты и, заслонив собою, подучивала, как отвечать. Если девушка была не согласна, то участники погони увозили ее обратно домой. За бесчестье виновный платил штраф 25 рублей (царскими деньгами). Если дочь подтверждала, что пришла сюда по доброй воле и согласна выйти замуж, то тогда начинали разговор о калыме. Раньше он выплачивался скотом. В зависимости от состояния семьи «вора», родители девушки требовали, как правило, 9 лошадей, 9 голов крупного рогатого скота (чаще всего 9 коров), а богачи — даже 9 табунов). В конце XIX в. калым стали уплачивать деньгами. Согласно обычаю, цену за девушку назначал ее отец. Калым платился сразу: глава дома клал требуемые деньги на блюдо, застеленное белым платком. Отец невесты заворачивал их в этот же платок и отдавал деньги кому-нибудь из членов «сюргюна» для пересчета. Если сумма была неполной, то остальные деньги, по уговору, привозили на мировую. Полученный за дочь калым, отец делил между своими сыновьями и братьями. Все, кто имел отношение к калыму, обязаны были, в свою очередь, участвовать в «обеспечении» невесты приданым, которое она наделялась осенью (года через два-три после свадьбы). Его стоимость лишь немного уступала стоимости калыма.

На следующий день после привоза молодой в юрту жениха, сагайцы и кызыльцы сразу же устраивали праздник «сас тойы», связанный с переплетением волос: распускались многочисленные девичьи косички сплетались в две женские косы. У качинцев этот обряд выполнялся во время свадьбы («улуг той»). Для нее, с северной стороны юрты родителей устанавливался свадебный шалаш — «алачых» (из трех березовых жердей, крытых корой) — с дверью на восток. Невеста во время всего праздника «сас тойы» обязана была находиться в этом свадебном шалаше. Здесь же ей распускали волосы и заплетали две косы.

Наряду с калымом, сторона жениха обязана была отдать за невесту в подарок лучшего коня — «башат» (букв. «головной конь»). Как говорили тогда хакасы: «Меняем баш на баш», т. е. голову девушки на голову коня. «Башат» вручался с уздечкой, но без седла. Получал коня отец невесты. Когда замужняя дочь приезжала после свадьбы в гости к родителям, то ее отец вместо калымной лошади — «башат» дарил ей коня «изерат», т. е. «коня во всем убранстве».

В состав свадебных расходов входил и подарок, называемый «сют агы» или «имджек агы», т. е. «за грудное молоко» матери. Зять дарил теще одежду (шелковое платье, платок) или дойную корову. Обычно этот подарок преподносился во время поездки к родне жены. Кроме «имджек агы», преподносился подарок женщине, выкормившей своим молоком невесту. Интересно отметить, что в советское время, когда калым был отменен, «имджек агы» продолжал бытовать (тогда выплачивалось ей от 50 до 100 руб.). Обычай дарения «сют агы» бытовал и у других народов, в частности, у кыргызов и казахов, что говорит о древности этого обряда у тюркских народов.

Важное значение для вступавших в брак имел свадебный обряд «поклонения невесты Луне и Солнцу». Он являлся своего рода венчанием и присягой на верность в супружестве. Если мужчина брал вторую жену, то «венчание» перед Луной и Солнцем совершали, но в дом ее вводили не через двери, а через окно. Если он женился третий раз, то третья жена избавлялась от этого обряда. Когда свёкор имел три жены, то третью свекровь невестки не почитали иносказанием («чайытпас»), ибо эту спутницу его жизни не водили на поклон Луне и Солнцу.

После данного обряда, невесту заводили в юрту, где исполнялся обряд приобщения ее к очагу («отха пазыртханы»). С этого момента она становилась хозяйкой домашнего очага. Посаженная мать (после обряда поклонения огню) совершала обряд инициации над невестой. Она надкусывала её большой палец левой руки до крови и произносила благословения, говоря: «кусаю большой палец невесты, не нарушай установленных правил, не забывай свою посаженную мать!».

На свадьбе проводилось обязательное ритуальное соревнование за право овладения костью голени — «чода». Этот обряд встречается не только у хакасов, но и у алтайцев и тувинцев. Борьба из-за кости («чода хапханы») состояла в следующем. После того, как невесте переплели волосы на две косы, приносили отваренную правую переднюю голень («чода») забитого на свадьбу скота. Посаженная мать, держа в руке мосол за узкую часть, проводила им три раза по косам невесты, говоря: «правой голенью мажу правую косу, пусть первый ребенок будет мальчиком!». Начиная с этого момента, невестка не могла показываться перед свекром с непокрытой головой, т. е. без головного убора. Затем посаженная мать бросала его из дверей юрты в сторону восхода солнца. У порога юрты дожидались этого момента молодые парни. Начиналось спортивная схватка за овладение костью «чода». Кто побеждал в этом соревновании, тот, считалось, вперед всех успешно женится. Затем победитель торжественно преподносил голень «чода» самому почетному старику, который благословлял юношу. Кость «чода», несомненно, имела сакральное значение, связанное с общественным статусом человека.

Немаловажное значении, среди свадебных ритуалов, имел обряд «паргаа хабарга» (букв. «хва-

тать паргу». Женихом готовился — в обязательном порядке — почетный подарок «паргаа» для мужской родни по матери и женской родни по отцу, принимавших большое участие в судьбе и в женитьбе своих племянников. Он состоял из лучших частей туши крупного скота — стегна и грудины. Задняя часть туши или «улуг паргаа» («большая парга») дарилась от имени жениха дяде по матери («тайы»), грудина («малая парга» — сестре отца жениха, которая могла принять ее вместе со своим мужем. Человек, принимавший «паргаа», обязан был заранее приготовить бочонок вина для угощения. Дядя по матери («тайы») или муж сестры отца («улуг чисте») обязаны были, согласно обряду, вынуть недоваренное мясо (двумя руками) из большой кадки. Но им всячески мешали сделать это. Им натирали салом и сажей лицо, запихивали в рот куски жира и т. д. «Поднявши паргу», они торжественно поворачивались к родне и произносили: «Мы еще будем поднимать паргу, мы еще придем на вашу свадьбу, мы еще возьмем в жены ваших девушек, мы еще вам отдадим в жены наших девушек! Пусть следующие потомки, также поднимая «паргу», проводят будущие свадьбы!». После окончания пиршества, «паргаа» увозилась домой и ею угощали соседей. Обычай «паргаа хабарга» — это бесспорное свидетельство бытования в Хакассии института кузенных браков. Слово же «паргаа» можно соотнести с древнетюркским термином «баргу» («добыча»).

В соответствии с обрядом, родители невесты не могли присутствовать на свадьбе. Они устраивали отдельное пиршество по приезду молодых от родителей жениха (у сагайцев и кызыльцев сразу после свадьбы, у качинцев — через три месяца). Эта часть свадебных ритуалов у сагайцев называлась «кюзее» (кӱзее), а у качинцев — «тёргин» (төргін).

Заключал свадебные обряды еще один, совершаемый над женихом во время поездки его в дом родителей невесты. Это была своего рода экзекуция — «чаргы» (букв. «суд»). Зять ставился перед дядей по матери («тайы») или мужем сестры отца («чисте») невесты и его троекратно били кнутом. Битье сопровождалось назиданиями: «Бью тебя витым кнутом для того, чтобы мы стали вечными родственниками. Уважай старших! Не перечь тестю и теще!». Обычай «чаргы», утверждавший особое значение родни жены, тоже был свидетельством бытования в Хакассии института кузенных браков.

Свадебная обрядность хакасов, несмотря на некоторые локальные варианты, в целом была едина для всех этнографических групп. Присущий им свадебный комплекс имел несколько этапов: похищение девушки — «тутхын»; приезд погони — «сюргюн»; переплетение волос — «сас тойы» или «кичиг той»; мировая — «чарас»; собственно свадьба — «улуг той» и праздник по случаю приезда невесты в гости к своим родителям — «тёргин».

Указанные элементы свадебного комплекса — в большинстве своем — бытуют и по сей день. Молодые шьют себе на свадьбу национальные костюмы из одной материи, свахи, по-прежнему, рядятся в нарядные одежды. Правда, невесте уже не шьется свадебный головной убор «сахпа». Поскольку современные девушки не носят косичек, то на свадьбе лишь имитируется переплетение волос в две косы. Ушло в прошлое и погоня за умыкателем невесты, уплата калыма, дарение «парги» и сватовства малолетних. Поездка к родителям «тёргин» везде стала делаться по-сагайски, т. е. сразу же после большого тоя. Иначе говоря, сегодня свадебные обряды заметно упростились и весь их комплекс не выполняется.

У хакасов соблюдался, как известно, обычай левирата («халдых»). В случае смерти мужа, молодую вдову через год отдавали за младшего деверя, которого называли родственники во время похорон. При согласии вдовы, ее отдавали замуж за холостого младшего брата или младшего родственника умершего, которого называли «халдых» — (букв. «остаток»). Согласия последнего, естественно, не спрашивали. «Жизнь не должна прекращаться» — говорили в таких случаях. «Эта жизнь не зависит от тебя, — объясняли «халдыху», — она зависит от законов народа и ты не сможешь быть выше их, потому что общество — это сила».

Год спустя после смерти мужа и последних поминок онем, по наступлению новолуния, родственники приводили младшего деверя в юрту вдовы. Если он противился принятому ими решению, то его наказывали и насильно приводили к ней. По обычаю он облачался в охотничье снаряжение, вскидывал на спину седло, на плечо — ружьё, а в руках держал уздечку и котелок. В древние времена «халдых» заходил к вдове, держа в руках лук и стрелы. Зайдя в юрту жены, он клал седло и уздечку на кровать, а из ружья стрелял в дымовое отверстие юрты. Этим действием он изгонял злых духов, погубивших старшего брата. Вполне возможно, что седло и уздечка символизировали «условный» обряд — подчинения «халдыха» воле общества.

Соблюдение обычая левирата позволяло сохранять материальное благополучие семьи умершего брата, а главное — дети вырастали среди своего сеока. Иначе говоря, все имущество оставалось в одном доме, калым больше не платился, а дети вырастали среди своих родственников. В том случае, если жена при таком браке оказывалась намного старше мужа, то, по ее старению, обычай разрешал мужчине брать вторую жену. Ею зачастую становилась младшая сестра жены или младшая ее родственница — «пасты».

Вплоть до Советской власти в Хакасии сохранялся обычай «сорората» — «пастылас». Если мужчина становился вдовцом, то он имел право жениться на младшей сестре или младшей родственнице умершей супруги. Данный обычай был обусловлен теми же причинами, что и левират. Отказаться от такого брака девушка могла только в исключительных случаях. Мужчина имел право жениться на младшей родственнице жены и в том случае пропажи жена «без вести». Срок давности составлял в таких случаях три года. При «сорорате» имущество умершей жены также сохранялось в доме, а дети также вырастали среди своих родственников.

Дети всегда зависели — экономически — от родителей. Женатого сына отец не выделял из своего хозяйства до тех пор, пока него не появлялось 2-3 ребенка. Появление детей уверяло главу дома, что в том, что молодая семья окрепла и тогда она выделялась в отдельное хозяйство. В этом случае сын

получал долю наследства — «юлюс» (ўлўс) — скотом и имуществом. Зачастую он получал ездового коня, 40-50 овец и 10-15 коров. «Юлюс» богатого был гораздо значительней: одних лошадей получал целый косяк. Наследство давалось, как правило, весной, когда скот перезимовал и ожидался приплод. При выделении сына из хозяйства отца, родственники последнего никак не участвовали в этой акции. Получив «юлюс», сын становился самостоятельным хозяином. Он мог создать новый «аал» или перекочевать в любое селение своего ведомства. Но выделенные дети зачастую не покидали улус своего отца и жили рядом.

В связи с этим, нельзя не сказать о законе «минората», бытовавшем в Хакасии Суть его состояла в том, что остававшийся при родительском доме младший сын получал в наследство имущество отца, т. е. они получал две доли наследства: свою и отцовскую. Видимо, в силу этого и называли хакасы младшего сына «очы» («отчы»), т. е. хранитель домашнего очага.

Несомненным пережитком материнско-правовых отношений был и обычай «авункулата, т. е. особого отношения родовичей к дяде по матери («тайы»), бытовавший у хакасов с давних времен. Согласно их фольклору, одна девушка родила внебрачного ребенка. Боясь гнева своих родителей, она оставила ребенка в степи. Однако её брат принес незаконного племянника к себе и его воспитал. С тех времен дядя по матери у хакасов — в большом почете. При рождении ребенка он обязан подарить ему несколько голов скота. Таким образом, новоиспеченный племянник («чеен») уже с детства располагал собственностью. В силу сказанного, племянник обязан был соблюдать почтительное отношение к «тайы».

Кстати, обычное право всегда предписывало уважать старших. Идеал благородного человека — «ныхмар» — закрепила и хакасская заповедь: «Если уважаешь старших, то проживешь долгие годы, если защищаешь младших, то будешь жить припеваючи. Люди, заботящиеся о стариках, получат их жизненный опыт; народ, имеющий руководителей, сумеет выжить в этом мире».

Наряду с вышеотмеченными, бытовали среди хакасов и нормы, определявшие передвижение детей в пространстве. Если старшие члены семьи сидели вокруг очага, то им запрещалось проходить перед ними. Младшие обязаны были обходить сидевших за их спинами. Двигаться детям разрешалось только по солнцу и запрещалось ходить против часовой стрелки («тискер»). Молодым запрещалось ходить, заложив руки за спину, иначе будет тяжелая жизнь. Так могли двигаться только пожилые. Согласно хакасской морали, нельзя было «пялить» глаза на калеку или смеяться над немощью инвалидов и стариков, иначе их проклятие могло пасть на дом насмешника. Хакасы также верили, что грех родителей неизменно перейдет на их детей.

Бытовал у хакасов и развод — «хат хосханы» (букв. «отвержение женщины»), — решающую роль в котором играл, естественно, мужчина, всегда инициировавший расторжение брака. Расторгался брак и в связи со смертью мужа. В процессе развода учитывалась виновность сторон. Если он происходил по вине жены, то муж обязан был ей вернуть домашнюю обстановку и полученный в приданое скот, но без приплода. Мужу же должны были вернуть стоимость калыма и свадебных расходов. Дети, во всех случаях, оставались у отца.

Если же виновником развода был мужчина, то женщине возвращали данный в приданное ей скот и ее имущество. Сверх этого, муж должен был преподнести в качестве штрафа «ат-тон», т. е. одного коня в полном убранстве и одну шубу или 7-9 овчин для пошива шубы. Что касалось калыма, то его родители жены не возвращали, дети же, как уже упоминалось выше, оставались у отца.

При разводе бездетных супругов калым мог браться обратно или отдавалось только приданое. Все зависело от того, кто был причиной семейного раздора. Если женщина не хотела жить с мужем, то калым возвращался. В случае самовольного ухода жены от мужа, последний имел право требовать возвращения ему калыма и уплаты свадебных расходов. Если же муж не хотел жить со своей женой, то калым ему не возвращался. Если жена не подчинялась мужу, то он имел право отвести её обратно к родственникам, правда, теряя при этом калым. Вдова не могла выйти замуж до тех пор, пока не исполнится год после смерти мужа. После соблюдения этого условия, она получала право выбора жениха. Если у неё не было детей и она уходила к родителям, то, согласно обычаю, ей возвращали половину калыма.

Патриархально-родовой быт, бытовавший в хакасском обществе, всегда утверждал главенство мужчины в семье. На подневольное положение и поведение женщины в нем, семье накладывали свой отпечаток и религиозные верования, требовавшие от нее почитания мужа. Ей нельзя было перечить, переходить ему (любому мужчине) дорогу, перешагивать через лежащего хозяина, ни подниматься выше его, ни облачаться в его одежды, ни, тем более, садиться на его головной убор. Нарушение любого из этих запретов влекло, согласно обычному праву, болезнь («пулайсир») хозяина. Эти «табу» господствовали не только в Хакассии, но и всей Великой степи Евразии.

Положение женщина очень сильно усугублялось ее «ежемесячным очищением крови». Однако этот естественный процесс («регул» — по-хакасски — «кир», т. е. грязь) приклеил ей ярлык «нечистого существа», т. е. («пуртах ниме»), а в дальнейшем способствовал закреплению в хакасском обществе раздельное воспитание полов. Так, девушки занимались домашним хозяйством, исполняли роль нянек, шили одежды, мальчики — пасли скот и играли в спортивные игры. Юрта также делилась на две половины: на мужскую и женскую и мужскую. Существовали отдельные женские застолья — «уча» и на молениях. Во время праздников женщины образовывали свой пиршеский круг, мужчины — свой. Соблюдалось в обществе и бинарное противопоставление. Мужская основа отождествлялась с правой стороной, а женская — с левой.

Бытовавшие в обществе обычаи и традиции, естественно, сказывались на воспитании детей, особенно девочек: они воспитывались стыдливыми, покорными и послушными отцовской воле. Ее по-

корность выражена в фольклоре следующими словами: «Если воспитавший отец отдаст меня за медведя, то за медведя пойду; если выдаст за пса, то пойду за пса и, став собакой, также буду лаять». Большое значение — в процессе воспитания — уделялось целомудрию девушки. Ее внебрачная беременность весьма осуждалась.

Обычное право регулировало и ношение девушкою и одежд. Ей запрещалось, к примеру, носить женскую безрукавку «сегедек» и праздничную шапку «хапчых-пёрик», предназначенных только для замужних женщин. На свадьбу невеста обязана была надевать специальный головной убор («сахпа»), отличавший ее от сверстниц. Женщинам и девушкам запрещалось подпоясываться, т. е. они обязаны были ходить «хуры чох» (без пояса). Его могла носить только вдова, в знак траура и горя. Не могла она носить также и праздничные одежды: халат («хат-ээнніг тон»), безрукавку («сегедек»), серьги («ызырга»), нагрудные украшения («пого») и др.

Обычай строго запрещал женщинам появляться перед старшими мужчинами с непокрытой головой, а также выходить ночью на улицу без головного убора. Считалось, что если свекор, его старшие родственники, а также луна и звезды (являвшие, согласно мифологии, души великих богатырей Хакасии, поднявшихся на небо для продолжения своих неземных подвигов) увидят непокрытую голову женщины, то ее волосы — выпадут. Поэтому на улице женщины всегда носили головные уборы

Для мужчин такого рода ограничений — не было, за исключением одного: любую одежду они должны были носить с кушаком. Отсюда еще одно их название — «хурлыг» («имеющие пояс»). На нем носилось огниво, крепившееся на поясе, со стороны поясницы.

Регламентировалась для женщин и их езда на коне. Им запрещалось ездить на коне без седла. Для них существовали специальные женские седла («пыраат пастыг»), с широкой квадратной или ромбической передней лукой. Кроме того, мужская упряжь коня состояла из кожаных чепраков с серебряными бляхами, женская же — из плисовых чепраков, украшенных каймой «чеек» и раковинами каури.

Немалую роль в жизни хакасской женщины играла играла. Следуя обычаю, девушка носила до замужества многочисленные косички («сюрмес»), заплетенные по часовой стрелке. Как правило, три или пять из них (обязательно нечетное количество) были за спиной, по шесть — на каждом плече. Всего впереди носилось 12 косичек (по количеству лет животного цикла). На севере Хакасии, в долине Июсов, волосы расчесывали на пробор и заплетали, начиная от ушей. В долине же Абакана их плели от основания волос, разделяя пряди ножницами. Поэтому косички северянок выглядели густыми и ровными, а у южанок– редкими. Практика девичьего многокосья уходит своими корнями к ранним этапам культуры тюрков Саяно-Алтая и связано с древнетюркской эпохой.

Замужние женщины, как уже отмечалось выше, носили две косы («тулунг») — молодые — на груди, а пожилые — на спине. До рождения ребенка молодая женщина заплетала волосы до половины, потом — соединяла их в одну. После родов она снова разделяла их. Если жена нарушала обычаи, ослушивалась мужа, то он имел право срезать косы жене и посадить ее под домашний арест. На «свободу» она выходила только после того, как у нее отрастали волосы.

Старые девы носили три косички («сюрмес»). В долине Абакана они не почитались, поскольку безбрачие в традиционном быту хакасов расценивалось как социальная аномалия. Их считались «дьявольским отродьем» («чурт айназы»). Однако на севере Хакасии (в долине Чулыма), старые девы были в почете. Их уважали почти как предводителей рода — хранителей отцовского жилища. На пирах они сидели в «переднем углу» — на почетных местах («тёр») и раньше их никто не имел права притронуться к яствам.

Выше уже упоминалось, что хакасы не очень жаловали девушек, заимевших внебрачного ребенка («сурас). Провинившиеся обязаны были носить одну косу («киджеге»). Ее заплетала дочери мать. Люди верили: если не носить такую косу, то дом родителей может постигнуть несчастье. Кроме косы, мать «сураса» носила на голове платок, с небольшим подгибом на челе. После выхода ее замуж, в силу вступал обычай избегания — «хазынас» — (букв. «почитание мужниной родни»), обязывавший невестку избегать общения со всеми старшими родственниками из сеока мужа. Он же налагал на нее табу в отношении имен старших родственников. Она не имела права называть своими именами свекра и всю старшую родню мужа. Вместо них невестка должна была употреблять иносказания («чайыт»). По нашему мнению, это слово восходит к древнетюркскому термину «йат» или «жай» («заклинание»; «волшебство», связанное с вызыванием дождя и ветра.

Предписывал обычай невестке почитать свекровь и старшую сестру мужа — «игечи». На глазах последней она не могла даже расчесывать волосы. Надо сказать, что в силу особого почитания старших, невестке не разрешалось называть по имени ни свекровь, ни старшую сестру мужа. Запрещалось невестке и разговаривать со старшей родней мужа, сидеть с ними за одним столом, кормить ребенка грудью в их присутствии, здороваться с ними за руку, поворачиваться к ним спиной, показываться перед ними без головного убора, с открытым лицом и без обуви. При входе в юрту свекра («хасты») или старшего родственника мужа («тай хасты»), она обязана была накинуть на плечи, поверх одежды, платок и двигаться, придерживалась женской стороны юрты. При входе в нее, она должна была перешагивать порог правой ногой, а при выходе — левой. Даже находясь вне юрты, ей запрещалось проходить около южной ее — мужской — стороны. Однако в отношении младших родственников мужа, эти «запретов» не действовали. В частности, в юрте младшего брата мужа она могла спокойно двигаться по мужской стороне юрты.

Если говорить об обычае избегания в целом, то свекр соблюдал его не только по отношению к невестке, имевшей «сураса»), но и по отношению к остальным своим невесткам. Кроме того, он никогда

не ходил по женской стороне юрты невестки и никогда не садился на её кровать. Правда, в русских домах, где приходилось жить всем вместе, этот порядок не соблюдался, ибо за пределами хакасских жилищ царили русские законы и правила. Но, несмотря на это, невесткам все же запрещалось общаться напрямик со свекром, а также со старшим деверем. Чтобы, к примеру, передать им какой-либо предмет, невестка прибегала к услугам третьего лица. Если же сноха находилась со свекром вдвоем, то сообщая ей свое «указание», он глядел в противоположную от нее сторону. Но, несмотря на разного рода «табу», обычай «хазынас» являл собою, в первую очередь, глубочайшее почтение невесткой старших родственников мужа (по его сеоку). Зародившись в патриархальных условиях, он всецело был ориентирован на запрет и предотвращение кровосмесительных браков.

В силу ряда «неудобств», возникавших в семье при соблюдении обычая «хазынас», в XIX в. уже широко бытовал другой — «чарас» («мировая»). Теперь, когда выделялся женившийся сын, отец совершал обряд примирения, на который собирались родственники: свекор снимал с невестки наброшенный на плечи платок (но не головной убор), после чего она опускалась перед ним на колени. Если последний поднимал рукой голову невестки, то в ответ на это она подавала ему руку. После этого, родственники подавали в ее ладони бокал вина, который невестка подносила свекру. «Мировая» заканчивалась троекратным поцелуем «мирившихся». В честь примирения свекор дарил невестке платок, платье, а иногда — скот, который становился ее личной собственностью. После «чараса», сноха получала право открытого общения с отцом мужа, но с расстояния (не ближе трех шагов). Однако и после «мировой», имя свекра продолжало оставаться для невестки (на протяжении всей ее жизни) под большим «запретом».

Особой «заботой», отягощенной обычаями, пользовалась в хакасской семье беременная женщина. В соответствии с ними, ей запрещалось перешагивать через аркан или веревку. Нарушение этого «табу» грозило для ее будущего ребенка «обвитием» пуповины вокруг его шеи и неизбежной смертью младенца. Не могла беременная хакаска находиться и в юрте своей соплеменницы, находящейся в таком же положении. Нарушение этого запрета покровительница детей — богиня Умай могла «обидеть» одну из будущих матерей. Не имела права она и заходить в дом, где лежал покойник, ибо тот «мог забрать» душу ребенка. Нельзя было беременной долго и пристально смотреть на уродов, в противном случае таковым мог родиться и ее ребенок. Не могла она смотреть и на зайца — иначе младенец мог родиться с заячьей губой и выпуклыми глазами. Запрещалось ей стоять в дверях или выглядывать из дверей, опершись на косяки, иначе при родах плод мог застрять.

Немало имелось обязательных «советов», предписывавших хакаскам содержать чистоту в доме. Она знала, что если чужой человек наступал на домашний мусор, то он мог лишить юрту счастья. Если же девушка не будет мыть порог, то он проклянет ее и она может не выйти замуж. Запрещалось беременной жевать серу, иначе младенец будет слюнявый. Не могла она и есть одна. Будучи в юрте одна, она, сев за стол, должна кормить собаку или кошку. Нельзя было беременной есть мясо с тазобедренных костей, иначе при родах мог не расшириться таз. Запрещалось ей также обгладывать мясо с лопатки — иначе ребенок родится вверх головой и т. д.

Согласно вековой традиции, беременной женщине нельзя было ни в чем отказывать. Если у людей не было желаемой ею вещи, то взамен они давали ей что-нибудь другое. Отказ сделать это, грозил хозяину дома проклятием не родившегося ребенка. Мужу беременной женщины, коловшему дрова, нельзя было переворачивать топор и бить обухом о чурку, иначе голова ребенка — не срастется.

У многих народов Сибири бытовал запрет беременным пинать собаку: от проклятия собаки ребенок мог родиться с синяками на нижней части спины. Этим объясняли хакасы наличие у младенцев так называемого «монгольского пятна».

Предписывали, как уже упоминалось выше, женщинам «Степные законы» вести целомудренный образ жизни. Почти полгода, с сентября месяца и до марта включительно, хакасские мужчины находились в тайге, на охоте. В это жена промысловика обязана была вести скромный образ жизни: не пить вино, не гулять и веселиться в компаниях, иначе охотнику не будет удачи на промысле.

Если умирал муж, то его жену в течение года, до последних поминок, называли «тул» — т. е. «траурный человек». Вдову, с распущенными волосами, садили в юрте (или в специально устроенном войлочном шатре), в голове покойника, на белую кошму. В левой руке она должна была держать посох, а в правой — открытые ножницы. Так она сидела, не вставая с места, семь дней. Ее кормили, по необходимости выводили на улицу. По истечении семи дней, распущенные волосы вдовы заплетали в две косы, концы которых не доплетались, и меняли одежду. На каждых поминках «тул» обязана была сидеть в траурном одеянии на указанном месте. Соблюдая обычай, она 40 дней не входила в другие дома, не здоровалась за руку, не присутствовала на свадьбах и т. д. На сороковой день родственники и соседи приглашали «тул» к себе домой, где ее угощали и одаривали одеждой. Траурное сидение вдовы было связано с почитанием умершего мужа и охраной его души от нечистых сил.

Немало обрядов и традиций было связано с рождением детей («пала табарга» — букв. «найти ребенка») и их воспитанием («кизи идерге» — букв. «делать человека»). Согласно представлениям хакасов, родившийся ребенок не был еще человеком, его надо было «сделать таковым», т. е. воспитать.

Беременность женщины определялась по прекращению у нее «регул». Когда начинались родовые схватки, то вызывали повитуху («инейджи»). Обычно это была опытная пожилая женщина. При каждых схватках она, сидя перед роженицей, массажировала ей живот, а потом и сверху вниз и принимала новорожденного. Хорошие повитухи путем массажа могли выправить и неправильное положение ребенка. При родах роженицу помещали за очагом, на женской половине юрты, у почетного

места. Хакасские женщины неизменно рожали, стоя на коленях, держась за березовую жердь, которую заносил ее муж через дымовое отверстие юрты и устанавливал одним концом на землю. К ней привязывался аркан, который пропускали под мышками роженицы для ее поддерживания.

Под роженицу всегда подкладывали невыделанную шкуру теленка или овцы, мездрой вверх, на которой расстилали сухой измельченный коровий навоз, служивший в качестве мягкой впитывающей подстилки. Приняв младенца, «инейджи» ждала выхода последа («пала инези» — букв. «мать ребенка»). Пока он не вышел, пуповину не отрезали. Если он задерживался, то били в медный таз и заставляли плакать новорожденного, говоря: «Торопись, мать ребенка, твое дитя плачет!». Затем, отмерив ширину двух пальцев от живота, повитуха перевязывала пуповину шелковой ниткой и, немного отступя, перерезала ее на березовой палочке («ах тахпай» — «белая плашка»). Мальчику пуповину отрезали ножом, а девочке — перепиливали ножницами

Были свои законы и при обрезании и перевязывании пуповины. В частности, когда хотели, чтобы новорожденный вырос суровым человеком, то пуповину перевязывали жильной ниткой. Длина обрезки пуповины тоже не была случайной. Если ее отрезали короче ширины двух пальцев, то пупок мог затянуться внутрь и тогда ребенок рос нездоровым. Если же длины отрезанной пуповины превышала ширину двух пальцев, то пупок не «собирался», на нем нарастало мясо, которое могло быть причиной появления грыжы. Она обрезалась ножиком, который хакасы хранили в специальной шкатулке и использовался по назначению при рождении последующих детей. Посторонних людей не пускали в дом до тех пор пока не перерезалась пуповина. При родах запрещалось быть мужчинам и девушкам. Особенно опасным для роженицы и ее ребенка считался человек «с дороги», ибо он мог занести инфекции.

После принятия ребенка повивальная бабка сразу же мыла лицо новорожденного теплым чаем, потом купала его в крепко заваренном чае и затем смазывала ребенка салом или топленым маслом в пахах, подмышками и глаза. Чтобы мальчик вырос крепким джигитом, переносящим и жару, и холод, его с малолетства купали в соленой воде, а тело регулярно натирали сметаной. Хакасы были уверены, что мужчина, в малолетстве выкупанный в рассоле, в жаркие дни не будет испытывать жажду. Такого рода купания (через день) делали ему с момента отпадения пуповины и до шестимесячного возраста.

Сразу же после разрешения от бремени, роженицу поили специально приготовленным бульоном «мюнджюк», приготовленным из свежей баранины. Овчинная шкура, как говорилось уже выше, дарилась повитухе. Мясо для бульона крошилось очень мелко. Хакасы считали, что от этого блюда у роженицы быстрее появится молоко. В случае развода с мужем или рождения внебрачного ребенка, бывший супруг или отец ребенка обязаны были привезти барана на бульон. Варили его так, чтобы на огонь не пролилась ни одна капля бульона, иначе у ребенка будут гноиться глаза. До трех суток, пока не отпадала пуповина, молодая мать не выходила на улицу, не готовила пищу, ела только упомянутый бульон, одевалась в теплую одежду, обмывалась каждый день по три раза и окуривалась богородской травой. Женщина послеродового периода считалась опасной для окружающих людей. Поэтому обычай предписывал всем соблюдать меры предосторожности, связанные с «нечистотой» женщины. В силу этих запретов, роженица не прикасалась к очагу до «заживления» пуповины у ребенка, боясь, чтобы дух — «хозяйка огня» не притянула к себе ее грудное молоко. Сразу после родов роженицу окуривали богородской травой или можжевельником. Наконец, молодой матери запрещалось заходить в другие юрты до тех пор, пока на небе не народился новый месяц. После появления на свет младенца, над ним совершали обряд «пала хасхалирга» (букв. «метить лоб ребенка»). В ходе его, повитуха проводила молозивом на лбу младенца три черты («хасха») и читала благословение, отражавшее психологию хакаса XIX века: «не беги вперед народа, не отставай от толпы, ходи среди людей!».

При рождении близнецов, обычай предписывал, разделить целую березовую ветвь пополам и на одной из половинок резали пуповину первому младенцу, а на другой — второму. Их послед разрезали по шву пополам и хоронили в двух разных местах вместе с частями указанной веточки. Все это делалось для того, чтобы в случае смерти одного из них, умерший не забрал с собою (если обрезать пуповину на одной березовой палочке или не разделить послед пополам), душу своего собрата. Такого рода понятие было характерно и других тюрко-монгольских народов, также считавших, что «близнецы имеют одну душу — жизненную силу на двоих, и ее затем необходимо разделить». Если один из близнецов умирал, то по их росту отрезали березовый брусок и раскалывали его пополам. Одну его часть вместе с пуповиной и «рубашкой» умершего хоронили с ним, а другую часть клали в колыбель оставшегося в живых. Как правило, близнецов старались не разлучать. Но если все же одного из них отдавали родственникам на воспитание, то тогда тоже раскалывали пополам отмеренный по росту близнецов березовый брусок и одну его часть отдавали вместе с ребенком (через решетку юрты или окно дома) воспитателям, а другую оставляли в колыбели вместе с оставшимся ребенком. На этот березовый брусок надевали такую же одежду, в какую обряжали и ребенка.

На третий день после рождения малыша, совершался обряд «кин-той» («празднование отпавшей пуповины»). Собирались соседи, как правило, пожилые и многодетные матери. Забивался баран и приготовлялась сметанная каша («потхы»). До этого дня ничего не выносили из юрты (даже мусор), ничего не давали посторонним (даже воду из колодца). Отпавшую пуповину торжественно заворачивали и клали в шкатулку, где хранился ножик или ножницы, которыми ее обрезали. Хакасы подтаежной зоны зашивали высушенную пуповину в трех или четырехугольную кожаную подушечку, которую украшали раковинами-каури, бусинками, а по бокам — кисточками и подвешивали к колыбели.

Во время «кин-тоя» совершали и захоронение последа. Это делалось потому, что хакасы придавали ему особое значение, ибо он охранял плод в ут-

робе матери и от него, якобы, зависело здоровье и судьба ребенка. После обрезания пуповины послед мыли водой, смазывали маслом и, положив в бересту, хранили в изголовье кровати. Главным исполнителем обряда его захоронения выступала повивальная бабка («инейджи»). Ямка для захоронения последа выкапывалась за очагом жилища, с почетной его стороны. Захоронение последа девочки производилось на женской половине юрты, а мальчика — на мужской стороне. Очаг, в этом случае, рассматривался как огненный заслон, преграждавший путь злым силам. На захороненный послед не должна была наступать нога человека, поэтому ямку копали под кроватью, сундуками, полками или под стеной жилища. Считалось, что если по последу будут ходить люди, то ребенок вырастет морально подавленным. Если же он будет погребен мелко (ниже высоты голени), то женщина будет часто рожать, если глубоко (выше колена) — то редко. Послед хоронили только пуповиной вверх: если сделать наоборот, то женщина, якобы, не сможет больше рожать. Захоронение последа выполняла только повитуха. Она выстилала дно ямки белым войлоком или берестой, аккуратно укладывала послед в белый войлочный мешочек и опускала его в ямку. Вместе с последом хоронились и березовая палочка, на которой резалась пуповина, а также первые испражнения грудничка. Посередине последа клали серебряную монету. Над ним делался шалашик из 9 (для мальчиков) и 7 (для девочек) воткнутых березовых щепочек, которые смазывали сметанной кашей — «потхы». В некоторых местностях, при захоронении последа мальчика, погребали вместе с ним лучок со стрелой для охраны от злых духов.

Приготовленный к захоронению послед повитуха окуривала богородской травой или можжевельником, посыпала крупой и табаком, произнося: «Кури, ешь и пей, бабушка! Пусть твой ребенок также будет сыт и здоров!». Затем послед закрывался сверху белой материей и засыпался. Считалось, что послед нужно заворачивать в «теплое одеяние»: если ему будет холодно, то и роженица тоже будет мерзнуть. Исполнители обряда были уверены, что белое «одеяние» последа, а также лучок со стрелой, шалашик из 9 или 7 березовых палочек являются «охранниками» последа (жилища, где он находится) от всякой нечисти. Данный обряд, как считают ученые, во все времена относился к магии плодородия.

Похоронив с почестями послед, повитуха три раза по солнцу обводила роженицу вокруг места захоронения. Каждый раз, обходя его, роженица наступала на ямку, произнося: «Мать Умай, охраняй своих детей! Мать моего ребенка (т. е. послед), пусть твои дети будут здоровы! Мать моего ребенка, пусть окрепнет моя поясница! Мать моего ребенка, дай мне свои силы!». После торжественных проводов последа собравшиеся старухи приступали к трапезе. Согласно обряду, в ходе его следовало быть тихим, спокойным и не улыбаться.

По окончании обряда, роженица обмывала руки повивальной бабке и дарила ей мыло и полотенце, а на плечи ей набрасывала отрез материи или платок. Если повитуха принимала роды вторично, то ей давали материал на штаны, а за третьего ребенка — дарили платье. В качестве гостинца она получала шкуру и заднюю часть барашка, заколотого на празднование «кин-тоя».

Как уже отмечалось выше, спустя 40 дней, молодая мать обходила дома родственников, где ей дарили подарки за «показ ребенка». При первом посещении любой юрты она неизменно кланялась очагу. Этот обряд назвался «отха пазырарга». Выполняя его, молодая мать бросала в огонь три кусочка сала или три ложки сметанной каши. Хозяйка юрты брала на руки младенца, клала ему в рот масло, а остатками его мазала ему щеки и темя. При этом младенцу обязательно дарили монетку, колечко или перламутровую пуговицу, со словами: «Пусть вырастет богатым». В дальнейшем из подаренных бусинок, раковин-каури и пуговиц делали браслетик, который надевали на правое запястье ребенка, служивший ему в дальнейшем амулетом, притягивавшим к себе внимание богини Умай. Если хозяйке юрты нечего было подарить, то она сажей проводила черту вдоль лба до кончика носа ребенка и благословляла: «Будь человеком, меченым богом! (букв. «белолобым»)! Не поддавайся людям, имеющим широкие плечи, не поддавайся насмешкам удальцов!

Колыбель младенца («пизик» или «пубай») всегда делалась только после его рождения и обязательно на новолуние. По обычаю, ее изготовлял только дядя по матери или дедушка по матери. Хакасы вели кочевой образ жизни, поэтому колыбель делали так, чтобы ее можно было ставить на кровать, вести на коне и вешать в юрте.

После изготовления люльки устраивали «пизик той» («праздник укладывания ребенка в колыбель»), на который приглашались родственники и соседи. Мастеру за работу давали ягненка. За колыбелью приходили к нему домой, угощали, дарили что-нибудь из одежды, а его жене — платок.

Изготовленную колыбель отец приносил в свою юрту и ставил на почетном месте. Ее сразу закрывали пологом, так как обычай запрещал держать ее открытой без ребенка. После ее окуривания богородской травой, колыбель обмахивали мужскими штанами дабы защитить ее от злых сил. Потом она обмазывалась костным мозгом, маслом и сметанной кашей, чтобы богиня Умай была сыта в этой колыбели. В заключение к ней подводили собаку и давали ей слизать сметанную кашу, намазанную на желобок для стока мочи. Согласно обряду, собака выполняла охранную функцию по отношению к ребенку.

Прежде, чем уложить малыша в колыбель, совершали еще один обряд. Если укладывался мальчик, то в пеленки заворачивали нож в ножнах, огниво с опояской и березовое полено для скобления крошек в табак, если же девочка, — то ножницы, наперсток с иглой и огниво с опояской. Повитуха или бабушка, укладывая в колыбель завернутые вещи, качала ее три раза качала со словами: «Пууй-баай, не будь плаксой!». На третий раз она раскачивала ее так, что все вываливалось на землю. В этот момент повитуха восклицала: «Удача или неудача?». Все присутствующие кричали: «Удача, удача!».

После этого, в колыбель укладывали щенка и раскачивали так, чтобы на третий раз он выпал из

нее. После этой процедуры колыбель считалась обжитой. Однако сразу же укладывать в нее малыша, ибо так поспешно поступали люди только по отношению к покойнику, которого почти тотчас старались уложить в гроб.

Только соблюдя все «правила», родители торжественно укладывали ребенка в колыбель и благословляли: «Пусть будет крепким изголовье колыбели, пусть будет много сестер! Пусть будет крепким колыбельный ремень, пусть будет много братьев!». При этом младенец окуривался богородской травой или можжевельником и «выслушивал» заклинания («ызырых-ызырых»). В качестве оберега на дно люльки клали нож для мальчика, а для девочки — ножницы. В противном случае, шаманы могли украсть душу («хут») ребенка, а «горные хозяева» — подменить его на своим чадом. В качестве амулетов на дугу («санмырах») колыбели привязывали коготь медведя или лучок со стрелой, украшенный белыми и синими шелковыми нитями. В люльку также клали щепки от разбитого грозой дерева, воспринимавшиеся злыми силами как полыхающее пламя. Когда ребенок спал, то на него клали огниво, которое привязывали за шнур к люльке. Обычно его клали и в том случае, когда дети умирали. Каждое новолуние колыбель окуривали богородской травой и трижды произносили заклинание («хурай»). Согласно обычаю, нельзя было качать пустую люльку. Если укладывали ребенка спать при старом месяце, то всегда обращались к богине Умай: «Моя святая мать с кудрявой головой! Не давай злым силам протягивать холодные руки, не давай наступать холодными ногами. Прогоняй сквозь землю, прогоняй с громом по небу!».

Неизменным пристанищем колыбель была для ребенка два-три года. Ее нельзя было ломать и выбрасывать. Следующие дети также росли в ней. Однако, если ребенок умирал в грудном возрасте, то его колыбель считалась нечистой. Ее обычно относили в горы и оставляли в пещера со всеми принадлежностями.

После того как окрепли ребенок и его мать, т. е. месяца через три, проводились (обязательно в дни новолуния) именины («пала тойы» — «детское пиршество»). К ним готовились тщательно, ибо считалось, что в жизни человека есть только три личных события — именины («пала тойы»), свадьба («хоных тойы») и поминки по случаю кончины («тугенджи той»). На «пала тойы» забивались овцы и готовилась молочная водка («арака»), находившаяся в большом казане, установленном на женской половине юрты. Получив положенную чашку араки, гости бросали (взамен) в казан монету, кольцо, перстень или перламутровые пуговицы. После осушения казана, подарки собирались и привязывались к колыбели, делался из них и браслетик на руку младенца. На «пала тойы» родственники неизменно дарили скот — лошадей, коров или овец.

В этот же день родственники и нарекали малыша подходящим именем. Имя мальчику давали старцы, девочке — пожилые женщины, а мальчику. Если у ребенка был дядя по матери («тайы»), то племянника нарекал только он. Человек, собравшийся дать имя малышу, освящал свои уста молоком белой коровы и садился на почетное место, (на белый войлок). За хорошее имя родители нареченного преподносили родственникам в подарок лошадь или одежду. Имя человека всегда связывалось с его жизнью и приобретало сакральный смысл. У хакасов имелась своя система имен, количество которых сейчас даже трудно учесть. В какой-то степени это объясняется тем, что, во-первых, хакасы не называли младенца именем умерших людей, а во-вторых, почти любое слово могло стать антропонимом.

Когда у ребенка прорезывались первые зубы, то устраивалось небольшое угощение — «тис-той» (букв. «праздник зубов». На него приглашались пожилые люди, дарившие малышу на «зубок» монеты, пуговицы и другие мелкие вещи. Подарок на «зубок» (в знак благожелательности) именовался «тис ээни» («зубной дар ребенку»). Возможно слово «ээн» происходит от древнетюркского «эгин» — «небольшой кусок, часть».

В годовалом возрасте все тюркские народы Саяно-Алтая (за исключением тувинцев) проводили обряд «киспик-той» («праздник чубчика» или «срезания утробных волос»). До исполнения года ребенку не стригли, ибо считалось, что так можно укоротить волос его век. Совершая положенный обряд, на голове ребенка обязательно оставляли небольшой чубчик «киспик» или «сирбек», за который драли ребенка при наказании. Обряд стрижки обычно совершал дядя по матери. В ходе его старцы читали благословление: Живи до тех пор, пока твоя черная голова не побелеет, а твои белые зубы не пожелтеют! Состриженные волосы бережно заворачивали в ткань и хранили в шкатулке, вместе с пуповиной и «рубашкой». Их нельзя было сжигать или выбрасывать на улицу, иначе голова ребенка будет болеть.

Когда малыш делал свои первые самостоятельные шаги, то тогда совершали обряд «тузамах кискен той» («праздник разрезания пут»). Бабушка брала нож (если был мальчик) или ножницы (если девочка) и чертила на земле, перед ногами малыша, крест. Опутав нитками малыша, она имитировала затем (троекратно) разрезание веревочных пут, три раза бросала нож или ножницы между ног и благословляла: «Я разрезаю твои путы! Пусть земля, на которую ты ступишь, будет твердая, как медь, пусть земля, по которой ты пойдешь, будет твердая, как железо!».

Первую распашонку «холтырбас» надевали на младенца на второй или третий месяц. Шилась она из старого мужского платья. Подобранная материя перегибалась пополам, сверху вырезалось отверстие для головы, а к боковым прорезям пришивались цельно скроенные рукава. Правда, швы последних под мышками не прошивались. Распашонка шилась частой стежкой. Считалось, что если она будет редкой, то зубы у малыша тоже будут редкими.

Перед тем как надеть на малыша первую распашонку, повитуха накидывала ее сначала на щенка. После этого, рубашка называлась «адай когенеги» («собачья рубашка») и ее приглашенная повитуха надевала на ребенка и говорила: «Мы надеваем на тебя собачью рубашку. Будь таким же крепким и выносливым, как собака.

В XX в. хакасы, под влиянием русских, стали отмечать дни рождений у детей. Свидетельство тому — хакасское слово «менинек» (букв. «именины»). Их справляли только мальчикам, но не каждый год. Девочкам день рождения отмечали только в том случае, когда дети в семье «не держались», т. е. умирали.

А теперь несколько слов о запретах и различных приметах, связанных с детьми. К примеру, хакасы никогда не ставили ребенка на порог, считали, что от этого он будет низкорослым. Нельзя было ему сидеть, опираясь двумя руками о землю — будет печальным. По этой же причине ребенку запрещали закладывать руки за спину. Нельзя было и сидеть, обхватив ноги руками, — мог остаться малорослым. Играя, ребенок не мог надевать на голову посуду, ибо он мог не вырасти. Если надеть на голову надеть (одна на другую) две шапки, то это предвещало мальчику женитьбу дважды, а девочке — дважды выходить замуж. Запрещалось ставить ребенка на стол — вырастет болезненным и капризным. Не кормили его ложкой, которой мешали кашу, иначе будет злоязыким. Нельзя было ребенку играть с огнем, с солнечным зайчиком, с тенью и под кроватью, иначе он будет мочиться в постель. Строго следили за тем, чтобы малыш долго не плакал, а то проживет недолго. Нельзя было целовать подошвы младенца, иначе мальчик вырастет слабым, а девочка легкомысленной. Не целовали также в лоб — будет жадным. Не давали ребенку играть гребенкой — заболеет молочницей. Вечером ему нельзя было жевать серу — останется сиротой. Нельзя было усыплять ребенка с грязным лицом, иначе его душа, выходящая ночью на прогулку, может испугаться и не зайти обратно. Девочке не разрешалось играть на музыкальных инструментах — свекровь будет сварливая. Нельзя было проливать молоко на землю — у младенца будут болеть глаза.

Немало было «ночных» запретов. Так, ночью не называли детей по имени, посколку боялись сглазить. Нельзя было перешагивать малыша, может не вырасти. Когда замечали, что ребенок во сне скрипел зубами, то ему на шею вешали шнурок, сплетенный из собачьей шерсти, с надетым на него клыком марала. Последнему приписывалось магическое свойство избавлять человека от подобного недуга. Для этого, малышу давали и покусать его.

Наряду с воспитанием у детей уважения к взрослым, вырабатывалось у них и почитание природы, небесных светил. Так, мальчикам всегда запрещалось мочиться лицом в сторону солнца. Детям нельзя было называть взрослых по имени, а только иносказательно, т. е. отец или мать такого-то ребенка. Запрещалось им и ходить перед сидящими людьми, а также громко смеяться в их присутствии и т. д.

Словом, рождение и первый год жизни ребенка проходили всегда в полном соответствии с выработанными веками национальными обычаями и обрядами. Наряду с рациональными приемами и методами народной педагогики, существовали и суеверные запреты, магические заклинания и различные обереги.

Так, умерших детей всегда хоронили отдельно от взрослых. Если ребенок умирал до года, т. е. еще не ходил по земле, то его хоронили на дереве (обычно молодой лиственнице), завернутым в бересту или зашитым в войлок. Умершие, не достигнув семи лет (иногда трех) считались безгрешными и их погребали на отдельном кладбище — «пала сырады», расположенном недалеко от аала. Поминок не делали. Только на третий день над изголовьем могилы лили молоко. Начиная с трех лет, ребенку начинали жечь поминальную пищу, но эти поминки отмечали только до 40 дня.

По достижении десяти лет, детей приучали к труду. Мальчиков в пять-шесть лет садили на лошадь, а в семь-восемь лет — они начинали пасти скот. В 13 лет их приучали косить сено, а в 15 — уже брали на охоту. Девочки в шестьвосемь лет уже мыли посуду, сами заплетали косички, учились вышивать, выделывать шкуры. В 10 лет они уже доили коров. В 13 лет их учили гнать араку, делать сыры, хлеб. В 16-17 лет девушки уже сами шили шубы, платья, обувь. Воспитание детей в семье лежало, в основном, на женщине. Поэтому хакасская пословица гласит: «Силу женщины забирают дети, силу мужчины забирает тайга (т. е. охота)».

300 лет хакасы живут в контактной зоне с русским населением. Уже в XIX веке отмечались межэтнические браки, в результате которых среди хакасов появились даже целые селения «сала хазах», т. е. метисы. Этническая ассимиляция воспринимается старшим поколением довольно болезненно. Среди молодежи, наоборот, бытует мнение, что метисы рождаются более красивыми по своей внешности. В последнее время процесс межнациональных браков усилился. В 1976—1979 гг. из трех основных этнических групп менее всего браков с другими национальностями заключили сагайцы (15-18%), а более всего их наблюдалось у северных кызыльцев (30-31,5%). Хакасская семья по своему составу и количеству не отличается от таковой же русской. Происходит нивелирование национальных особенностей.

В начале XX в. в Хакасии только в девяти аалах имелись национальные школы, в которых, однако, преподавание велось на русском языке. В них не изучался ни хакасский язык, ни фольклор, ни история местного края. Трудовое население было поголовно безграмотным. С 1924 г. началась работа по созданию хакасских учебников. Через год в Хакасии было открыто 38 школ, где обучение проходило по русскому букварю с переводом на хакасский язык. В 1926 г. были напечатаны первые хакасские учебники, а с 1927 г. начала выходить центральная газета «Хызыл аал». В 1928—1929 учебном году в Хакасии насчитывалась 131 школа, среди которых 63 были хакасские. С тех пор сеть хакасских школ практически не выросла и осталась на уровне 1930 года. В настоящее время среди 270 общеобразовательных школ Хакасии работают только 69 национальных. Преподавание по-хакасски в них ведется до 5 класса, а затем обучение переходит на русский язык. В хакасских школах слабая ориентация на народную педагогику, широко не пропагандируется культура и история своего народа. В результате дети плохо знают свой язык, обычаи и обряды, многие индифферентны к своей культуре и истории.

С 1988 г. в Хакасии было введено преподавание хакасского языка в русских школах. Ныне многие из них перестали функционировать из-за недостатка кадров. Для обучения хакасских детей необходимо создание национальных классов, как это уже практиковалось в школе № 22 г. Абакана. В Хакасском госуниверситете им. Н. Ф. Катанова имеется Институт саяно-алтайской тюркологии, где готовят кадры для хакасских школ. Среди студентов ХГУ хакасы составляют 13,8%. В составе хакасских научных работников имеется 5 докторов и 62 кандидата наук.

В настоящее время все хакасы двуязычны. Но если сельский житель постоянно говорит по-хакасски, то в разговоре горожан преобладает русская речь. С детьми многие, и даже в сельской местности, говорят на русском языке.

Традиционные хакасские селения — аалы меняются на глазах. Если в 1928 г. в Хакасии из 567 поселений насчитывалось 295 чистых хакасских аалов (43,9%) и 84 аала (12,5%) с примесью русского населения, то в настоящее время таковых осталось не более 100. Такому процессу способствовала коллективизация 1929—1930 гг., а затем преобразование колхозов в совхозы в 1957 г.

В городах, возникших в Хакасии только в Советское время, формируется городское население. Как отмечают исследователи, доля горожан среди хакасов росла высокими темпами. Так, с 1970 по 1979 годы их удельный вес повысился с 17,6% до 27,3%. В 1989 г. из 80328 хакасов 34736 были горожанами (43%) и 45592 (57%) — сельскими жителями. В Абакане хакасы составляют около 10% всего населения. Архитектура городов Хакасии не отличается своей оригинальностью. Сделаны только первые попытки строительства общественных зданий с учетом этнических традиций. Например, кафе в виде юрты на курорте Шира, Аэропорт в г. Абакане, проект музея им. Н. Ф. Катанова в с. Аскиз и др.

Хакасская интеллигенция в основном сложилась из людей административно-управленческого аппарата и массовых профессий. Подготовка творческих кадров происходит за пределами Хакасии. Многие из них, не устроившись на родине, вынуждены искать счастья по всей Российской Федерации и даже за рубежом. Первое поколение хакасской интеллигенции было полностью ликвидировано в 1937—1938 гг. Современное поколение отличается своими демократическими настроениями. Оно широко включилось в движение за возрождение национальной культуры и в борьбу против этнической ассимиляции.

Семейная организация хакасов сложилась во времена патриархально-феодальных отношений и не подверглась коренным изменениям при царской России. Институт семьи представлял собой моногамный союз людей, образующих хозяйственные единицы, которые составляли основу общества. Замужняя женщина, не смотря на патриархальный быт, была определенным образом защищена от произвола мужа со стороны своих родственников. Сохранялись обычаи левирата, сорората и авункулата. Народная мораль защищала интересы семьи и семейного права.

Рождение и воспитание хакасского ребенка проходило под эгидой веками выработанных национальных устоев и традиций. Наряду с рациональными приемами и методами народной медицины и этнопедагогики существовали суеверные запреты, магические заклинания и другие шаманистские воззрения. Особое значение для судьбы человека играли пуповина, послед и «рубашка» ребенка. Хранителем души младенца, наряду с богиней Умай, выступает друг человека — собака. Важные вехи в развитии ребенка — получение имени, приобретение колыбели, появление первых зубов, первые самостоятельные шаги и т. д. отмечались своеобразными ритуалами, имевшими глубокий смысл.

Семейно-брачные законы неразрывно связаны с историческим развитием народа. Многие юридические обычаи семейного права хакасов — калым при браке, уплата калымной лошади «башат», плата «за грудное молоко» матери, штраф «ат-тон» при разводе и т. д., имеют параллели в правовых системах других скотоводческих народов Центральной Азии, что свидетельствует об общих условиях их формирования и исторического развития.

Библиографический список

1. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1-2. — Иркутск, 1937—1941.
2. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. — СПб., 1786. Ч. 2. КН. 2; 1788. Ч. 3. КН. 1.
3. Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопримечательностей. — СПб., 1799. Ч. 3.
4. Спасский Г. И. Народы, кочующие в верховьях реки Енисей // Сибирский вестник. — СПб., 1818. Ч. 1. С. 87-111.
5. Степанов А. И. Енисейская губерния. — Красноярск, 1997.
6. Пестов И. Записка об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 года. — М.,1833.
7. Корнилов И. П. Воспоминание о Восточной Сибири // Магазин землеведения и путешествий. Изд. Н.Фролова. — М., 1854. Т. 3. С. 628-636.
8. Щукин Н. С. Народы турского языка, обитающие в Южной Сибири // Журнал МВД. — СПб., 1847. Ч. 18. □ 6. С. 225-284.
9. Костров Н. А. Труды IV археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877. — Казань, 1884. т.1. с. 208-248,
10. Кастрен М. А. Путешествие в Сибирь 1845—1849 гг. // Магазин землеведения и путешествий Н. Фролова. 1860. Т. 6. Ч. 2. С. 196-482.
11. Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск, 1900.
12. Катанов Н. Ф. Избранные труды о Хакасии и сопредельных территориях. — Абакан, 2004.
13. Лаппо Д. Е. Степное земское положение. Проект земских учреждений, принятый Аскизским инородческим Съездом 1-2 ноября 1905 г. и иркутским бурятским съездом 22-24 августа 1905 г. — Красноярск, 1907. — 98 с.
14. Шибаева Ю. А. Пережитки эпохи матриархата у хакасов. // Советская этнография. 1948. □ 1. С. 202-204.; Шибаева Ю. А. Система родства у хакасов.// Уч. зап. Таджикского госуниверситета. Т. 1. — Сталинабад, 1959. С. 121-134

15. Патачаков К. М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII- XIX вв.). — Абакан, 1958.

16. Шатинова Н. И. Семья у алтайцев. — Горно-Алтайск, 1981.

17. Кривоногов В. П. Хакасы. Этнические процессы во второй половине XX века. — Абакан, 1997.

18. Бутанаев В. Я. Степные законы Хонгорая. Абакан, 2004.

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
Получено 15.01.10.

V. Y. Butanaev

THE KHAKASSIAN TRADITION FAMILY
In article, on the basis of documentary sources, give the author interpretation of notion «the khakassian tradition family».

Khakassia, khakassias, khakass tongue, kin, tribe, historic stories, Russia, Siberia, Turkic people

УДК 902

В. Г. Дацышен

ИНТЕРНИРОВАНИЕ АРМИИ СУ БИНВЭНЯ. ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Целью данной статьи является введение в научный оборот новых документов, связанных с интернированием армии Су Бинвэня, выявление и анализ связанных с этим событием вопросов и проблем истории советско-китайских отношений.

Маньчжурия, советско-китайские отношения, интернированные, китайская армия, Су Бинвэнь

Важным событием истории советско-китайских отношений, оказавшим серьезное влияние на ход истории Восточной и Центральной Азии в 1930-х гг., было интернирование в Советском Союзе китайской армии Су Бинвэня. До сих пор эти события не стали предметом специальных исследований, а в общих работах по истории советско-китайских отношений о них, за редким исключением, обычно и не упоминается. Отсутствие работ по истории интернирования китайских войск до недавнего времени было обусловлено закрытостью архивных материалов по данной теме, хотя об этих событиях довольно давно известно из мемуарной литературы [1].

Воспользовавшись так называемым «инцидентом 18 сентября 1931 г.», когда ночью произошел взрыв на принадлежавшей японцам железной дороге, в районе Мукдэна (Шэньяна), японцы начали захват Маньчжурии. Организованное японцами «Всеманьчжурское совещание» в начале марта 1932 г. провозгласило создание марионеточного государства Маньчжоу-го, во главе с бывшим китайским (цинским) императором Пу И. Большинство китайских чиновников и генералов в Маньчжурии, возможно формально, но признали новое государство. Был среди подчинившихся и командовавший китайскими охранными войсками в Барге (Хулунь-буир) генерал Су Бинвэнь[1].

Несмотря на лояльность генерала новой власти, солдатская масса выразила недовольство, и некоторые части подняли мятеж против своего командования. 14 марта 1932 г. из Иркутска докладывали в Москву: «В связи с получением от генерала СУБИНВЭНЯ 11 марта приказа о подчинении новому правительству и вывешивания нового флага в полку... большинство солдат было склонно поднять бунт и уйти из Маньчжурии с грабежом в степь. Однако дело ограничилось пока частично второй и полностью первой ротой, солдаты которой связали сопротивлявшегося командира роты и под командой помкомандира роты и младших офицеров ушли из казармы с оружием в руках...» [2, л. 140].

Несмотря на признание Су Бинвэнем правительства Маньчжоу-го, сразу появились слухи о его «неблагонадежности». 29 июля 1932 г. маньчжурская газета писала: «Что касается загадочного вопроса о командующем войсками в Хайларе Су Бинвэня, то, хотя и говорят, что он является противником нового государства, но, в действительности, он просто недоволен необходимостью находиться в подчинении у своего бывшего подчиненного Чэн Чжи-юаня, и опасается быть убитым этим последним, вследствие чего из Хайлара не выезжает» [3, л. 2об.].

Слухи о нелояльности китайского генерала Су Бинвэня оказались не беспочвенными. В сентябре 1932 г. китайские охранные войска, как называемая «Армия спасения Родины», выступили против Японии. И возглавил это антияпонское выступление генерал Су Бинвэнь, располагавшися со своим штабом в Хайларе.

22 сентября 1932 г. маньчжурские газеты сообщили: «Хайларский генерал Су внезапно заявил антиправительственную позицию»[2, л. 80]. В качестве причин недовольства китайской армии газеты называли задержки с выплатой жалования и попытки сместить Су Бинвэня и других генералов со своих постов. Японские представители вступили

[1]Су Бинвэнь (сентябрь 1892 — май 1975). Военную карьеру начал с должности командира взвода после окончания военной школы в 1914 г. на юго-востоке Китая. С 1920 г. он на различных должностях служил в Маньчжурии.

в переговоры с китайским командованием, и, казалось бы, уже 24 сентября стороны разрешили противоречия. Но 27 сентября расквартированные на станциях Маньчжурия, Хайлар, Бухэду и Чжаланьтун китайские части почти одновременно начали мятеж. Официальные заявления штаба Квантунской армии долгое время продолжали сообщать, что «некоторые недоразумения» вокруг армии Су Бинвэня были вызваны задержкой жалования солдатам и быстро были ликвидированы. Но в октябре газеты уже опубликовали обращение этого генерала в Лигу Наций, где заявлялось, что китайская армия не сложит оружия до полного освобождения Северо-Восточного Китая от японской оккупации [3, л. 132об.].

На некоторое время Су Бинвэнь установил контроль над обширной территорией Западной Маньчжурии, включая приграничную железнодорожную станцию Маньчжурия. Сразу же в эти события были втянуты и советские представители. Русские еще составляли значительную часть населения Барги, а КВЖД было совместным советско-китайским предприятием. Действия восставших войск нарушили нормальное функционирование железной дороги, что стало предметом частых переговоров между советскими представителями КВЖД и представителями Су Бинвэня. Среди спорных вопросов были захват войсками паровозов и вагонов, выплата жалования охране дороги, попытка китайских военных контролировать движение и проч. Кроме этого, на занятой территории китайские военные арестовали практически всех находящихся там японцев, и японское правительство обратилось к советскому правительству с просьбой вступить в переговоры с генералом Су Бинвэнем об освобождении японских резидентов и разрешении им эвакуироваться на советскую территорию.

Советское правительство, поручило консулу на станции Маньчжурия В. В. Смирнову вступить в переговоры с генералом Су Бинвэнем, и после получения согласия последнего японские резиденты были эвакуированы на советскую станцию Мациевская. 27 ноября 51 японец из Хайлара были эвакуированы в СССР, и к этому времени общее число выпущенных через границу японцев составило 210 человек. Правда, китайское командование до конца не выполнило принятые обязательства, и до последнего держало у себя японцев и союзных им китайцев в качестве заложников. Лишь вечером 4 декабря следом за перешедшим границу поездом со штабом Су Бинвэня границу с СССР пересек поезд с тремя вагонами, в которых уже без охраны, но под замками находилось 120 заложников.

Союзными армии Су Бинвэня были войска восставшего против японцев еще 7 апреля 1932 г. губернатора Хэйлунцзяна Ма Чжаньшаня[2]. Китайская пресса уже 6 апреля отметила отсутствие данного министра Маньчжоу-го и губернатора на заседании правительства, подчеркнув, что «вместо поездки в Чан-Чунь Ма из Цицикара отправился в неизвестном направлении» [2, л. 129]. В приграничном с СССР городке Хэйхэ Ма Чжаньшань объявил о своей независимости от Маньчжоу-го. В сентябре 1932 г. Ма Чжаньшань прибыл в местечко Лунмэнь и установил связь с Су Бинвэнем. Но активного военного сотрудничества так не получилось, советская разведка сообщала: «По полученным данным генералы Су и Ма прибыли в Хайлар. В связи с прибытием Ма особого подъема на фронте и в Штабе Су нет, встречи произошли в обстановке холодка. Прибытию Ма Су решающего значения не придает. Оставление Ма в районе действий Су считает проблематичным, но возможна совместная попытка наступления на Цицикар, которую намерены предпринять после прибытия генерала Пу, так же двигающегося на соединение с Су» [2, л. 34]. В дальнейшем генерал Ма Чжаньшань отказался от активной борьбы на территории Маньчжурии и тайно покинул боевых действий. В документах указывалось, что вероятнее всего он переехал через границу с СССР по документам купца, возможно, по предварительной договоренности с советскими представителями. Озвучивалась и версия, что Ма Чжаньшань интернировался в форме рядового солдата[3]. В конечном итоге, руководство китайскими восставшими частями в Хэйлунцзяне в ноябре-декабре 1932 г. было в руках именно генерала Су Бинвэня.

Советское правительство в японо-китайском конфликте с самого начала заняло позицию нейтралитета. Еще в начале марта 1932 г. в одной из передовиц газеты «Известия» в очередной раз было заявлено: «СССР с первых дней Дальне-Восточного конфликта занял позицию твердого нейтралитета. Симпатии трудящихся Советской страны к Китайскому народу изнывающему под гнетом империалистической эксплуатации, конечно, являются фактом бесспорным. Но это сочувствие освободительной борьбе Китайских рабочих и крестьян, ни в коей мере не нарушило той неуклонной линии строгого невмешательства, которая естественно вытекала из общей мирной политики Советского Союза» [2, л. 162]. Несмотря озвученную советским правительством позицию, что обе стороны пытались склонить Советский Союз на свою сторону. Например, 11 ноября представитель генерала Су Бинвэня заявил в советском консульстве: «мы хорошо понимаем, что Советский Союз не может вмешаться в этот конфликт, что его невмешательство лучшая помощь Китаю и всем угнетенным империализмом странам. Мы также хорошо понимаем, что СССР не может даже нелегально давать ору-

[2] Ма Чжаньшань (1885—1950). Родился в крестьянской семье в провинции Цзилинь и вся его военная карьера была связана с Маньчжурией. После начала японской агрессии в Маньчжурии находившийся в Пекине глава Северо-Восточного Китая Чжан Сюэлян назначил Ма Чжаньшаня губернатором и командующим войсками провинции Хэйлунцзян Генерал Ма прибыл в столицу провинции – город Цицикар 19 октября 1931 г. и на следующий день вступил в должность. Вскоре произошло вооруженное столкновение между японскими и китайскими солдатами в районе разрушенного моста через реку Нони (Нэньцзян). Ма стал национальным героем, но вскоре пошел на сотрудничество с японцами. Он принял участие в создании государства Маньчжоу-го, был назначен военным министром марионеточного государства и губернатором Хэйлунцзяна.

[3] Вероятнее всего Ма Чжаньшань зиму 1932-1933 г. провел вместе с Су Бинвэнем в Томске (Ма Чжаньшань вернулся в Китай из Европы только в 1933 г. Оставаясь гоминьдановцем, он всегда относился к числу сторонников союза с коммунистами.

жие, но не может ли СССР, например, разрешить им получить из Германии или других стран транзитом оружие и боеприпасы» [2, л. 63]. В официальных документах отмечается: «Вскоре один из китайских генералов при посещении консула Смирнова поставил вопрос о советской помощи и просил возвратить захваченное Красной Армией при разгроме китайских войск на КВЖД в 1929 году оружие, на что, правда, получил отрицательный ответ» [2, л. 40]. В целом, китайская сторона все же надеялась на советскую помощь, и была разочарована отсутствием таковой. Уже 11 ноября 1932 г. сообщалось: «Наши железнодорожники отмечают некоторый холодок в отношении к нам со стороны китайцев... Отчасти это является по-видимому реакцией на ликующее настроение-надежды первых дней событий на получение какой-либо помощи со стороны СССР» [2, л. 71].

А 18 ноября 1932 г. глава японской делегации Комацубара в частной беседе с корреспондентом газеты «Восточно-Сибирская правда» заявил: «Я думал, что позиции СССР в вопросе конфликта с генералом СУ является дружественной по отношению к японцам, однако, пребывание в СССР в течение недели начинает убеждать меня в обратном, СССР относится дружественно нейтрально не к Японии, а к восставшим, с которыми по сути дела Советский Союз не должен иметь никаких отношений, как с властями непризнанными со стороны СССР. Весьма возможно, что СССР даже помогает СУ...» [2, л. 40]. В японских листовках же, разбрасываемых с самолетов, было написано: «В данный момент Совправительство по отношению двух государств Японии и Маньчжуго искренне показало дружественные отношения, но не может принять меры в защиту Маньчжуго против повстанцев» [2, л. 35]. В секретном циркуляре ОГПУ говорилось, что в Маньчжурии расклеивались и провозглашались такие лозунги, как «Два больших народа СССР и Китай не могут нарушить дружбу из-за хитрых замыслов Японии» [2, л. 47].

В ноябре 1932 г. китайские коммерческие структуры обращались к представителю Совторгфлота с просьбой о поставках медикаментов для раненых, но в этом им было отказано по причине отсутствия данного товара в номенклатуре этой торговой организации. Совторгфлот по той же причине отказал китайцам в поставке гербовой бумаги для печатания денег.

В во время восстания японское командование надеялось, что, как и прежде, удастся договориться с китайскими генералами, подкупить их деньгами и хорошими должностями. 19 октября 1932 г. японское правительство обратилось к Советскому правительству с просьбой разрешить направить на станцию Мациевская военную миссию для мирных переговоров с представителями генерала Су Бинвэня и известить об этом китайское командование. Советское правительство положительно ответило на эту просьбу, и в середине ноября военная миссия Маньчжоу-го во главе с японским полковником Камацубарой прибыла на станцию Мациевская. Наркоминдел СССР поручил консулу В. В. Смирнову передать представителям генерала Су Бинвэня пожелание японской стороны о мирных переговорах.

В циркуляре ОГПУ Восточно-Сибирского края от 16 ноября 1932 г., в частности, говорилось: «В день прилета японских самолетов в Даурию, 14 ноября 1932 г., на встрече с советским консулом в городе Маньчжурия Смирновым представитель генерала Су Бинвэня передал, что китайская сторона выражает недоумение, почему советская сторона без согласования с самим генералом Су дало согласие на проведение японо-китайских переговоров на своей территории» [2, л. 35]. Прибытие японцев на станцию Мациевская было воспринято негативно не только генералом Су Бинвэнем. В секретном циркуляре ОГПУ отмечалось: «После прилета на станцию Даурия японских аэропланов отмечается охлаждение китайцев по отношению к советским гражданам. Рядовые китайцы, полицейские, коммерсанты характеризуют политику Советского государства как заигрывание с Японией и делают вывод: Приятель нашего врага — наш враг» [2, л. 47].

Следует отметить и тот факт, что часть русских эмигрантов в Барге в конфликте встали на сторону японцев, о чем говорится в специальном приказе «Главного Штаба Северо-Восточной Народной Армии спасения» от 31 октября: «Сим, для всеобщего сведения объявляется... русские эмигранты пользовались здесь полным благополучием, с них не взыскивались какие-либо исключительные налоги и им не причинялось никаких обид и только в Китае эмигранты жили в таких исключительных благоприятных условиях и за это они должны быть по совести благодарные, на самом-же деле в это тяжелое время, когда наша родина находится в опасности, некоторые из эмигрантов тайно перешли на сторону наших врагов...» [2, л. 45]. Для нейтрализации действий русских «партизан», Су Бинвэнь объявил о введении для русского населения круговой поруки в виде десятидворок.

Восставшие китайские войска явно были слабее противника, японская армия разгромила китайские войска в Маньчжурии, так и не получившие помощи от Нанкинского правительства. 28 ноября 1932 г. японские войска перешли в наступление в районе Цицикара, авиация разбомбила штаб Ма Чжаньшаня в Хайларе. 30 ноября после двухчасового боя японские войска взяли штурмом Чжаланьтун, часть китайской армии попала в окружение. К 3 декабря восставшие китайцы вынуждены были оставить Хайлар. В ночь с 5 на 6 декабря 1932 г. первые части японских войск стали занимать оставленный армией Су Бинвэня город Маньчжурия.

Разбитый японцами Су Бинвэнь отказался вступать в переговоры с японским командованием и 4 декабря через консула обратился к советскому правительству с просьбой интернироваться на советскую территорию. Следует отметить, китайское командование заранее приняло решение об отступлении в пределы СССР в случае поражения от японцев. Документам говорят о том, что впервые советским представителям от имени Су Бинвэня было сообщено о возможной эвакуации на советскую территорию 11 ноября [2, л. 62].

4 декабря прибыв на станцию Маньчжурия генерал Су вместе со своим заместителем генералом Чжао посетил советское консульство и поспросил секретаря консульства «довести до сведения Советс-

кого Правительства, что вынужден отступить на советскую территорию, разоружиться добровольно и просит у Советского Правительства разрешения всем эвакуироваться через СССР в Китай» [4, л. 56]. При этом, китайское командование заявило, что китайские войска перейдут границу даже не дожидаясь разрешения от Советского правительства.

Местное советское руководство не могло дать разрешение на эвакуацию китайской армии в пределы СССР, они ждали решения Москвы. На границе возникла реальная опасность военного конфликта, и еще в ноябре 1932 г. об этом публично заявили представители японского генералитета. Но, согласно официальным документам: «В 21 час 33 минуты 4 декабря СУ-БЕН-ВЕН со своим штабом в поезде из 26 вагонов переехал на нашу территорию. Предложению вернуться в Маньчжурию — отказался, разоруживаясь» [2, л. 54].

Переход китайских войск на советскую территорию начался еще до выезда самого Су Бинвэня, а вместе с войсками границу перешли и гражданские лица — китайские рабочие с КВЖД и Чжалайнорских угольных копей. Газета «Правда» в начале декабря 1932 г. сообщала: «ЧИТА, 4 декабря. (Роста). Сегодня со станции Манчжурия прорвались на 86-й разъезд и дальше на советскую территорию отдельные части и группы из армии генерала Су Бенвеня. Часть бежавших на территорию СССР проникла пешим ходом, другая же часть, захватив силой вагоны и паровозы, двинулась на советскую территорию эшелонами. Все бегущие на нашу территорию китайские солдаты, также как и офицерский состав, разоружаются и интернируются. Всего интернировано около тысячи человек» [5]. Утром стало известно, что войска генерала Су Бинвэня переходили границу и в других пунктах, в районе соседних застав, в частности, в районе Абагайтуя. Операцией по приему китайцев руководил старший оперативный уполномоченный Даурского погранотряда Н. С. Киреев. На станцию Отпор прибыла маневренная группа в составе двух дивизионов под командованием помощника начальника погранотряда по политической части С. Н. Гусарова. Старшим военным начальником в районе интернирования китайских войск был начальником гарнизона был будущий Маршал Советского Союза, командир отдельной Даурской кавалерийской дивизии К. К. Рокоссовский.

Общая картина событий этих дней показана в циркуляре ОГПУ от 7 декабря 1932 г.: «Вечером 4 декабря Кит[айское] командование обратилось с просьбой к Заб.жд. администрации принять и пропустить в КВЖД эшелоны и получив категорический отказ, китайцы сломали замки стрелок на Забайкальской и под угрозой оружия начали отправлять эшелоны на ст. Отпор. В Маньчжурии создалась паника. Вслед за уходящими из города отдельными китайскими воинскими частями потянулись к нашей границе кит[айское] чиновничество, кит[айские] служащие КВЖД и часть китайских граждан. В городе имели место грабежи... В городе остались только начальник уезда и представитель коммерческого общества, которые и организовали охрану города и советского и японского консульств... По приблизительному подсчету на 6 декабря задержано 3147 человек, из них офицеров 443, солдат 1801, граждан 903... Интернированные войска размещены частью в вагонах, частью в помещениях, частью под открытым небом. С питанием обстоит дело плохо, никаких запасов интернированные не имеют. По распоряжению т. Полунова, питание возложено на Комдива т. Рокоссовского, который 7 ноября организует это по следующей раскладке: хлеба 300 грамм, мяса 75 грамм, один раз в пятидневку соленая рыба. Сегодня для размещения и погрузки на ст. Отпор должно прибыть 60 теплушек, по погрузке эшелоны направим на ст. Шарасун» [2, л. 51]. Данные об общем числе интернированных в эти дни китайцев разнятся. По данным известного синолога и участника этих событий М.И. Сладковского, всего было интернировано 4117 человек, в том числе 11 генералов, 17 полковников, 389 офицеров, 2400 солдат, 1300 гражданских лиц, в том числе около 650 женщин и детей [2, с. 186]. Согласно сообщению ТАСС, опубликованному 21 декабря 1932 года в газете «Известия», границу перешли 2890 военных и 1200 гражданских лиц [6].

6 декабря 1932 г. японские войска полностью заняли станцию Маньчжурия, и по всему городу были развешены объявления на китайском и русском языках за подписью командующего Миямото, в котором сообщалось, что все, кто не выполнит предписания японского командования, будут расстреляны. В течение нескольких дней в районе Хайлар-Маньчжурия была собрана мощная воинская группировка. Японские беженцы смогли вернуться с территории СССР в Маньчжурию.

В соответствии с существовавшей международной практикой советская сторона объявила перешедших границу китайцев интернированными. В секретном циркулярном сообщении ОГПУ ВСК от 7 декабря сообщалось: «Интернированные китсолдаты восхищаются свои прибытием в СССР, последнего они рассматривают как несомненного их друга... Интернированные особенно интересуются дальнейшей своей судьбой, особенно солдаты. Хотят остаться в СССР и расселиться в ВСК и ДВК, так как, по их мнению, в скором времени между СССР и Японией вспыхнет война и они желают вместе с РККА с оружием в руках бороться против Японии. Приезд японской комиссии на ст. Отпор породил среди интернированных боязнь о том, что между СССР и Японией ведутся переговоры, которые могут окончится передачей интернированных Японии. Кит[айское]командование эту боязнь рассеяло» [2, л. 53].

Сложная международная обстановка осложнила дальнейшую судьбу интернированных китайцев. СССР отверг требования властей Маньчжоу-го о выдаче китайских солдат, мотивируя это положениями советской конституции. Японское правительство попыталось добиться согласия СССР оставить генерала Су Бинвэня и его сторонников на территории Советского Союза и не выпускать их в Китай.

Вопрос о будущем армии Су Бинвэнь сразу же приобрел особую актуальность. Сначала предполагалось переправить интернированных китайцев в

Китай прямо на Дальнем Востоке, но это оказалось невозможно сделать. Затем были разработаны планы переброски китайских армий в Синьцзян. Однако в это время большая часть Синьцзяна находилась под контролем восставших мусульман. Переброска Советским Союзом китайских армий в охваченный антикитайским восстанием Синьцзян была воспринята как прямая помощь Китаю в борьбе с национально-освободительным движением. 21 марта 1933 г. группа купцов-уйгур передало в консульство СССР в Чугучаке письмо для передачи советскому правительству, в котором говорилось: «...нас крайне встревожило, ибо мы никогда этого предположить не могли... Якобы Советское государство дало разрешение китайцам перебросить в Чугучак перешедшие на советскую территорию маньчжурские войска в количестве 4000-5000 человек. Якобы эти войска в полном вооружении будут использованы угнетателями китайцами против наших братьев. Думаем, что советское государство сохранившее до сих пор нейтралитет, и в дальнейшем будет сохранять его...» [7, с. 125-126].

Советское руководство вынуждено направить интернированных китайцев в Западную Сибирь, местом их временного размещения был выбран Томск. 11 декабря 1932 г. представитель Сибирского Крайкома ВКП(б) сообщил в Томск, что учреждения Сиблага в двухдневный срок должны принять китайскую армию. Интернированных китайцев размещали в учреждениях Сиблага, но за счет средств военного ведомства. Норма питания для интернированных соответствовала норме призывников в Красную армию, в короткие сроки были решены вопросы с помещением, отоплением, водоснабжением, постельными принадлежностями и проч. Для интернированных были подготовлены бараки, больница на сорок коек. Власти настаивали на том, чтобы интернированные имели сборный пункт, учебный центр на полторы сотни слушателей, склады и конюшни для него, одиннадцать квартир для начсостава и шесть классов для занятий. Семьям китайцев разрешалось жить вместе, бараки для генералитета надлежало оборудовать лучше остальных.

Уже 11 декабря 1932 г. со станции Даурия на запад отправился первый эшелон с семью сотнями китайцев, вскоре в Томске собралась вся армия Су Бинвэня. Несмотря на первоначальные планы быстрой эвакуации интернированных, китайская армия вынуждена была задержаться в Сибири и перезимовать здесь. При этом, китайцы были ограничены в свободе передвижения, даже генералитет. Председатель Томского горсовета писал в феврале 1933 г. в Новосибирск: «Генерал СУ выразил недоумение и некоторую обиду по поводу запрещения свободного выхода ему в город» [4, л. 7об.]. Ситуацию вокруг интернированной армии пытался держать под контролем китайский консул Сюй Дэгуан, специально выезжавший из Новосибирска в Томск. Но свободно доступа к китайской армии он не имел. Лишь весной 1933 г. китайцы были отправлены в Китай. Сам Су Бинвэнь вместе со своим окружением выехал в Москву, а затем — в Европу.

Направленные в Синьцзян интернированные китайские части приняли участие в политических событиях в этой части Китая. В частности, при их поддержке власть над Синьцзяном на долгие годы захватил генерал из Маньчжурии — Шэн Шицай. Су Бинвэнь вернулся в Нанкин, через Германию и продолжил там военную службу.

Декабрьские события 1932 г. в районе станции Маньчжурия имели огромное историческое значение. 12 декабря 1932 г., всего через несколько дней после приема Советским Союзом армии Су Бинвэня, состоялся обмен нотами между народным комиссаром иностранных дел СССР М. М. Литвиновым и главой делегации Китая на конференции по разоружению в Женеве Ян Хуйцином о восстановлении дипломатических отношений между СССР и Китаем. В это же время японское правительство отклонило внесенное советским правительством еще в декабре 1931 года предложение о заключении советско-японского пакта о ненападении. Таким образом, на Дальнем Востоке в основном сложился баланс сил, сформировалась новая система международных отношений.

Библиографический список

1. Сладковский М. И. Знакомство с Китаем и китайцами. — М., 1984.
2. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 123. Оп. 1. Д. 198.
3. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1011.
4. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 47. Оп. 5. Д. 183.
5. Правда. — 1932. — 6 декабря
6. Маньчжурия—Томск—Синьцзян // Наука в Сибири. — 2004. — 16 июня.
7. Бармин В. СССР и Синьцзян 1918—1941. — Барнаул, 1999.

Сибирский федеральный университет
Получено 17.08.10.

THE INTERNMENT OF SU BINGWEN ARMY. FROM THE SINO-SOVIET RELATIONS HISTORY

The article is devoted to one of the little known and insufficiently studied aspects of the Sino-Soviet relations history — the internment Su Bingwen army in the Soviet Union. The article was written based on previously unknown archival documents.

Manchuria, the Soviet-Chinese relations, interned, the Chinese Army, Su Bingwen

УДК 902

Т. В. Захарова

ДОМА АЛТАЙКИ И РЕШЕНИЕ ЖЕНСКОГО ВОПРОСА В ГОРНОМ АЛТАЕ В НАЧАЛЕ 1950-Х ГОДОВ

В статье рассматривается роль Домов алтаек в решении женского вопроса в Горном Алтае в начале 1950-х годов.

Дом алтайки, советская власть, культура, Горный Алтай

В начале 1950-х годов Горный Алтай, по оценке современных исследователей, продолжал оставаться периферийной территорией страны. Тяжелые военные годы и последующая затем разруха наложили свой отпечаток не только на экономическое развитие региона, но и ухудшили и без того шаткую социальную сферу.

В этот период продолжался прерванный войной перевод кочевого населения на оседлость. Для этого в местах кочевий создавались колхозные поселки по типу русских деревень. Несмотря на это, большинство алтайцев продолжало активно использовать юрту в качестве основного жилища. Продолжая прерванную войной работу по переводу кочевого населения на оседлость, органы государственной власти, как и в 1930-е годы, сделали основную ставку на женщину, активизируя деятельность Домов алтаек и женских советов.

В 1950 г. в Горном Алтае функционировало 6 Домов алтайки, из них лишь 4 были обеспечены самым необходимым для работы [1, с. 159]. Данные учреждения относились к стационарным культпросветучреждениям и проводили обучение женщин-алтаек с отрывом от производства в течение двух месяцев по специальным программам, организуя во вне учебное время кружковую работу. Всю текущую работу по приготовлению пищи, поддержанию чистоты, стирке белья, уходу за детьми, ведению учебного хозяйства осуществляли обучаемые. Это позволяло установить тесную связь обучения с жизнью.

Набор в Дома алтайки осуществлялся из числа «лучших женщин с производства, имеющих не менее четырех классов образования и нуждающихся в повышении своих знаний и своего идейно-политического уровня» [2, л. 19]. По окончанию обучения проводилась итоговая проверка работ курсанток по рукоделию. В условиях послевоенной разрухи и социальной неустроенности важным моментом было то обстоятельство, что на период обучения слушательницам начислялась «стипендия» в размере 20 трудодней в месяц.

Внимание, уделяемое учреждениям культуры со стороны партийных органов, объяснялось, в первую очередь, их серьезным идеологическим значением. Однако, несмотря на это, зависимость большинства учреждений культуры от местного бюджета определяла низкую оплату труда работников культуры, что вызывало отток необходимых специалистов, не везде была решена проблема с помещениями и обустройством.

Наиболее проблемными и требующими пристального внимания местных органов власти в Горном Алтае являлись Кош-Агачский и Онгудайский Дома алтайки. Проблем было много: от нехватки полотенец и наволочек до отсутствия квалифицированных кадров.

Первой, требующей первоочередного решения, являлась проблема нехватки необходимых помещений для полноценной работы. Так помещение Усть-Канского Дома алтайки не соответствовало своему назначению, поскольку состояло из двух маленьких комнат и небольшой кухни, что затрудняло обучение двадцати положенных по набору человек, зданию Шебалинского Дома алтайки требовался капитальный ремонт.

В Горном Алтае подобного рода учреждения финансировались из местного бюджета, получая определенную долю денежных вливаний из внебюджетных поступлений от колхозов и организаций и оплаты за выполненные работы или услуги. В целом финансирование Домов алтайки было достаточным и позволяло в полной мере осуществлять необходимую деятельность. Однако в некоторых случаях со стороны заведующих имелись факты злоупотреблений. Например, бывшая заведующая Кош-Агачским Домом алтайки тов. Кайгородова при увольнении взяла материала на сумму 240 рублей. В Онгудайском Доме алтайки незаконно держали счетного работника с окладом в 150 рублей в месяц, эти деньги удерживались из оплаты инструкторов по усмотрению заведующей тов. Кахаевой [3, л. 2].

Местный бюджет не мог в полной мере покрыть всех расходов учреждений культуры, необходимостью стало заключение договоров между Домами алтайки и колхозами, согласно которым колхозы были обязаны оплачивать 50% суммы на содержание каждого направляемого слушателя. Однако на практике колхозы имели большие задолженности перед Домами алтайки. Например, в Улаганский Дом алтайки лишь один колхоз из заключивших договоры, заплатил деньги, общая сумма задолженностей составила 7 тыс. рублей. В Кош-Агачском Доме алтайки самовольно увеличили срок обучения на 25 дней, на что было израсходовано 2200 рублей. Главной причиной финансовых проблем, по оценкам современников, являлось то, что райфинотделы в финансовом вопросе предоставляли большую свободу Домам алтайки, не контролировали и не ревизировали их в расходной части бюджета [3, л. 2 об.].

Третьей по значимости являлась проблема отсутствия квалифицированных кадров, их текучесть. В докладных инструкторов отдела по работе среди женщин обкома ВКП(б) отмечалось, что аймакисполкомы очень несерьезно относились к подбору кадров для Домов алтаек: кадры не утверждаются, не соответствуют своему назначению, вследствие чего наблюдается большая текучесть и сменяемость работников. Например, в Онгудайском Доме алтай-

ки на должностях четырех штатных работников за 1950 г. сменилось 13 человек, в Кош-Агачском — 12, в Улаганском — 3 человека. Кадры Кош-Агачского Дома алтайки не были достаточно квалифицированными: заведующая тов. Ертечина — по уровню своих знаний, инструктора — русские не знали ни алтайского, ни казахского языков, не грамотные, инструктор по бытовым вопросам совершенно не грамотная при том, что выпускаемые слушатели имеют 5-7 классов образования [3, л. 2 об.]. В Усть-Канском Доме алтайки по бытовым вопросам временно нанят на работу учитель-мужчина, который должен обучать женщин мыть полы, стирать, белить, готовить пищу. И такие факты были распространены повсеместно.

Большие трудности с материальной базой были у Кош-Агачского и Онгудайского Домов алтайки. Например, вместо положенных 2-3 швейных машин, имелась только одна, не хватало коек, стульев, тумбочек, столов, кухонной посуды и даже сменного белья [3, л. 2]. Часть оборудования Усть-Канского Дома алтайки хранилось на квартире заведующего культпросветотделом и у заведующей Домом алтайки.

Политико-воспитательная работа во всех Домах алтаек, по оценкам современников, была поставлена на низком идейно-политическом уровне. Так в Улаганском и Кош-Агачском Домах алтаек не было даже плана политико-воспитательной работы, не проводились лекции, беседы и политчитки. Об этом говорит тот факт, что в Улаганском Доме алтайки-выпускницы после окончания периода обучения «тащили воровским путем» простыни, полотенца, наволочки, ножи, ножницы, фуфайки и другие вещи, принадлежащие Дому алтайки. В Кош-Агачском Доме алтайки ни один работник ВКП(б) не прочел ни одной лекции или доклада [3, л. 3]. Пропуски программных часов объяснялись тем, что лекторов своевременно не ставили в известность, что они являются лекторами Домов алтайки. Например, в Кош-Агачском Доме алтайки в период работы двух последних наборов общеобразовательные дисциплины не преподавались за неимением преподавателей. В Кош-Агачском аймаке за 1953 г. было обучено только 15 женщин вместо 30 человек, в Онгудайском — 18 вместо 40 человек, в Усть-Канском — 13 вместо 40 и это при том, что полное содержание каждой слушательницы обходилось государству примерно в 1 тыс. рублей [4, л. 6]. Основным препятствием в наборе слушательниц местные руководящие работники считали «денежную плату колхозов за обучение слушательниц», вернее, отсутствие таковой.

Согласно Положению о Доме алтайки, полный контингент слушателей подобного рода учреждения должен был составлять 20 человек, однако, ни в одном Доме алтайки одновременно такое число слушательниц не обучалось, а имеющиеся были представлены молодежью, не нуждающейся в обучении. Например, в Кош-Агачском Доме алтайки обучалась бывшая учительница из колхоза им. Сталина, в Улаганском — не член колхоза, имеющий 5 классов образования, который после окончания курсов остался работать кладовщиком. В Онгудайском Доме алтайки выпускница жила домработницей у учителей. Причиной таким фактам, по выводам современников, являлось то, что контингент слушателей аймакисполкомом не утверждался, вопросами укомплектования набора слушателей никто не занимался, а работники Домов алтаек ограничивались теми, кого высылали колхозы [5, л. 3]. Контингент слушателей Усть-Канского Дома алтайки в 1950 г. состоял из 4 женщин вместо 20 необходимых.

В целом, отмечалось в отчетах инструкторов отдела по работе среди женщин, руководства работой Домов алтайки со стороны РК ВКП(б) и отдела по работе среди женщин нет, поэтому, делался вывод, некоторые Дома алтайки открыты лишь формально [5, л. 3 об.].

В 1953 г. самым проблемным аймаком по работе среди женщин оставался Кош-Агачский. В справке о работе отдела по работе среди женщин Кош-Агачского райкома КПСС отмечалось, что «...отдел не оперативно руководит работой Советов, мало оказывает практической помощи на местах...Советы женщин во многих колхозах созданы формально-...отдел по-прежнему продолжает работать в отрыве от многочисленного женского актива райцентра, не изучает и не изыскивает новых форм и методов работы при специфических особенностях Кош-Агачского аймака...отдел работает без планово, а если имеется план работы, то он зачастую не выполняется...» [6, л. 9]. Указанные недостатки объяснялись тем, что отдел и его заведующий тов. Казагачева работают без напряжения и бесконтрольно. В связи с этим секретарь Кош-Агачского РК КПСС в своем отчете отмечал, что необходимо «коренным образом улучшить работу Дома алтайки. Считать главной задачей Дома алтайки — обучение, культурно-просветительное воспитание женщин-колхозниц, алтаек и казашек. Добиться, чтобы план набора их слушателей и прохождение учебного плана каждого набора безусловно выполнялся. Потребовать от отдела по работе среди женщин РК КПСС оживить работу женсоветов, усилить их воспитательную роль, вовлекая в эту работу женщин, окончивших курсы при Доме алтайки» [6, л. 13].

В 1950-е годы государственными органами власти неоднократно рассматривался вопрос о целесообразности создания и деятельности передвижных Домов алтаек. Заведующий отделом по работе среди женщин Онгудайского РК ВКП(б) в этой связи отмечал: «...считаю превращение стационарных Домов алтаек в передвижные есть «шаг назад». Дом алтайки ни есть культпросветпередвижка, кинопередвижка или библиотека-автомобиль, задача которых заключается в обслуживании населения киносеансами и литературой. Дом алтайки имеет своей задачей обучить население в основном женщин и девушек алтаек и казашек определенным знаниям и ведению культурного домашнего хозяйства. Следовательно Дом алтайки должен иметь свое определенное помещение и все необходимые предметы домашнего хозяйства, на которых он должен показать на практике как вести домашнее хозяйство». Этот же заведующий отмечал, что «для того, чтобы улучшить работу стационарного Дома алтайки, не нужно пускаться в такие крайности, как перевод на передвижную работу или закрытие. Прежде всего нужно создать необходимые условия для нормаль-

ной работы, дать приспособленное помещение с расчетом общежития на 20 коек, детскую и классную комнаты с оборудованием, красный уголок и ленкомнату для хранения литературы и внеурочных занятий...склад под хоз.имущество и продукты питания, комнату для преподавателей и администрации Дома алтайки... обеспечение помещением и оборудованием, необходимым ассортиментом продуктов питания, квалифицированными кадрами преподавателей возможность повысить уровень обучения, успеваемость, усилится заинтересованность колхозниц в обучении в Домах алтайки» [7, л. 34]. Со временем поднятый вопрос был снят.

В 1956 г. «учитывая, что существующие в области Дома алтайки не удовлетворяют требованиям культурно-просветительной работы среди женщин алтаек, а также учитывая необходимость усиления культурно-массовой работы среди пастухов, занятых на отгонном животноводстве» Дома алтайки были реорганизованы в культпросветпередвижки [8, л. 46].

Таким образом, в начале 1950-х годов в Горном Алтае в решении женского вопроса обозначилось несколько тенденций. Первая, характерная для всей страны, заключалась в том, что женские организации, созданные с целью просвещения женщин, постепенно превратились в «надежные помощники партии», на которые были возложены командно-административные функции. Вторая состояла в том, что активизируя деятельность женских организаций, органы государственной власти не учитывали интересы отдельно взятой женщины, национальные особенности жизни и быта, ставя во главу угла общественные интересы.

Библиографический список

1. Горный Алтай: история социального развития первой половины XX века / отв. ред. О. А. Гончарова. — Томск, 2007.
2. КПДА РА. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 1003.
3. КПДА РА. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 1004.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. КПДА РА. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 480.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 15.10.10

T. V. Zakharova

HOUSES OF ALTAYAN WOMAN AND THE WOMENS ISSUE DECISION IN GORNY ALTAI IN THE EARLY FIFTIES

In this article the role of the houses of Altayan woman and the womens issue decision in Gorny Altai in the early fifties are considered.

the houses of Altayan woman, the Soviet power, Gorny Altai, culture

УДК 902

Л. В. Миколаускайте

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В ГОРНО-АЛТАЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В 50—60-Е ГГ. XX ВЕКА

Работа посвящена развитию культурно-просветительские учреждения в Горно-Алтайской автономной области в 50—60-е гг. XX века. Рассматривается работа библиотек, домов культуры, сельских клубов, изб-читален, культпросветпередвижек, Домов алтайки и лекционная пропаганда. Затрагивается работа кинофикации и радиофикации.

Россия, Горно-Алтайская автономная область, культурное развитие, библиотеки, дома культуры, кинофикация, радиофикация

Правительство СССР придавало в 50—60-х гг. XX века большое значение развитию культурно-просветительских учреждений в стране, главной задачей, которых, по его мнению, являлось духовное воспитание человека, всесторонняя реализация творческих способностей личности. Потому-то оно направляло на это немалые усилия, главным образом, на развитие культуры советских людей, но отнюдь не их быта. Это было связано с тем, что перед партийно-советскими органами стояла главная и первоочередная задача перестроить сознания людей, изжить так называемые частнособственнические инстинкты и пережитки. В результате проведения этой работы, планировалось создать поколение людей, для которых общие и дальние цели коллектива были бы гораздо приоритетнее, нежели свои корыстные. Вместе с этим, в задачу культурно-просветительских учреждений входила и повседневная борьба с «безыдейностью» отдельных членов советского общества, с их преклонением «ценностями буржуазного Запада. Именно решение этих непростых задач и обусловливало место и значимость советских культурно-просветительских учреждений. Реализуя стоявшие перед ними задачи, они и определяли объем работы в области культуры [1, с. 3]. Ее проведение требовало немалых финансовых затрат. В силу этого, правительство из года в год увеличивало размер денежных средств на проведение культурно-просветительской работы в стране. Это позволило властям всех уровней создать сеть необходимых культпросветучреждений, повысить качество их работы с населением. К со-

жалению, эти положительные моменты были характерны, главным образом, культпросветучреждений, функционировавших в центральной части Советского Союза. Совсем другая картина наблюдалась в национальных районах страны, в частности, в Сибири, составной частью которой была Горно-Алтайская автономная область.

«Высокие задачи», которые решали в интересующее нас время культурно-просветительские учреждения страны, стояли и перед нашими учреждениями культуры, своей «многосторонней работой» вовлекавших в общественную жизнь самые широкие слои населения области, способствуя, тем самым, успешному решению всех хозяйственно-политических задач.

Они же в то время обсуждались, а затем ставились перед населением автономии Горно-Алтайской областной парторганизацией, в т. ч. и в сфере культуры и деятельности культурно-просветительских учреждений. В частности, в октябре 1951 г. пятый пленум обкома партии, обсуждал вопрос «О состоянии и мерах улучшения массово-политической работы среди трудящихся в области», где большое внимание было уделено вопросу о работе культпросветучреждений. Их же сеть в 50—60-е гг. XX в. была достаточно широкой. Тогда она состояла из 30 сельских, 10 районных, одной областной, двух городских детских библиотек, передвижной библиотеки («библиотека-автомобиль»), 70 сельских клубов и 46 изб-читален, городской и 10 районных Домов культуры, областного краеведческого музея, Дома народного творчества. Наряду с этим, в области функционировали десятки ведомственных и профсоюзных библиотек, клубов, сотни красных уголков. В области также имелись городская и 10 районных лекторских групп, 56 сельских лекторских объединений. Кроме того, в городе и районах были организованы и действовали специальные культурно-просветительские учреждения — 11 культпросветпередвижек и 6 Домов Алтаек, которые учитывали в процессе своей работы специфические и национальные особенности населения Горного Алтая.

Важнейшей составной частью культурно-просветительной работы среди трудящихся являлась лекционная пропаганда. Лекторы-общественники были объединены в 10 районных, одну городскую лекторские группы и 56 сельских лекторских объединений, в которых насчитывалось около 800 нештатных лекторов.

Задача лектора-общественника была однозначной — содействовать расширению массовой научно-просветительской пропаганды, помогать населению в деле овладения научными и техническими знаниями. Однако, как говорится, желания не всегда соответствовали действительности: состояние лекционной пропаганды в области в те годы далеко не отвечали уровню задач, которые решались населением нашего региона. Так, за 1953 г. сельскими лекторскими объединениями и группами было прочитано всего 3035 лекций, вместо планировавшихся 4000 [2, л. 6].

Главной причиной этого невыполнения являлось то, что значительная часть лекторов-общественников в течение года ни разу не выступала. Так, из 79 нештатных лекторов общественного лекционного бюро с лекциями в течении года выступили только 28 человек. Такое же положение наблюдалось и в аймаках области. Так, например, в Усть-Канском аймаке из 104 лекторов с лекциями выступали только 16 человек, в Усть-Коксинском — 30 лекторов-общественников, которыми было прочитано всего 134 лекции [3, л. 7].

К чтению лекций перед населением слабо привлекались партийный актив, научные работники, специалисты и передовики сельского хозяйства, врачи и учителя. Мало внимания работе сельских лекторских объединений уделяли райкомы партии. Не на высоте был и уровень лекционной пропаганды: она недостаточно увязывалась с решением населением хозяйственно-политических задач применительно к области, району, отдельно взятому хозяйству. В большинстве читаемых лекций почти не использовался местный материал. Многие лекции читались без учета запросов слушателей и подготовленности аудиторий. В интересующий нас период имела место и недооценка чтения лекций на алтайском языке. Так, в 1955 г. в области было прочитано на алтайском языке всего лишь 631 лекция.

Большим недостатком в работе областного отдела культпросветработы и его лекционного бюро, райкомов партии являлось то, что они очень слабо осуществляли контроль за содержанием лекций. Большинство их не апробировалось. Так, в Эликманароском, Майминском, Кош-Агачском и Шебалинском районах совершенно отсутствовала практика рецензирования и обсуждения лекций на заседаниях местных лекторских групп и методических секций.

Областной отдел культпросветработы, аймакисполкомы и райкомы партии почти не оказывали помощь районным лекторским группам и сельским лекторским объединениям в составлении их планов работы, с учетом местных условий и хозяйственных задач, решаемых населением района, предприятия, колхоза или совхоза.

Неудовлетворительно была поставлена в районах, в области в целом, и учеба лекторов-общественников. Согласно постановлению Правительства от 20 сентября 1952 г., повсеместно необходимо было провести два учебных семинара для лекторов-общественников: один — в IV квартале 1952 г., второй — в I квартале 1953 г. Однако выполнение этого постановления в ряде районов области было сорвано: учебные семинары лекторов-общественников не были проведены в Эликманарском, Онгудайском аймаках и в городе Горно-Алтайске.

Основным недостатком в проведении лекционной пропаганде в те годы было то, что в аймаках области не составлялись тематические планы чтения лекций, не учитывался экономический профиль, национальные и местные особенности. К примеру, очень мало проводилось лекций по вопросам развития животноводства, агротехники, по пропаганде передового опыта колхозов, совхозов и отдельных передовиков колхозного производства. Невысоко было и качество читаемых лекций.

Важным участком работы на «культурно-просветительском фронте» была деятельность сельских и аймачных библиотек, которая всецело

направлялась партийно-советскими органами. В рассматриваемое время она регулировалась решениями V пленума обкома партии «О работе библиотек области». Реализуя его последние сделали немало в их претворении в жизнь. Используя разнообразные формы работы, библиотеки значительно расширили и конкретизировали помощь трудящимся в деле получения ими знаний по отраслям науки, техники, литературы и искусства. Для этого ими было организовано и проведено в 1952 г. 718 книжных выставок, 146 фотомонтажей, диаграмм, 53 читательских конференций, 70 литературных вечеров и более 4000 громких читок [4, л. 150].

Среди аймачных библиотек наиболее разносторонней и содержательней работой отличалась Онгудайская библиотека, в распоряжении которой имелось свыше 15000 томов книг. Ее услугами пользовались 1920 читателей. Библиотека имела широкий актив, привлекая который она и смогла оформить 57 книжных выставок, провести 180 громких читок. Систематически ею составлялись списки рекомендательной литературы, выдавались библиографические справки, регулярно оформлялись фотовыставки и проводились читательские конференции. Хорошо была поставлена ею и такая форма пропаганды и продвижения книги, как «книгошествие». Для этого, 15 колхозах библиотека имела свои передвижки, помогавшие ей решить поставленные задачи. Их успешному решению во многом помогало ей регулярно проводимое библиотекой изучение читательского спроса и последующее его удовлетворение.

Однако, если говорить в целом о работе районных библиотек, они, к сожалению, не добились в то время коренного улучшения своей деятельности, что и стало главной причиной неудовлетворения ими возраставших запросов читателей.

Крайне неудовлетворительно работали в те годы Кош-Агачская и Улаганская аймачные библиотеки. Так, первая имела в своем активе всего лишь 500 читателей. В течение года ею не было проведено ни одной читательской конференции ни литературного вечера. Не проводила она и никакой пропаганды книги. Потому-то имевшийся в ее распоряжении богатейший книжный фонд лежал, по сути дела, «мертвым капиталом». Если в Майминской и Онгудайской аймачных библиотеках одна книговыдача обходилась государству примерно в 1 рубль, то в Кош-Агачской этот показатель достигал 3 рублей. Примерно такое же положение наблюдалось и в Улаганской районной библиотеке.

Неплохо проявляли себя и многие сельские библиотеки — непосредственные пропагандисты книги среди населения (на фермах, в тракторных бригадах, на животноводческих стоянках, среди лесорубов, шахтеров и др.). В числе передовых значились в то время Купчегенская и Ининская сельские библиотеки (Онгудайский аймак), Камлакская, Шебалинского района, Кискинская, Чойского аймака, Бирюлинская и Манжерокская Майминского аймака и некоторые др. Но, наряду с передовиками, были и отстающие. И к числу таковых относилось, к сожалению, большинство сельских библиотек, работавших откровенно плохо, сводивших свою работу только к выдаче и приему книг от читателей.

Их же, если говорить об этом в масштабе области, было крайне мало. Так, согласно официальным статданным, из 37 тыс. коренных жителей области читателями, учтенными библиотеками, значилось только 4000 читателей. Основную массу читателей составляла, что не удивительно, интеллигенция (28%). Вслед за нею шли рабочие (21%), число колхозников, записанных в библиотеки составило всего 8% [5, л. 153].

Другим, весьма существенным недостатком в работе библиотек являлся слабый рост книжного их фонда. Главная «вина» в этом деле безусловно лежала на финансовых органах области, мало уделявших внимания пополнению книжного фонда библиотек: он, согласно документам, формировался в изучаемое время с «перебоями». Были повинны в этом и сами библиотеки, нередко не использовавшие выделяемые им средства на приобретение книг. Так, в результате халатности должностных лиц Кош-Агачского райисполкома да и библиотечных работников районная библиотека осталась в первом квартале 1953 г. без периодической печати. Тогда же оказались невыписанными такие массовые журналы, как «Новое время», «Крокодил», «Огонек», «Смена», «Советский союз», «Советская женщина», «Физкультура и спорт». Из детских журналов не были выписаны «Пионер», «Вожатый», «Затейник» и «Мурзилка».

Особенно плохо финансировали свои библиотеки сельские Советы, зачастую оставляя их без периодической печати, хотя средства на приобретение литературы и оборудования местными и вышестоящими органами власти выделялись. Это был результат «преступной халатности» лиц, ответственных за данный участок идейно-просветительской работы. Проверки всех уровней не раз отмечали, что аймакисполкомы и подвластные им «отделы культпросветработы совершенно не занимались вопросом создания колхозных библиотек». Из 161 колхоза свои библиотеки имели только 40 хозяйств.

Наиболее распространенной и многочисленной сетью культурно-просветительских учреждений в области были в 50—60-х гг. XX в. Дома культуры, сельские клубы и избы-читальни. Именно они являлись подлинными очагами культуры на селе. Поэтому на них возлагались большие задачи по культурному обслуживанию трудящихся. Основная нагрузка в этом плане ложилась на плечи кружков художественной самодеятельности, призванных своей деятельностью пропагандировать передовое советское искусство. Драматические, хоровые, музыкальные и другие кружки должны были знакомить колхозников, рабочих и интеллигенцию с произведениями знаменитых драматургов, композиторов, выявлять новых и новых талантливых исполнителей в этом деле.

Многие Дома культуры Горного Алтая принимали активное участие в проведении концертов для работников животноводства, членов полеводческих бригадах, базировавшихся на «культстанах», были они задействованы и в проведении «Дня пастуха». В такие дни члены агитхудожественной бригады выступали перед своими слушателями с докладами и лекциями, проводили беседы и читки газет, выпускали «Боевые листки», помогали колхозникам

подводить итоги социалистических соревнований. Примером проведения активной культурно-массовой работы среди населения служил в те годы Шебалинский Дом культуры. Помимо многих его кружков художественной самодеятельности работал в РДК и кружок баянистов (в составе 10 чел.). Его руководитель записывал и обработал алтайские мелодии, которые были использованы в последующем Новосибирской киностудией при создании ею кинофильма о Горном Алтае.

Но, несмотря на многочисленные положительные стороны работы многих Домов культуры, большинство же их работали все же неудовлетворительно. Особенно плохо была поставлена работа в Кош-Агачском, Улаганском и Усть-Канском районных Домах культуры. К примеру последний, как явствует из отчетов тех лет, «совершено бездействовал». В нем, кроме кино и вечеров танцев, никаких других культурно-просветительских мероприятий не проводилось. Здесь не работал ни один кружок, его агитхудожественная бригада значилась только на бумаге. Материальная база ДК, безусловно, оставляла желать много лучшего. Здание РДК не ремонтировалось с 1950 г., хотя, судя по отчетным документам, в 1953 г. на это дело было списано около 4000 рублей. Все попытки директора Дома культуры улучшить положение РДК неизменно натыкались на равнодушие со стороны аймакисполкома, райкома партии к культурно-просветительским мероприятиям. Дошло до того, что в 1953 г. Дом культуры не смог даже выписать ни одной газеты и ни одного журналов. Кроме того, в том же году в Усть-Кане состояли на балансе 16 культпросветучреждений, 9 из которых не имело своих помещений, а те, что имели — были крайне плохо оборудованы, не имели столов, стульев, шкафов для хранения литературы многого другого. Многие избы-читальни не смогли выписать ни одного экземпляра из периодической печати. Такое же положение наблюдалось и в ряде других аймаках [6, л. 156].

Если же рассматривать материально-техническую базу культпросветучреждений в целом, то она в 50-60-х гг.была очень слаба. Так, на 117 сельских клубов и изб-читален, значившихся в области, имелась 21 гармонь, 72 струнных музыкальных инструмента, большая часть из которых была неисправна и требовала ремонта. А между тем, почти в каждом их этих культпросветучреждений ежегодно не использовались средства, которые были предусмотрены на приобретение необходимого для клубов инвентаря. Например, в 1953 г. Ыныргинский сельский клуб (Чойского аймака) не имел оборудования — стульев, настольных игр и т. д. И стоило лишь заведующему сельской библиотекой проявить настойчивость и инициативу, как для клуба были приобретены баян, вторая гармонь, радиоприемник, патефон и др. В силу всего этого, Ыныргинский сельский клуб стал в 1954 г. одним из лучших в Чойском аймаке. В нем работали 7 кружков художественной самодеятельности. Силам его участников были поставлены пьесы на различную тематику.

К сожалению, хороших примеров работы Домов культуры, сельских клубов и изб-читален было крайне мало. Аймакисполкомы и райкомы партии, попрежнему, продолжали недооценивать роль данных учреждения, как важнейшего средства культурно-просветительской работы на селе. Особенно это было важно в районах, населенных пунктах, которые по составу жителей были многонациональными. В них ведущую роль, и это вполне объяснимо, стали играть национальные культпросветпередвижки.

В силу своеобразных условий сельскохозяйственного производства области — наличие отгонного животноводства — значительная часть населения постоянно находилась вдали от центральных усадьб колхозов, от очагов культуры. В силу этого, они на длительное время были «оторваны от жизни» и, практически не знали о текущих событиях, происходивших в стране и в мире. Эти «издержки жизни» такого рода животноводов и «устраняли» культпросветпередвижки, объезжавшие дальние животноводческие фермы, пастушечьи стоянки, работники которых проводили среди животноводов беседы, читали лекции, оказывали ныждавшимся медицинскую помощь, привозили свежие газеты, журналы, разнообразную литературу, выпускали «Боевые листки», организовывали радиослушание и досуг животноводов — демонстрировали кинофильмы, проводили вечера художественной самодеятельности.

Словом, работникам 11 культпросветучреждений, функционировавшим в области в 1953 г., работы хватало. В тот год они побывали 176 раз в колхозах, 1675 раз — на фермах, пастушечьих стоянках. Ими было прочитано 325 докладов и лекций на политические, естественно-научные, сельскохозяйственные, медицинские и другие темы, проведено более полутора тысяч бесед и громких читок. Этими мероприятиями было охвачено почти 30 тыс. человек. Для них было поставлено 334 киносеанса, организовано 105 коллективных радиослушаний, около 500 вечеров молодежи [7, л. 157].

Особенно хорошо справлялись со своими задачами культпросветпередвижки Кош-Агачского и Улаганского районов, регулярно курсировавшим по заранее разработанным маршрутам по отдаленным стоянкам своих колхозов, обслуживая их работников в полном соответствии с утвержденным планом культурно-просветительских мероприятий.

Говоря о работе культпросветпередвижках, следует отметить, что данная форма культпросветучреждений была к этому времени еще недостаточно освоена, в силу чего, она не всегда отвечала тем требованиям, которые предъявлялись к ним, вызывая тем самым немалые нарекания со стороны партийно-советских органов.

Если говорить о недостатках, то главным из них была слабость материальной базы культпросветучреждений. Необходимые средства для ее укрепления отпускались им не всегда и не в полном объеме. А, если они и выделялись, то приобрести на них необходимое для работы, не всегда удавалось. Слабость материальной базы усугублялась порой и и самими культпросветучреждениями: купленное или имеющееся у них имущество часто хранилось небрежно, что способствовало его растаскиванию и краже. Следующим недостатком в деятельности культпросветучреждений было, то, что они были укомплектованы «слабыми кадрами». В частности, в 6 учреждениях не было, к примеру, медицинских работников. Слабо занимался работой

культпросветучреждений их непосредственный орган, ответственный за их деятельность — культпросветодел облисполкома, не направляли ее и райкомы партии., призванные не только курировать работы райкультпросветотделов, но и помогать им в решении поставленных перед ними задач. На деле же получалось, что последние «варились» в интересующее нас время в «собственном соку». К примеру, отделы пропаганды и агитации райкомов партии никак не помогали работникам культпросветотдела, их лекторскому активу в разработке лекций и докладов. В стороне от этого важнейшего участка работы стояло и о.бластное лекционное бюро. Так, в 1952 г. работники культпросветпередвижек получили от него только 4 текста лекций на алтайском языке.

Важной формой культурно-просветительской работы среди алтайских и казахских женщин являлись Дома алтайки. Они, как известно, создавались в области для того, чтобы знакомить женщин с элементарными навыками санитарии и гигиены, домоводства, огородничества и ухода за детьми. Согласно «Положению о Доме алтайки», это учреждение должно было находиться в аймачном центре или в другом крупном селе. Работа с женщинами проводилась стационарно, на трехмесячных курсах. Поэтому в Домах алтайки предусматривался комплекс необходимых для этого помещений: комнаты для занятий, читальный зал, спальня, кухня, столовая, детская комната, мастерская, где женщины должны были осваивать кройку и шитье на швейной машинке [8, л. 12].

Но главной задачей Домов алтайки было приобщение женщины к работе по переустройству своего домашнего быта, к ликвидации малограмотности и неграмотности среди женщин, санитарное, агротехническое и антирелигиозное просвещение алтайских женщин.

И, надо сказать, Дома алтайки, как форма культурно-просветительской работы алтайского и казахского населения, вполне оправдывала себя. Но, как ни странно, некоторые аймакисполкомы и райкомы партии все же до конца не уяснили для себя роль Домов алтайки и продолжали порой рассматривать их как «ненужные и отжившие», применительно для 50—60-х гг. XX в. Отдельные руководители рассматривали их как «дома отдыха для ленивой части женщин-колхозниц», другие — продолжали утверждать, что эта форма культурной работы порочит алтайских и казахских женщин, ибо они достигли уже достаточно высокого культурного уровня, а предлагаемый Домами алтайки уровень только позорит их. Однако на деле, все обстояло гораздо иначе. На практике, эти разговоры означали только нежелание отдельных руководителей заниматься данными культпросветучреждениями, проявлять о них заботу и т. д. Именно только этим можно было объяснить крайне неудовлетворительную работу многих Домов алтаек на местах.

Чтобы исправить ситуацию, облисполком и обком партии регулярно заслушивали отчеты аймакисполкомов и райкомов партии, работа Домов алтаек которых не устраивала их. Чтобы поправить свои нижестоящие органы, тот и другой принимали соответствующие постановления (о предоставлении Домам алтаек пригодных помещений, о подборе для них соответствующих кадров, о прекращении растаскивания и «разбазаривания» в них имущества и продуктов питания, о порядке отбора слушательниц, о выделении для них нештатных лекторов и др. [9, л. 160].

Дома алтайки были предметом обсуждения и на пятом пленуме в 1953 г. обкома партии. В постановлении пленума было уделено им соответствующее внимание. Однако, большинство аймакисполкомов и райкомов партии эти решения не выполнили. Так, в Усть-Канском и Онгудайском аймаках не было выделено помещения, в Кош-Агачском — не был произведен капитальный ремонт. Из-за часто сменяемости кадров, продолжались факты хищения и растаскивания имущества и продуктов питания.

В 50—60-х гг. XX в. использовалась практика безответственного набора слушательниц. На обучение принимались колхозницы, которые не имели минимума выработанных трудодней, молодежь, имеющая образование только 4 класса и не нуждающиеся в этой форме обучения, с грудными детьми или которые находись в декретном отпуске. Это происходило потому, что райкомы партии и аймакисполкомы, при утверждении контингента слушателей, не указывали фамилии женщин, подлежащие обучению, давали возможность председателю колхоза самому решать данный вопрос.

Самый яркий пример безответственности в этом деле показали Усть-Канский аймакисполком и райкомы партии. На 18 слушательниц, окончивших Дом Алтайки в 1952 г., 7 женщин оказались больными венерическими болезнями.

Следует отметить, что в неудовлетворительной работе Домов Алтаек во многом были виноваты заведующие областными отделами, которые не проявляли должной настойчивости и последовательности в работе домов.

Состояние работы культурно-просветительских учреждений в области крайне неудовлетворительное. Исполкомы Советов депутатов трудящихся, областной и аймачные отделы культпросветработы, партийные организации совершенно недостаточно руководствовались сетью культпросветучреждений, не использовали имеющихся возможностей для дальнейшего подъема культурно-просветительской работы [10, с. 4].

Пятый пленум обкома партии много уделял внимание и определил конкретные задачи в области массово-политической и культурно-просветительской работы и линии кинофикации, радиофикации, книжной торговли.

Область имела 64 киноустановки, в том числе одни городской и 10 районных кинотеатров, 15 сельских стационарных киноустановки, 8 автопередвижек и 30 гужекинопередвижек — вполне было достаточно для того, чтобы в каждом населенном пункте регулярно демонстрировать кинофильмы [11, л. 161].

Между тем, кинообслуживание население было поставлено крайне неудовлетворительно. Многие киномеханики пьянствовали, ломали киноаппаратуру, срывали демонстрацию картин, график и маршрут кинопередвижками не выполнялся, поэтому многие населенные пункты месяцами не видели кино.

Особенно неудовлетворительно работала киносеть Улаганского аймачного отдела кинофикации, которые выполнили план на 34%, Усть-Канский — 62%, Онгудайский — на 67% [11, 161].

Начальники областных управлений кинофикации медленно исправляли положение дел. Учеба киномехаников была не налаженной, лучший опыт работы не обобщался и не распространялся, социалистическое соревнование не было развернуто.

Все это приводило к тому, что план по киносеансам был выполнен в 1952 г. по области на 84,5% или было не демонстрировано 2450 киносеансов, план по зрителям был выполнен на 77,1% и по доходам — на 78% [12, л. 163]. Не улучшалась работа кинофикации и в последующие годы.

Пятый пленум обкома партии КПСС в 1953 г. отмечал неудовлетворительную работу в области радиофикации, что «областная контора связи, аймакисполкомы и райкомы партии пусти данное дело на самотек. В области имелось только 6160 трансляционных точек и около 300 точек радиоприемников, радиоузлов имелось 14, а радиоприемников в 59 колхозах. Пленум поставил задачу добиться в 1952 г. сплошной радиофикации всех колхозов, совхозов, МТС и населенных пунктов путем строительства радиолиний от узлов Министерства связи, межколхозных и колхозных радиоузлов, установки эфирных радиоприемников с таким расчетом, чтобы радио было в каждой квартире» [13, л. 164].

Необходимо признать, что решение пленума не было выполнено и в данной части. Радиоузлы к этому времени имели 42 колхоза и радиоприемников 68, а 65 колхозов до 1953 г. радио не мело совсем. Трансляционных точек имелось всего 8658 и 575 радиоприемников [14, с. 1].

Областная контора связи неудовлетворительно вела работу по заключению договоров на строительство межколхозных и колхозных радиоузлов, на техническое обслуживание имеющихся радиоузлов. Плохо занималась контора связи и вопросом подготовки колхозных радистов. Так, в 1952 г. курсы по повышению квалификации окончило только 8 радистов, а в 1953 г. обучилось всего лишь 6 человек, что не могло удовлетворить потребность в работниках этой квалификации [15, с. 2].

Многие радиоузлы работали крайне плохо, потому что радисты слабо владели техникой. Областная контора связи не считала себя обязанным проводить совещания и семинары с работниками радиофикации других ведомств, обобщать и распространять передовой опыт в этом деле.

Комитет радиофикации слабо был связан с колхозами, совхозам, МТС, специалистами сельского хозяйства и передовиками колхозного производства Кош-Агачского, Уланаского, Усть-Канского, Усть-Коксинского и Турачакского аймаков. В радиовещании недостаточно пропагандировался передовой опыт животноводов, трактористов, комбайнеров и других работников сельского хозяйства.

Радиопередачи на алтайском языке велись на низком уровне, переводы были не редактированы и не доработаны. В литературно-художественных и музыкальных передач плохо использовались песни и мелодии, хотя в данном деле имелись большие возможности [16, л. 167].

Итак, основными формами культурно-просветительской работы были: лекционная пропаганда, работа библиотек, домов культуры, сельских клубов, изб-читалень, культпросветпередвижек, Домов алтайки. Много внимания уделялось в области кинофикации и радиофикации. Остановимся на каждой форме культпросветработы поподробнее. Основной причиной крупных недостатков и ошибок в работе культурно-просветительных учреждений являлось то, что облисполком, горисполком и аймакисполкомы не руководили ими повседневно, передоверяли этот важный участок идеологической работы отделам, и многие сельские Советы недооценивали культурно-просветительскую работу и совершенно не занимались ею. Вопросы культурно-просветительской работы редко обсуждались на заседаниях исполкомов и на сессиях местных Советов. Не был установлен контроль за финансированием культпросветучреждений и сохранением материальных ценностей.

Библиографический список

1. Анкудинова, Т. В. К вопросу о культурном развитии Горного Алтая и г. Горно-Алтайска в 1953—1964 гг. / Т. В. Анкудинова, И. М. Ракин. — Исторический вестник. — Горно-Алтайск, 2009. — Вып. 3. — С. 3-6
2. Комитет по делам архивов Республики Алтай (далее КПДА РА) Ф. Р-1. Оп. 2а. Д. 255. Л. 6
3. Там же. Л. 7(2)
4. Там же. Л. 150(2)
5. Там же. Л. 153(2)
6. Там же. Л. 155(2)
7. Там же. Л. 157(2)
8. КПДА РА. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 234. Л. 12(3)
9. Там же. Л. 160(3)
10. Иванов, Г. Улучшить работу Дома алтайки / Г. Иванов // Звезда Алтая. — 3 июня 1953. — □ 109. С. 4 (4)
11. КПДА РА. Ф. Р-1. Оп. 2а. Д. 255. Л. 161(1)
12. Там же. Л. 163(1)
13. Там же. Л. 164(1)
14. Звезда Алтая. — 1954. — 17 августа. — С. 1(5)
15. Звезда Алтая. — 1953. — 7 февраля. — С. 2(6)
16. КПДА РА. Ф. Р-1. Оп. 2а. Д. 255. Л. 167(1)

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 13.09.10.

L. B. Mikolayskaite

THE CULTURAL-EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS AT THE MOUNTAIN-ALTAY AUTONOMOUS REGION IN 50-60TH OF THE XX-TH CENTURY

The work is devoted development cultural-educational establishments in the Mountain-Altay autonomous region in 50-60th of the XX-th century. The work of libraries, houses of culture, rural clubs, log huts-chitalen and lecture propagation is considered.

Russia, Gorny-Altai region, cultural development, libraries, Home of culture, installation of cinema, installation of radio

УДК 902

В. С Мыглан, З. Ю. Жарников, А. Ю. Майничева, Ю. П. Лыхин

ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ ИЛИМСКОГО ОСТРОГА*

Статья посвящена теме датирования уникального памятника деревянного зодчества эпохи русской колонизации Сибири — Илимского острога (Спасская башня Илимского острога и Илимская церковь Казанской иконы Божией Матери). Для исследования использован дендрохронологический анализ, позволяющий на основе изменчивости прироста годичных колец деревьев получить наиболее объективные даты с точностью до года. Результаты исследования подтверждают традиционно принятые в исторической литературе даты сооружения Спасской башни Илимского острога и Илимской Казанской церкви.

памятник деревянного зодчества, Сибирь, история, острог, архитектура, дендрохронология

Введение

Применение дендрохронологического метода для датировки архитектурных (археологических) объектов имеет почти вековую историю, начиная с работ основоположника метода — А. Дугласа [1]. В России масштабные научные изыскания в области исторической дендрохронологии начались в 60-х гг. XX в. и в первую очередь связаны с именами Б.А. Колчина и Н.Б. Черных [2, 3]. Результатом работ стали серии датировок памятников деревянного зодчества и археологической древесины, найденной при раскопках старых городов по всей северо-западной части Европейской России. Азиатская часть России, несмотря на наличие значительного потенциала в виде памятников деревянного зодчества и двух крупных дендрохронологических центров (в Екатеринбурге и Красноярске), исследованиями в области исторической дендрохронологии охвачена слабо. Данные работы по Сибири носят локальный характер [4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19]. Сложившаяся ситуация определяется тем, что проблематика исследований существующих лабораторий связана в первую очередь с биоиндикацией природных и техногенных процессов, реконструкцией климатических изменений в прошлом, динамики пожаров и т. п. Определенное значение имеет и расположение памятников в труднодоступных местах, сложность отбора материала с построек, необходимость построения древесно-кольцевых шкал протяженностью 400-450 лет, что для многих территорий достаточно трудоемко.

В данной статье на основе обращения к уникальным памятникам деревянного зодчества Сибири XVII в. — Спасской башни Илимского острога и Илимской церкви Казанской иконы Божией Матери рассматриваются вопросы, связанные с дендрохронологической датировкой и ее последующей верификацией с историческими данными.

Материал и методы

Для выполнения датировки памятников деревянного зодчества по живым деревьям в Братском и Усть-Илимском районе Иркутской области была заложена сеть древесно-кольцевых хронологий (ДКХ) в направлении с юга на север на расстоянии 50-80 км друг от друга (Рис. 1). С каждого пробного участка было взято более 20 образцов сосны обыкновенной (Pinus sylvestris, L). За исключением участка pl_1 (охраняемый участок соснового бора, прилегающий к музею «Ангарская деревня») остальные пробные площади были расположены в прилегающей к дороге 300-метровой зоне, поскольку на большем удалении от дороги лесной массив был вырублен. Основная сложность на данном этапе исследования была связана с поиском старых деревьев возрастом в 400-450 лет, необходимых для построения ДКХ пригодных для датировки памятников XVII в.

Рисунок 1. Карта-схема расположения участков сбора образцов

Выполнение стандартного комплекса работ по обработке кернов с живых деревьев позволило получить обобщенные ДКХ протяженностью от 300 до 449 лет для ряда участков (Табл. 1). Как и предполагалось, прирост деревьев в исследуемом районе характеризуется низкой погодичной изменчивостью (широкие слабо изменяющиеся год от года кольца). Анализ значений межсериального коэффициента корреляции показал, что прирост на всех анализируемых участках значимо связан между собой и синхронно отражает действие общего комплекса факторов климатической природы. Применительно к вопросам перекрестной датировки это дает возможность

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 08-01-18094е «Строительная история памятников деревянного зодчества XVII—XIX вв. на территории Сибири».

использовать наиболее длительные ДКХ для датировки памятников из районов, для которых были построены короткие древесно-кольцевые ряды.

В нашем случае, протяженность и качество хронологий с участков pl_9 и pl_10 — наиболее близко расположенных к Илимскому острогу (Рис. 1) оказались недостаточными для проведения уверенной перекрестной датировки памятников XVII в. Выходом из сложившийся ситуации стало привлечение 449 летней хронологии по участку pl_1, тем более, что использование этой ДКХ уже в настоящее время позволило осуществить датировку башни Братского острога [9], в результате чего была получена обобщенная хронология протяженностью в 498 лет, а для периода XVI-XVII вв. было улучшено качество ее репликации. Для выяснения насколько обобщенная 498-летняя хронология (по участку pl_1 и образцам с башни Братского острога) Ang пригодна для датировки построек Илимского острога были рассчитаны коэффициенты корреляции (Пирсона) за последние 300 лет с ДКХ по другим участкам. Полученные результаты показали наличие наиболее высокой значимой связи (r=0,60) с участком pl_10, что позволило использовать древесно-кольцевую хронологию Ang для датировки образцов со Спасской башни Илимского острога и Илимской Казанской церкви.

Таблица 1

Характеристики стандартизированных ДКХ

серия	интервал		длина серии	межсер. коэф. корреляции	m	средняя длина серии	максимальная длина серии
pl_1	1560	2008	449	0,55	0,25	302	449
pl_6	1677	2008	332	0,49	0,27	242	332
pl_7	1709	2008	300	0,46	0,26	230	300
pl_8	1673	2008	336	0,49	0,25	263	336
pl_9	1623	2008	386	0,48	0,28	259	386
pl_10	1635	2008	374	0,53	0,28	327	374

Примечания: m — коэффициент чувствительности.

Для отбора образцов с памятников деревянного зодчества применялись буры для взятия образцов из сухостойной древесины. Использование такого оборудования позволяет наносить минимальный ущерб объектам исследования и взять оптимальное количество образцов с любой необходимой части здания, т. е. выборочно отобрать образец из любого намеченного участка бревна, сохранившего подкоровое кольцо или содержащего максимально возможное количество колец. Применение нового способа отбора образцов позволило отобрать и получить по исследуемым памятникам обобщенные ДКХ хорошего качества. Всего со Спасской башни Илимского острога (Рис. 2) было взято 12 образцов: восточная сторона здания — образцы под номерами d_1, d_2 (6-й, 7-й венцы, южный простенок), d_6 (6-й венец, северный простенок); южная сторона — d_3, d_4 (6-й, 7-й венцы); западная сторона — d_5 (7-й венец, южный простенок), d_12 (7-й венец); северная сторона — d_7, d_8, d_9, d_10, d_11 (12-й, 7-й, 6-й, 7-й, 6-й венцы). С Илимской церкви Казанской иконы Божией Матери (Рис. 3) было отобрано 12 образцов: Южная сторона здания — e_1, e_2, e_3, e_4, e_6, e_7, e_8 (1-й, 2-й, 6-й, 8-й, 7-й, 3-й, 8-й венцы); восточная сторона — e_9 (5-й венец); северная сторона — e_10, e_11, e_12, e_5 (5-й, 4-й, 3-й, 1-й венцы). Говоря о состоянии исследуемых объектов, следует отметить плохую сохранность поверхности бревен с внешней стороны постройки (из-за механических, атмосферных и прочих воздействий), в ряде случаев с отдельных бревен не удалось отобрать керны удовлетворительного качества.

Рисунок 2. Спасская башня Илимского острога, архитектурно-этнографический музей «Тальцы». 2008 г.

Рисунок 3. Илимская церковь Казанской иконы Божией Матери, архитектурно-этнографический музей «Тальцы». 2008 г.

Измерения ширины годичных колец были выполнены на полуавтоматической установке «LINTAB» (с точностью 0,01 мм). Дендрохронологический анализ проводился по общепризнаной современной методике [20] посредством сочетания графической перекрестной датировки [1] и кросскорреляционного анализа (в пакете специализированных программ для дендрохронологических исследований — DPL [21] и «TSAP V3.5» [22]) по стандартной методике.

Основная часть

Согласно Ф. Г. Миллеру первое зимовье на р. Илим, находившееся в устье р. Идирмы, было построено отрядом десятника Василия Бугра в 1628 г. В 1630 г. на р. Илим был послан отряд атамана Ивана Галкина. Благодаря полученным от тунгусов сведениям, И. Галкин узнал о более удобном пути с р. Илима на р. Лену и поставил новое ясачное зимовье, получившее название «зимовье на Илиме на Ленском волоку». Открытие этого волока и стало причиной быстрого развития Илимского зимовья, которое отодвинуло на второй план зимовье в устье р. Идирмы. Уже в 1631 г. десятник Фирс Никифоров собирал ясак, находясь не в устье Идирмы, а в Илимском зимовье [23, с. 51-52, 54].

Ввиду того, что зимовье находилось «против того места, откуда уходит в гору Ленский волок», оно было укреплено, а в 1647 г. стало острогом [24, с. 18], который в 1649 г. превратился в центр самостоятельного Илимского воеводства [25, с. 43-44]. При первом воеводе Тимофее Шушерине было составлено описание Илимского острога, состоявшего тогда из двух башен и острожных стен с постройками внутри. Однако в 1666 г. при тобольском сыне боярском Алексее Ларионове, временно исполнявшем обязанности воеводы, острог сгорел. Прибывший на службу новый воевода Сила Оничков отписал царю: «Приехал я, холоп твой, в Ылимской на пустое илимское городище». Поставленный перед необходимостью постройки нового острога воевода отказался от прежнего, неудачного на его взгляд места: «Местишко малое, меж высокими каменными крутыми невъезжими горами» [25, с. 44]. Новое место для будущей крепости было выбрано в полутора километрах ниже по течению р. Илим. Составив смету и организовав зимнюю заготовку бревен, ровно через год после пожара, 21 июля 1667 года, воевода Оничков «острожное место очертил, и первую Спасскую большую башню того же числа заложил» [25, с. 47]. Следует отметить, что именно эта башня и сохранилась до настоящего времени.

Уже в 1669 г. воевода перебрался во вновь сооруженный острог, который представлял собой деревянное укрепление, включавшее в себя восемь башен, в том числе три проезжих, и стены из стоячих бревен общей длиной 319 сажен. Внутри острога были поставлены Церковь Спаса Нерукотворного Образа, воеводский двор, съезжая изба, соболиный амбар. Строительство вел подьячий Илимской съезжей избы Никита Лазарев, который составил посланный 6 августа 1668 г. в Москву план (чертеж) острога [25, с. 47], который, к сожалению, не сохранился, но имеется подобное изображение острога в «Чертежной книге Сибири» С. У. Ремезова [26, с. 109].

После 1669 г. Илимский острог несколько раз подвергался ремонту и перестройке. Так, известно, что острог достраивался в 1687-1688 гг., в результате чего длина его стен достигла 333 сажен. В описи 1694 г. говорится, что итогом ремонтных работ стало: «А мерою новой острог против прежнего ж 333 сажени… А башни по тому острогу те ж, и вновь башен не прибавлено и не убавлено и не переставлеваны и не починиваны, только покрыты новым тесом» (25, с. 48, 49). Подробное описание внешнего вида острога было зафиксировано в 1703 году в описи, составленной при воеводе Качанове, а также в чертеже (Шерстобоев, т. 1, 1949, с. 42-43). Последняя перестройка Илимского острога, заключавшаяся в установке «круг города стамового тына» и в перекрытии башен, была осуществлена при воеводе Иване Попове в 1753-1755 гг. [25, т. 2, с. 16]. После этого острожные укрепления лишь постепенно и неуклонно разрушались.

Говоря об истории Илимской Казанской церкви, следует отметить, что сегодняшний день это самая старая сохранившаяся церковь в Восточной Сибири. Согласно клировым ведомостям, она была построена илимским соборным попом Петром Максимовым в 1679 г. Эта дата и утвердилась в исторической литературе. В то же время высказывалось неподтвержденное документами предположение и о более ранней дате постройки церкви — 1667 г. [27. с. 64-66].

Илимская Казанская церковь строилась, вероятно, по заказу воеводы, поскольку в храме было выделено специальное воеводское место. Церковь была поставлена вне острожной стены, вблизи Спасской башни: «От Спасские проезжие башни идучи на низ, на левой стороне» [25, с. 56]. Предполагается, что первоначально Казанская церковь представляла собой небольшую клетскую постройку, завершенную бочечным покрытием с широкими полицами на бревенчатых повалах. Бочка и увенчивавшая ее небольшая главка были покрыты лемехом. Позднее с западной стороны церкви была сделана низкая и широкая деревянная пристройка, покрытая пологой двускатной кровлей. При этом в пристройке стал размещаться собственно храм, а возвышающаяся над храмом первоначальная часть превратилась в алтарь. Во второй половине XIX в. наружная часть стен Илимской Казанской церкви была обшита гладкими досками. Такой мы и видим ее на сохранившихся фотографиях начала XX в. [28, с. 258-260]. Архитектор А. В. Ополовников, говоря о Казанской церкви, отмечал, что она «неоднократно перестраивалась, но остов ее центральной части сохранился без изменений. Он-то и представляет для нас особый интерес: его сруб постепенно расширяется кверху так, что исходная точка пологого изящного повала опущена примерно на две трети его высоты. Эта замечательная конструктивная особенность, столь редкая ныне, роднит сибирскую постройку с древнейшими памятниками России» [29, с. 317].

В связи со строительством Илимской ГЭС Спасская башня Илимского острога и Илимская Казанская церковь, попадавшие в зону затопления, в 1969—1970 гг. были перевезены в формирующийся недалеко от Иркутска музей под открытым не-

бом (ныне Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»), где и находятся по настоящее время. При реставрации Казанской церкви (автор проекта реставрации Г. Г. Оранская) ей был возвращен предполагаемый первоначальный облик XVII в.

В рамках дендрохронологической части исследования, отобранные со Спасской башни Илимского острога и Илимской Казанской церкви образцы, были измерены, а серии индивидуального прироста по каждому памятнику датированы между собой. Учитывая, что, согласно историческим данным, дата сооружения исследуемых объектов приходится примерно на одно время, была проведена перекрестная датировка индивидуальных серий прироста по обоим памятникам (Рис. 4).

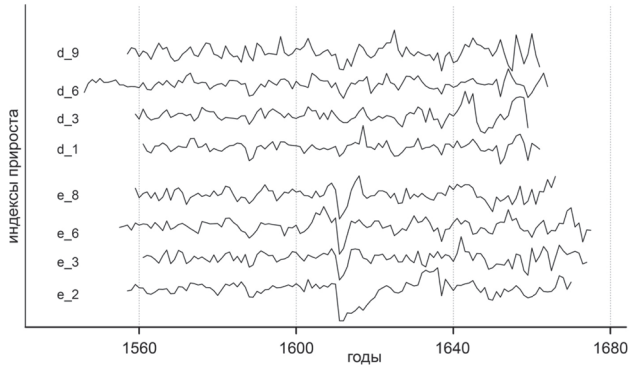

Рисунок 4. Результаты перекрестной датировки образцов со Спасской башни Илимского острога и Илимской Казанской церкви

Результаты перекрестной датировки показали, что анализируемые серии хорошо согласуются между собой. Так, почти на всех образцах с Илимской Казанской церкви хорошо прослеживается резкое падение прироста в 1611—1612 гг., которое наблюдается и у образцов со Спасской башни, синхронное падение прироста у всех образцов отмечается в 1568-69, 1588-1589 и 1637 гг.

Установление времени сооружения Спасской башни Илимского острога и Илимской Казанской церкви достигалось путем построения по образцам с этих памятников обобщенной ДКХ и последующей ее перекрестной датировке с абсолютно привязанной к временной шкале хронологией Ang (Рис. 5).

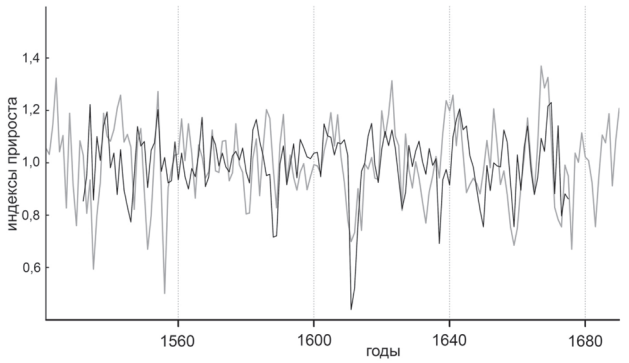

Рисунок 5. Перекрестная датировка обобщенной древесно-кольцевой хронологии по Спасской башне Илимского острога и Илимской Казанской церкви (черная линия) с обобщенной древесно-кольцевой хронологией Ang (серая линия)

На рисунке хорошо видно синхронное изменение прироста на всем анализируемом участке. Коэффициент корреляции (Пирсона) между датированными сериями составил 0,41 для периода в 144 года. Результаты выполненной перекрестной датировки индивидуальных серий прироста даны в Табл. 2. Таким образом, согласно дендрохронологическим данным время формирования последнего периферийного кольца у Спасской башни пришлось на 1665 г., а у Казанской церкви на 1675 г.

Таблица 2

Результаты перекрестной датировки образцов со Спасской башни Илимского острога и Илимской Казанской церкви

№ образца	Название образца	Кольцо (год)		Коэффициент корреляции	m	σ
		центральное	периферийное			
1	d_01	1561	1662	0,69	0,15	0,70
2	d_02	1513	1646	0,38	0,16	0,94
3	d_03	1559	1659	0,63	0,17	0,69
4	d_05	1553	1662	0,36	0,16	0,43
5	d_06	1546	1664	0,55	0,15	0,74
6	d_07	1580	1662	0,33	0,15	0,43
7	d_08	1542	1665	0,31	0,19	0,40
8	d_09	1557	1662	0,44	0,23	0,67
9	e_02	1557	1670	0,63	0,16	0,49
10	e_03	1561	1674	0,60	0,20	0,67
11	e_04	1554	1669	0,53	0,23	0,47
12	e_05	1559	1670	0,48	0,18	0,47
13	e_06	1555	1675	0,59	0,18	0,37
14	e_07	1550	1671	0,52	0,22	0,87
15	e_08	1559	1666	0,56	0,20	0,72
16	e_09	1567	1668	0,42	0,14	0,72
17	e_10	1532	1663	0,46	0,13	0,76
18	e_11	1555	1668	0,53	0,15	0,54

Примечания: m — коэффициент чувствительности; σ — стандартное отклонение.

Результаты и обсуждение

Сопоставление дендрохронологической и исторической информации показывает расхождение в несколько лет во времени сооружения памятников. Так, согласно дендрохронологическим данным, последнее периферийное кольцо у образцов со Спасской башни сформировалось в 1665 г., по историческим документам, острог сгорел в 1666 г., а строительство нового острога, в том числе и Спасской башни, велось с 1667 по 1669 гг. Аналогичная ситуация отмечается и по Казанской церкви, последнее периферийное кольцо датируется 1675 г., тогда как строительство церкви по историческим источникам закончилось в 1679 г. В обоих случаях наблюдается разница в 4 года. Можно предложить несколько объяснений подобного расхождения. Во-первых, датировать с точностью до года (сезона) время заготовки древесины возможно только в том случае, если на внешней стороне отобранного керна сохранились остатки коры. К сожалению, в нашем случае не удалось отобрать ни одного пригодного для датировки керна, удовлетворяющего этому условию. Вероятно, что несколько колец с внешней поверхности бревен постройки было утеряно. Во-вторых, при-

менительно к Спасской острожной башне возможна ситуация, когда часть бревен использовалась повторно со старых построек (например, образцы d_2, d_3), а часть бревен была заготовлена сразу после пожара, но пустили их в строительство только после приезда нового воеводы. Если принять во внимание эти обстоятельства, то дендрохронологические и исторические даты сооружения построек совпадут.

Таким образом, результаты дендрохронологической датировки подтверждают традиционно принятые в исторической литературе даты сооружения Спасской башни Илимского острога и Илимской Казанской церкви.

Библиографический список

1. Douglass A. E. Climatic cycles and tree-growth. A study of the annual rings of trees in relation to climate and solar activity. Washington, 1919. Vol. 1.
2. Колчин Б. А., Черных Н. Б. Дендрохронология Восточной Европы. М.: Наука, 1977.
3. Черных Н. Б. Дендрохронология и археология. М.: Nox, 1996.
4. Горячев В. М. Датировка образцов древесины из археологических раскопок на территории Николаевского монастыря г. Верхотурья // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1. — Изд-во «Екатеренбург», 1997. С 166-174
5. Горячев В. М. Древесно-кольцевой анализ отдельных частей «Идола» из Шигирского торфяника // III Берсовские чтения к 95-летию А.А. Берса и 90-летию Е.М. Берс / Материалы научно-практической конференции г. Екатеренбург, сентябрь 1997 г. — Екатеренбург, 1999. С. 45-49.
6. Горячев В. М. Некоторые итоги датировки остатков деревянных строений из археологических раскопов на территории г. Верхотурья // Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. — Екатеренбург, 1998. С 6-13.
7. Горячев В. М. Использование остатков древесины «Надымского городища» для построения длительных хронологий и реконструкции температурных условий / / Экология древних и современных обществ / Доклады конференции. Вып. 2. — Тюмень: Изд-во «ИПОС СО РАН», 2001. С. 30-33.
8. Горячев В. М., Горячева Т. А., Кардаш О. В. Хронология «Надымского городища» с помощью древесно-кольцевого анализа // Хронология и стратиграфия археологических памятников эпохи галоцена Западной Сибири и сопредельных территорий / Материалы научного семинара (18-19 ноября, Тюмень). — Тюмень: Изд-во «ИПОС», 2002. С. 22-24.
9. Жарников З. Ю., Мыглан В. С. Загадка Братского острога. // Труды международного форума по проблемам науки, техники и образования. М.: Академия наук о Земле, 2008, с. 153-154.
10. Кардаш О.В. Надымский городок в конце XVI — первой трети XVIII вв. История и материальная культура. — Екатеренбург-Нефтеюганск: изд-во «Магелан», 2009. 360 с.
11. Комин Г. Е. Дендрохронология Казымского городка // Ист.-архит. музей под открытым небом: Принципы и методика организации. — Новосибирск, 1980. — С. 121—126.
12. Мыглан В. С., Ваганов Е. А. К вопросу о датировке исторических памятников на Таймырском полуострове: дендрохронологический и исторический аспекты. // Вестник КрасГУ. — 2005. — □ 5. — С. 176-182.
12. Мыглан В. С., Жарникова О. А. Датировка памятников деревянного зодчества п. Березово. ХМАО — Югры методом дендрохронологии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 7. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2009. — С. 295-301.
14. Мыглан В. С., Жарникова О. А. Применение дендрохронологического метода для датировки памятников деревянного зодчества в п. Березово // Мир Евразии. — 2010, □8. С. 43-46
15. Мыглан В. С., Слюсаренко И. Ю., Майничева А. Ю. Спасская церковь из Зашиверска: дендрохронологический аспект // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2009, □ 03. — С. 103-110.
16. Мыглан В. С., Слюсаренко И. Ю., Майничева А. Ю. Дендрохронологическое обследование башен Казымского острога // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2010. Т. 41. □ 1. — С. 72-77.
17. Шиятов С. Г. Датировка деревянных сооружений Мангазеи дендрохронологическим методом. // Мангазейский морской крестный ход. — Л. : Гидрометеоиздат. 1980. ч. 1. — С. 93 — 107.
18. Шиятов С. Г. Дендрохронология Мангазеи // Проблемы абсолютного датирования в археологии. — М., 1972. — С. 119-121.
19. Шиятов С. Г., Хантемиров Р.М. Дендрохронологическая датировка древесины кустарников из археологического поселения Ярте VI на полуострове Ямал. // Древности Ямала: — Екатеринбург — Салехард, Вып.1, 2000. с. 112-121.
20. Шиятов С. Г., Ваганов Е. А., Кирдянов А. В., Круглов В. Б., Мазепа В. С., Наурзбаев М. М., Хантемиров Р. М. // Методы дендрохронологии. Ч. I. Основы дендрохронологии. Сбор и получение древесно-кольцевой информации: Учебно-методич. пособие. Красноярск, 2000.
21. Holms R. L. Dendrochronological Program Library. Tucson, 1984.
22. Rinn F. TSAP V3.5: Computer program for tree-ring analysis and presentation. Heidelberg, 1996.
23. Миллер Г. Ф. История Сибири. М.: «Восточная литература» РАН, 2005. Т. 3.
24. Молодин В. И. Кресты-тельники Илимского острога. — Новосибирск: ИНФО ЛИО, 2007.
25. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня: в 2-х т. Изд. 2-е. Иркутск, 2001.
26. Крадин Н. П. Русское деревянное оборонное зодчество. — М.: Искусство, 1988.
27. Нефедьева А. К. Казанская привратная церковь Илимского острога // Тальцы. 2000. □ 1(8).
28. Калинина И. В. Православные храмы Иркутской епархии. XVII — начало XX века. М.: Галарт, 2000.
29. Ополовников А. В. Сокровища Русского Севера. М.: Стройиздат, 1989.

Красноярский государственный педагогический университет
Получено 13.09.10.

V. S. Myglan, Z. Yu. Zharnikov, A. Yu. Mainicheva, Y. P. Lykhin

RESULT OF DENDROCHRONOLOGYCAL DATING OF THE ILIMSK STOCKADED TOWN (THE SAVIOUR TOWER OF THE ILIMSK STOCKADED TOWN AND THE ILIMSK KAZAN CHURCH)

This article focuses on dating the unique monument of wooden architecture from the time of the Russian colonization of Siberia — the Ilimsk stockaded town (the Saviour Tower of the Ilimsk stockaded town and the Ilimsk Kazan church). The monument is studied using dendrochronological analysis. This method is

based on variable annual growth of tree-rings, and provides the most objective date with an accuracy of up to a year. The results of investigations confirm traditional dates of construction for the Saviour Tower of the Ilimsk stockaded town and the Ilimsk Kazan church.

wooden architecture, Siberia, history architecture, dendrochronology

УДК 902

Е. В. Мячина

К ВОПРОСУ О ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ И ВЕЩЕВОМ СНАБЖЕНИИ БЕЛОГВАРДЕЙСКОЙ АРМИИ А. В. КОЛЧАКА В 1918—1919 ГГ.

В статье, на основе на основе опубликованных и архивных материалов, освещается вопрос продовольственного обеспечения армии А. В. Колчака в 1918—1919 гг.

Россия, гражданская война, Сибирь, «белые», красные», продовольственное обеспечение, Омск, экспедиционные войска

Вопросы благополучного исхода любой военной кампании во многом зависит от обеспечения войск всем необходимым, в том числе и продовольствием. И гражданская война 1918—1922 гг. в этом плане не составляет исключения. Но если этот вопрос в отношении Красной Армии исследован достаточно широко и подробно, то этого нельзя сказать о силах, противостоявших ей, в частности, армии Колчака. Свидетельство тому — незначительная литература, посвященная этой проблеме. Ее анализ убедительно свидетельствует о том, что данная проблема крайне слабо была освещена советской историографией. Не может похвалиться успехами в данном направлении и ее последовательница — российская историография. Об этом мы можем говорить с полным правом, проанализировав литературу, посвященную историю действовавшей в 1918—1920 гг. в Сибири и на Дальнем Востоке армии адмирала А. В. Колчака. Ее численность, как свидетельствуют источники, колебалась на разных этапах борьбы от 30 тысяч до 1,5 миллиона человек [1, с. 98].

Именно на обеспечение такого количества людей и была направлена политика правительства, пришедшего к власти (после переворота в Омске) 18 ноября 1918 года, во главе с Колчаком. Возглавив его, последний будучи военным, прекрасно понимал всю сложность работы по организации и обеспечению армии всем необходимым. Он говорил: «...Я знаю тяжесть жизни и работы вашей (офицеры и солдаты): армия плохо одета, плохо обута, с трудом прокармливается, ограничена в оружии и средствах борьбы...как не тяжело наше положение, но мы не одни: с нами братские Чехо-Словацкие войска и Союзники...» [2, л. 37 об.]. Иначе говоря, А.В.Колчак понимал, насколько трудна задача, которую необходимо было решить в самые кратчайшие сроки. Ее решение осложнялось тем, что на «иждивении» Омского правительства была не только Русская армия, с ее разными формированиями, но союзнические войска. Чтобы не было «обид» в деле распределения всем необходимым ни у кого, правительство создало для этого 16 июля 1918 года, на Челябинском совещании представителей Самарского комитета членов Всероссийского Учредительного собрания, Сибирского временного правительства, Исполнительного комитета чехословацких войск и французской военной миссии. В его состав вошли представители от Сибирской, Народной армий, чехословацкого корпуса, французской военной миссии) специальный орган — высший «Совет Снабжения союзных армий» [3]. Именно он стал ведать (с июля по ноябрь 1918 г.) распределением «излишков», имевшихся в одной из армий, между остальными. Впоследствии, этот орган стал не только распределителем «излишков», но и взял на себя роль распределительного и заготовительного органа [4, л. 18]. Однако формированием нового колчаковского правительства, положения вышеозначенного Совета изменилась. Согласно утвержденному Верховным правителем 29 ноября 1918 года постановлению, Высший совет снабжения союзных армий был расформирован [3]. Его функции по обеспечению армии Колчака стало отныне выполнять Министерство снабжения и продовольствия. Только в Приморской и Амурской областях его полномочия были подменены активными действиями японских отрядов, которые « частично возложили» на себя обязанности снабжать приамурские войска продовольствием.

С приближением зимы, началось снабжением трехсоттысячного войск необходимым снаряжением. Заготовка его ноябре 1918 года. Однако учитывая неизбежное пополнение армии, был отдан приказ на заготовку летнего и зимнего обмундирования на 500 тысяч человек [5, л. 2]. Несколько позже, однако, была определена более точная численность Сибирской и Западной армий. Согласно оперативным данным, численность Сибирской армии составила на 1 января 1919 года 68360 человек или 46,5 батальона [5. л. 5]. К 1 февраля 1919 г. она выросла до 116705, [5, л. 6,] на 1 марта 1919 г. — 149013 или 87 батальонов [5, л. 7], а к 15 апреля 1919 г. в составе Сибирской армии имелось уже 136 батальонов [5, л. 8]. Достаточно значительной была и численность Западной армии. На 1 марта 1919 года насчитывала 89746 солдат и офицеров [5, л. 9, об.]. К лету же 1919 года, согласно некоторым данным, в ее составе значилось «800000 ртов» [6, с. 48]. Согласно же «Ведомости штатного состава Российской армии по ее организационным соединениям», к 1 июля 1919» она должна была насчитывать

52,8 тысячи строевых офицеров и военных чиновников и 1 млн. 231,1 тыс. строевых и нестроевых солдат [7, с. 25].

Помимо всего вышесказанного, к 19 ноября 1918 года в Красноярске был размещен Итальянский экспедиционный корпус полковника Фассини-Комосси. Далее за ним — от Канска до Зимы — расположился румынский легион трансильвано-буковинских стрелков (около 1200 чел.), которым командовал полковник Э. Каддлец, в районе Тайшета — батальон югославов [8, с. 128]. Указанную численность колчаковской армии подтверждают и «снабженческие документы». В соответствии с ними, в январскую треть 1919 года на «снабжение» была принята армия, насчитывавшая 500000 человек и Чешская армия со славянскими формированиями — 100000 [9, л. 185]. Кстати, чехи не несли никакой «боевой нагрузки», они, главным образом, боролись с большевистскими «формированиями», действовавшими в тылу белогвардейской армии, а также охраной железных дорог. Словом, белогвардейская армия уже к ноябрю 1919 года была значительной. По словам современников, ее численность никому не была известна. Правда, один из них заявил, правда, «наугад, что она насчитывала 60000 человек». Но, судя по конкретным материалам, она не была таковой, а значительно меньшей [1, с. 98]. Хотя, если иметь в виду заявку военного ведомства, то оно еще летом 1919 года требовало от правительства кредиты на по армию численностью 1,2 -1,5 млн. человек [10, с. 384].

Главнейшими видами снабжения армии являлись: интендантское, артиллерийское и инженерное (все они появились в армии с августа 1918 г.) [3]. Следует отметить, что интендантское обеспечение подразделялось на три отдела: продовольствия, вещевого довольствия и обозы. Снабжение армии, как известно, целиком и полностью легло на плечи тыла.

Решить поставленную задачу было непросто. В самом сложном, в этом плане, положении находилось к 24 ноября 1918 года вещевое довольствие. Так, сапогами армия была обеспечена только на 70 %, шинелями — на 30, рубахами и штанами — на 30, ватными куртками и шароварами — на 50, полушубками — на 15, валенками — на 30, теплым бельем — на 70, бельем холодным — на 70 и рукавицами — на 30%. [11, л. 94, об.] Иначе говоря, армия была обмундирована примерно на 75% от потребности. [11, л. 95] В силу этого, ее надо было «дообмундировывать» недостающими вещами и боеприпасами. Решить эту проблему, интендантам очень мешал закон о казенных подрядах и поставках, поскольку он безнадежно устарел и в сложившейся ситуации в стране служил только схемой, но никак не руководством к делу. Поэтому Управляющий Отделом заготовок слал министру снабжения одно ходатайство за другим о том, чтобы он внес в Совет Министров законопроект о «Порядке выполнения заказов и поставок и правах лиц, заведующих распределением их в Министерстве Снабжения». Благодаря его настоятельным просьбам, к декабрю 1918 года схема поставок была, в принципе, отлажена. Это, в первую очередь, нашло свое выражение в появлении областных и уездных уполномоченных Министерства Снабжения в регионах. К примеру, Челябинский район имел областного уполномоченного в Челябинске и уездных уполномоченных — Троицке, Верхнеуральске и Кустанае; Алтайский район — областного уполномоченного в Барнауле и уездных — в Бийске и Змеиногорске; Акмолинский район — Омского областного уполномоченного и уездных — Тарске, Тюкалинске и Татарске. [12, л. 1-1об.]

Так, в соответствии с планом снабжения мясом армии и гарнизонов внутренних военных округов, который получило Министерство Продовольствия от Высшего Совета снабжения союзных армий 26 ноября 1918 года, Отдел заготовок должен был сосредоточить «для довольствия войск» в декабре 1918 — январе 1919 года 1260000 пудов мяса с последующей его передачей базисным продовольственным магазинам военного ведомства, в частности, в Кургане — 200000, в Ново-Николаевске — 15000, в Омске — 60000, в Петропавловске — 30000, в Томске — 45000, в Челябинске — 180000, в Семипалатинске — 300000, в Камышлове — 600000 и в Тюмени — 100000 пудов. [7, с. 25]. Это по плану, реально запасы мяса на 1 ноября 1918 года составили: в Петропавловске — 54100, в Омске — 14761, в Семипалатинске — 522745, в Челябинске — 73975 м в Кургане — 31521 пудов. [13, л. 55 об.]. Таким образом, благодаря принятым мерам, потребность армии в мясе была более-менее удовлетворена. По этому же принципу шло обеспечение войск мукой (или зерном). В частности, в декабре 1918 года Действующая армия должна была получить от Челябинского, Камышловского, Тюменского и Курганского районов по 48435 пудов (от каждого) и далее столь же понедельно по равным участкам: от Омского по 90000 и 65000, Новониколаевского — 65000 и 35000, от Курганского — по 30000 пудов соответственно [9, л. 19]. Согласно документам, остаток продовольствия составлял на 21 ноября — 1 декабря 1918 года по Челябинскому, Курганскому, Алтайскому, Томскому и Енисейскому районам: муки — 486,724 тысяч пудов, ржи — 422,378 тысячи пудов, [9, л. 15 об.-16], что было значительно меньше, чем планировалось. Это был результат неурожая: хлеба в тот год пострадали сначала от засухи, поразившей отдельные районы, потом ранние заморозки негативно сказались на конечном результате труда землепашцев Сибири.

В ноябре 1919 года противостояние «белых» и «красных» установилось по р.Иртыш и далее по линии: Павлодар-Барнаул-Кузнецк. Находившиеся в тылу «белых» Енисейская и Иркутская губернии не могли самостоятельно заготовить указанное им количество хлеба. Немаловажную роль в этом сыграла нехватка транспорта, а также хозяйственная специфика регионов [14, л. 42]. Так, в ноябре 1919 года армии необходимо было 160000 пудов овса в месяц, а ей «давали» лишь 60000, крупы — 25000 пудов, а в «закромах» ее было всего 22000 пудов. [14, л. 17]. Чтобы обеспечить армию всем необходимым «по штату», правительство возлагало надежды, в силу сложившейся ситуации, на Манчжурию, Амурскую область и запасы, имевшиеся во Владивостоке. На личный запрос представителя экономического отдела о потребности в запасах чая и риса в г. Владивостоке для до-

вольствия армии и населения Сибири на предстоящие 6 месяцев (с 1 сентября 1919 года), хлебо-фуражный отдел сообщал, что потребность в таковых запасах должна бы быть: чая для армии — 35000 пудов, риса — 300000. Сообщил он и о том, что наилучшие возможности в деле обеспечения армии он может только по чаю (по полфунта в месяц на 500000 чел.) [13, л. 102]. Согласно справке Хлебо-Фуражного Отдела (от 1 сентября 1919 г.) его было заготовлено 300000 пудов. Что касается риса, то на 1 августа 1919 года на складах Владивостока его имелось всего 32380 пудов, т. е. значительно меньше, чем требовалось его армии. [13, л. 108.]. Такая же ситуация складывалась и в деле обеспечения армии другими продуктами и фуражом.

Таким образом, уже с середины 1919 года ситуация с обеспечением армии Колчака заметно изменилась, что не замедлило отразиться на внешнем облике ее солдат. В большинстве своем они представляли собой людей, одетых, нередко, в лохмотья, разнообразные головные уборы и обувь. Расчеты командования на помощь интеллигенции не оправдались. Министры, блюдя личную выгоду, почти всегда завышали действительную численность армии, а получая «военные товары», перепродавали их местному населению, либо отправляли их за границу, за немалые деньги. Но, несмотря на все это, белогвардейское правительство прилагало усилия, чтобы хоть как-то поддерживать боеспособность своей армии.

Библиографический список

1. Филатьев Д. Катастрофа белого движения в Сибири 1918-1922. Впечатления очевидца. — Париж, 1985.
2. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1790.
3. Электронный доступ: http://guides.rusarchives.ru/browse/gbfond.html?bid=122&fund_id=438342, свободный.
4. РГВА. Ф. 39597. Оп. 1. Д. 161.
5. Там же. Ф.4334. Оп.1. Д.1.
6. Филатьев Д. Катастрофа Белого движения в Сибири // Гражданская война в России: катастрофа белого движения в Сибири. — М., 2005.
7. Дерябин А. Белые армии в Гражданской войне в России. Исторический очерк. — М., 1994.
8. Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. — М., 2005.
9. РГВА. Ф. 39597. Оп. 1. Д. 158.
10. Квакин А. В. За спиной Колчака: Документы и материалы. — М., 2005.
11. РГВА. Ф.39597. Оп.1. Д.161.
12. Там же. Ф. 45344. Оп. 1. Д. 6.
13. Там же. Ф. Р-160. Оп. 2. Д. 2.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 451.

E. V. Mychina

Алтайская государственная педагогическая академия

Получено 17.09.10.

FOR THE QUESTION ABOUT FOOD AND KNAP SUPPLY OF WHITE QUARDIC ARMY OF A.V.KOLCHAK AT 1918-1919 GG

In article, on the basis publish and archive materials, throw light the question food and knap supply of white quardic army of A.V.Kolchak at 1918-1919 gg.

Russia, civil war, Siberia, «white», «red», food and knap supply, Omsk, dispatch troops

УДК 902

Е. В. Синаева

ХУХ-ХОТО В СИНЬХАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В статье на основе работ китайских историков, опубликованных в Автономном районе Внутренняя Монголия, рассматриваются проблемы региональной истории на примере Синьхайской революции в районе города Хух-Хото.

Китай, империя Цин, революция, Хух-Хото, Гуйхуа, Тунмэнхой, Янь Сишань, Фань Энь Цин

В современной исторической науке заметно усиление интереса к региональной истории. История России и особенно ее восточных регионов тесно связана с историей сопредельных стран Азии. Крупнейшим нашим соседом был и остается Китай, а монгольские земли, входившие в Цинскую империю, и частично вошедшие в состав Китайской республики, всегда были местом активного взаимодействия народов России и Китая. Развитие отношений между государствами всегда стоит в зависимости от событий, происходящих внутри этих стран. Одним из важнейших элементов в изучении истории межгосударственных отношений является детальное исследование истории приграничных регионов, их роли в тех или иных событиях общенационального масштаба.

Китай в период Цинской империи не представлял собою единого целого ни в экономическом, ни в административно-политическом отношениях. События общенационального характера вызывали в регионах разную реакцию в силу различного уровня социально-экономического развития и административно-политической структуры. Мятежи, восстания, революции яркий тому пример. Синьхайская революция 1911 года, положившая конец правлению Цинской династии, явилась ярким этапом в истории общедемократической и национально-освободительной борьбы китайского народа.

Но события Синьхайской революции также имеют региональные особенности. Революционные события разделили участников не только по политическому, но и по географическому признаку: к концу 1911 г. в стране четко выделилось два лагеря — умеренные либералы севера и революционеры юга.

В отечественной историографии проблемы Синьхайской революции рассмотрены в целом ряде работ по истории Китая. В плане затронутой темы, особенно интересны нам «Новая история Китая» (М., 1972), «История Китая: эпоха Цин (М., 2005 — автор О. Е. Непомнин) и «История русско-китайских отношений». 1618—1917 гг.» (Красноярск, 2004. — автор В. Г. Дацышен). Из перечисленных работ, следует особо выделить последнюю, поскольку в ней дан довольно подробный анализ событий Синьхайской революции, подчеркнуты региональные настроения правящей элиты. Наряду с вышеназванными, в отечественной историографии есть исследования, посвященные Синьхайской революции. Это работы Е. А. Белова [1], Г. В. Ефимова [2], Е. Ю. Стабуровой [3] и др. Однако региональные аспекты затронутой нами проблемы, остались, к нашему сожалению, вне поля зрения авторов указанных выше работ. Что же касается истории регионов в период революционных событий, то отечественные историки традиционно больше внимания уделяли рассмотрению южных и центральных районов Китая, выступления же на севере, в отдельных городах и районах, практически не затрагивались ими.

В китайской историографии проблемам Синьхайской революции, как ключевому событию в истории страны, уделено много внимания. Весьма подробно освещен именно ход ее, т. е. в центре китайских исторических исследований неизменно находится история революции, ее роль и влияние на последующее развитие национально-освободительного движения в стране. Нашлось в них место и региональной истории: издано немало работ, освещающих участие отдельно взятых провинций в том или ином событии. В качестве примера можно привести и сборник статей «Материалы по истории Хух-Хото» («Хухэхото шиляо»).

В данной статье мы намерены, как уже отмечалось выше, рассмотреть, на основе материалов, опубликованных в сборнике «Хухэхото шиляо», особенности развития революции в Хух-Хото. Выбор этого города обусловлен не только его «региональной значимостью», но и политической спецификой. Во время событий Синьхайской революции именно этот город стал центром действия умеренных сил, приютом для чиновничества близлежащих территорий.

Территория нынешнего Автономного района Внутренняя Монголия раньше была разделена между рядом провинций, большая часть которых к настоящему времени упразднена. Хух-Хото раньше именовался «Гуйсуй». Это название вобрало в себя название двух частей города — «Старого города» (сомон «Тумэд») и «Нового города» — «Суйюань». Со времён эпохи династии Мин здесь селились китайцы, которые и назвали это место «Гуйхуа». В XVI веке (около 1580 г.) Алтан-ханом тут был основан монгольский город Хухэ-Хото, который вскоре стал важным политическим, торговым, религиозным (тибетский буддизм) и культурным центром. В конце XVIII века, в 4 км к северу от «Старого города», был основан новый китайский город «Суйюань». Со временем они слились и получили название «Гуйсуй» [4, с. 207]

Вплоть до 1954 года он являлся административным центром провинции Суйюань, которая в дальнейшем была упразднена. Сегодня Хух-Хото — административный центр Внутренней Монголии.

В начале XX века город представлял собой район со смешанным населением — в обеих частях Гуйсуя проживали маньчжуры, монголы, ханьцы и «хуэй». Буддийские, даосистские, исламские и католические храмы и монастыри разделяли одно пространство на левом берегу реки Чжадагай. На протяжении многих десятилетий в городе мирно сосуществовали вышеназванные народности. Меж ними никогда не возникали крупные противоречия и конфликты. В целом, за 269 лет правления Цинской династии, в силу географического и политико-административного положения, внешние бедствия и внутренние беспорядки практически никогда непосредственно не касались Гуйсуя (исключением являются восстания мусульман в середине XIX в.).

Город Гуйхуа был крупнейшим торговым центром китайской торговли в Монголии. К концу правления династии Цин он стал для страны собирательно-распределительным центром товаров на северных территориях (мех, скот и т. д.). Через Гуйхуа товары распределялись по Внешней Монголии и Синьцзяну, а продукция Внешней Монголии и Синьцзяна, в свою очередь, — стекалась и скапливалась в Гуйхуа, затем снова из Гуйхуа распространялась по обширным Центральным районам [5, с. 286]. Общественные круги и народности Гуйхуа устраивало существующее положение, каждый, так сказать, нашел место в сложившейся структуре Цинского периода.

Цинская династия была свергнута, как известно, во время Синьхайской революции. 10 октября 1911 г. в крупнейшем городе Центрального Китая — Учане, революционно настроенные солдаты саперного батальона 8-й бригады «Новой армии» подняли вооруженное восстание против монархии, встретившее поддержку со стороны солдат других частей гарнизона и населения, и быстро распространилось на другие провинции Центрального, Восточного, Южного и Северного Китая.

К началу революции население Гуйсуя отнеслось сперва равнодушно, считая ее обыкновенным мятежом одной «партийной клики» [6, с. 297]. Поэтому, неудивительно, что после вести об убийстве провинциального гражданского губернатора («сюньфу») Шаньси Лу Чжунци войсками Янь Сишаня (1883—1960) — китайский военный деятель, генерал; окончил Тайюаньскую военную академию (провинция Шаньси). В 1904 г. поступил в Тайюаньскую армию «нового образца». В 1908—1910 гг. проходил стажировку в японских военно-учебных заведениях. В эти же годы вступил в тайную офицерскую организацию, ставившую своей целью свержение Цинской династии. С октября 1911 г. — командир полка Тайюаньского гарнизона) — город заволновался. Правящие круги Гуй-

хуа начали ощущать напряженность политического положения, приближение революционного хаоса, угрожающего разрушению сложившегося общественного порядка.

Если говорить о правящей элите провинции Суйюань накануне революции, то ее состав можно оценить как опытный в деле управлении и довольно осмотрительно относившийся к власти. Во главе провинции стояли в то время цинский знаменный генерал-губернатор («цзянцзюнь») Суйюаня и цинский знаменный областной начальник («фудутун») сомона Тумэд города Гуйхуа — маньчжуры Кунь Сиу и Линь Шоу. Должность гражданского чиновника («тунчжи») Гуйхуа занимал Чэнь Шижун. Все они были крайне негативно настроены по отношению к ставшей тогда уже известной революционной организации Тунмэнхой, созданной летом 1905 г. китайским революционером — демократом, доктором Сунь Ят-сеном, в результате объединения различных китайских буржуазно-демократических и буржуазно-помещичьих революционных организаций. Первоначально объединение получило название «Китайский революционный объединенный союз» («Чжунго гэмин тунмэнхой2). С 1906 по 1911 г. «Объединенный союз» Сунь Ят-сена подготовил и провел свыше 10 антиправительственных вооруженных выступлений в различных провинциях Южного, Центрального и Восточного Китая.

Управление военными силами провинции находилось тогда в руках «старожила Гуйсуя» Чэн Линя. Эту должность занимал в свое время его отец занимал, имевший немало друзей среди знати провинции Шаньси. После назначении отца губернатором Аньхоя, его место в Гуйсйе занял его сын, отлично знавший не только местную обстановку, но и унаследовавший от родителя и ненависть к Тунмэнхою.

В первый год правления «Сюаньтун» (Сюаньтун («Всеобщее единение») — девиз правления императора Пу И (1908—1911). в Пекине было провозглашено о начале подготовительного этапа конституционных преобразований в государстве. Идя навстречу требованиям китайской буржуазии о введении в стране конституционного правления и о допуске представителей буржуазии к власти, цинское правительство объявило в 1909 г. о создании в провинциях «Подготовительных совещательных комитетов». Их депутатами стали представители местной буржуазии и землевладельцев. Они-то и приняли активное участие в общественно-политической деятельности, в организации сбора подписей под петициями цинскому правительству с призывами ускорить введение обещанной конституции. Но, наряду с вышеуказанными категорями населения, в состав комитетов часто входили и представители оппозиции провинциальной бюрократии. Эти члены комитетов были ярыми противниками насильственных, вооруженных форм борьбы и рассчитывали на мирный компромисс с Цинами. «Подготовительный совещательный комитет» появился и в Гуйхуа. Кроме него, в городе появился и созданный народом орган — совещательная палата. Ее председателем стал хозяин русского торгового дома «Лунмао янхан» («Иностранная фирма “Лунмао”») Фан Сяогун [6, с. 298], его заместителем — Чэн Синьчжи, занимавший тогда должность «чжанана» (управляющего делами) в приказе 2-го округа. Среди членов совещательной палаты находились члены правления комиссии по делам торговли, «шэньши» (обладатели ученых степеней) из окрестных деревень и сел — У Минь и Фань Чжень. Представители управлений Салаци и Токето Го Хунлинь, Ван Хунвэнь и Янь Мао не пожелали участвовать в деятельности палаты. Таким образом, в ее составе вошли только представители торговой буржуазии и интеллигенции, т. е. в ее составе практически не было оппозиционно настроенных к власти членов. Из всего состава совещательной палаты связь с Тунмэнхоем имели только У Минь и Фань Чжень. Но собственно ячеек партии Тунмэнхой в Гуйхуа не было.

Несмотря на общие консервативные настроения, в Гуйхуа было немало противоречий и «протестного потенциала». В конце XIX — начале XX вв. в Гуйсуе был основан ряд иностранных фирм, таких как «Лунмао», «Пинхэ», «Аньли» и др. [7, с. 308]. Внезапно нахлынувшая в город иностранная продукция вызвала у горожан недовольство. Уличные торговцы язвили по этому поводу: «Заморские лампы, сигареты — результат правления Сюаньтун!» [6, с. 299]. Пропагандисты Тунмэнхоя провинции Шаньси и из соседних городов Датуна (Ли Дэмао) и Синьчжоу (Ван Цзяньпин) пытались использовать эти настроения для привлечения в свои ряды сторонников, поочередно посылая на работу в Гуйхуа агитаторов. Но создать на месте организацию им не удалось. Среди жителей города было немного людей, ранее состоявших в Тунмэнхое, но инициативы по организации «Союза» в Гуйсуе они не проявляли, а народное недовольство, в свою очередь, ограничивалось лишь разговорами.

Задолго до революции, в период проведения «Новой политики», «цзюйжэнь» Ли Цзинцюань и «сюцай» Гун Биндяо были отправлены на учебу в Японию. Там они завели знакомство с Сунь Ятсеном и вступили в Тунмэнхой. Эти связи способствовали установлению их тесных отношений с однокурсником Ли и шурином Гун — Фань Чженем — преподавателем первого класса, ставшим впоследствии членом «Совещательной палаты» Гуйхуа. Но в силу отсутствия Тунмэнхоя в городе, вернувшиеся с учебы в Гуйхуа «курсанты», не участвовали в распространении пропагандистских материалов Союза. Более того, имевший связи с этой партией Фань Чжень, узнав о Тайюаньских событиях (убийстве губернатора Шаньси, выступлении солдат и офицеров «Новых войск» во главе с Янь Сишанем) поспешил уничтожить все представляющие опасность материалы. Таким образом, накануне революции 1911 года в Гуйхуа не было организованной оппозиции. Народное недовольство не носило угрожающего характера, ибо сторонников Тунмэнхоя было городе немного, в силу чего, они могли создать свою организация, агитационно-пропагандистской базу. Не помогли им и сторонники Тунмэнхоя, являвшиеся членами созданной незадолго до революции «Совещательной палаты». Сторонником революционной партии считался и командующий 5-м караульным гарнизоном, расквартированным под «Старым городом» Гуйсуя — Чжоу Вейфань [8, с. 291].

К началу революции власти провинции Суйюань отнеслись спокойно, поскольку события, происходившие в Центральном и Южном Китае, не касались непосредственно их. Кардинально изменил ситуацию «мятеж» в расположенном в соседней провинции недалеко от Пекина Шицзячжуане. 29 октября две дивизии «Новой армии», лислоцировавшихся в Шицзячжуане, вышли из повиновения маньчжурам. Их командиры — генералы У Лучжэнь и Чжан Шаоцзэн — потребовали прекращения боевых действий против восставших в долине Янцзы и введения конституции. В противном случае, заявили командиры, обе дивизии начнут поход на столицу.

Откликом на выступления в Шицзячжуане и стали события в Тайюане. В этот же день против маньчжуров выступили солдаты и офицеры «новых войск» во главе с Янь Сишанем. Так, провинция Шаньси вышла из состава Цинской империи и присоединилась к восставшему республиканскому лагерю. У Лучжэнь и Янь Сишань договорились о совместном наступлении на Пекин для свержения династии Цин. Но вскоре У Лучжэнь был убит. После неудачного выступления в Шицзячжуане, Янь Сишань отказался от планов похода на северо-восток, осев в Тайюане.

Эти события не только обеспокоили правящие круги Гуйхуа, но и активизировали оппозиционные силы. 18 декабря Чжоу Вэйфань вывел войска 5-го караульного гарнизона «из лагеря» и был намерен двигаться в направлении расположенного на юго-востоке города Фэнчжэнь. Но, вопреки планам Чжоу Вейфаня, двое часовых подняли бунт, солдаты гарнизона отказались исполнять приказы командира. Один из них, опустошив ломбард и хлебные лавки, запасшись серебром и провиантом в небольшом городке, собрал разбойничью банду и направился к городу Баотоу. Еще двое караульных осуществили попытку поджога мусульманского храма, стремясь, тем самым, создать в городе панику. Но поджигателей заметили солдаты 2-го монгольского батальона, патрулировавшие улицы у мечети, и пожара удалось избежать [9, с. 239]. Восставшие караульные бежали в направлении к Баотоу, грабя ломбарды и хлебные лавки. Когда в начале января 1912 г. дезертиры подошли к городку Бейхуанцаова под Баотоу, их отряд насчитывал уже более двухсот человек.

Члены Тунмэнхоя в Баотоу — Го Хунлинь, Ван Кентан, Си Сяочжоу и другие — поспешили поднять восстание, приветствуя вступление в город этой банды. Но революционные выступления в Баотоу потерпели поражение: вошедший отряд во главе с Цао Фучжаном попал в ловушку, устроенную Фань Эньцином, именовавшегося «знатоком Шаньси за Великой стеной», состоявшим на службе в должности «тунчжи» 4-х управлений городов Салаци, Токето, Нинюань (совр.Лянчжен), Уюань, а так же другие должности. Позже это событие назовут «Дело на конном дворе». 3 января восемь человек, называвших себя «военными губернаторами», руководимые Го Хунлинем, были убиты в банкетном зале торговой палаты «Баочжень гунхан». Войско мятежников было окружено во внутреннем дворе конюшни и было вынуждено сдать оружие.

События в Баотоу всколыхнули правящие силы Гуйхуа. И если начало января ознаменовалось подавлением радикальных выступлений собственными силами провинции, то уже меньше, чем через месяц появился более серьезный повод для тревоги. Революционная армия, руководимая Янь Сишанем, направилась к Баотоу. Поскольку после наступления 3-й дивизии во главе с Лу Юнсяном на Тайюань, Янь Сишань, не имея возможности больше удерживать город, вынужден был отступить на северо-восток в горные районы города Келань. Спустя два месяца, с целью пополнения запасов, Янь Сишань и двинул свои войска на север, к Баотоу.

Уже 23 января он достиг Хэйдоухао, в сомоне Далате. Испугавшись подхода организованного войска, генерал Баотоу Фань Чженьси в этот же день, взяв с собой командующих Восточным и Западным гарнизонами, два караульных гарнизона, вместе с чиновничеством управлений Уюаня и Дуншэня, а также частью мусульман-хэй, участвовавших в «деле о конном дворе», бросили ночью Баотоу и бежали до Гуйсуя.

«Цзянцзюнь» Суйюаня, получив эти известия, приступил к осуществлению мер по обороне города. Первым делом он отправил срочную телеграмму в Пекин с просьбой о присылке в Гуйсуй дополнительных военных силах. В спешном порядке, на экстренное собрание было созвано чиновничество семи главных приказов. Там же на месте, Фань Эньцин был назначен на должность «тунчжи» Гуйхуа. Имевшиеся военные силы города были мобилизованы и приведены в полную готовность. Генерал Кунь Сю дал распоряжение Лу Чуньсю, командующему 1-м маньчжурским батальоном, вести подготовку к защите Нового города, Фа И и Фу Тану, возглавлявшим 2-й монгольский батальон, — осуществлять подготовку к полевой войне. Двум караульным гарнизонам, отступившим из Баотоу, Фань Эньцин приказал разработать план защиты «Старого города « — Хойвэйтэ. Кроме того, отстраненные раннее от должностей выходцы из старого офицерства, были вновь приглашены на службу. Из опытной части руководства был сформирован отряд для обороны города Салаци.

Внутри города Фань Эньцин установил жесткий режим управления. Сразу после вступления в должность тунчжи Гуйхуа, он казнил свыше сорока человек членов разбойничьей банды. Собрав всех свои знакомых в Гуйхуа и Баотой, владевших боевыми искусствами «ушу», Фань Эньцин подавил восстание Го Хунлиня [6, с. 288]. Генерал Кунь Сю, пользуясь поддержкой Фань Эньцина, умело использовал случай с поджогом Цао Фучжаном мусульманской мечети как повод для разжигания национальной вражды на религиозной почве. Мусульмане-хуэй охотно откликнулись на идею о патрулировании города. Земляки генерала, «хуэй» Нового города, были назначены командующими караульными войсками. Помимо этого, с целью патрулирования Старого города было создано народное ополчение («мусульманское миньтуань»), в состав которого вошло более 200 молодых людей из «хуэй», владевших навыками ушу и представлявших обе части города. Члены ополчения день и ночь патрулировали Старый город, им разрешалось но-

сить при себе копья и ружья, прямо на улицах расправляться с любыми провокаторами и «преступниками» [6, с. 301]. Действия ополченцев повергли город в страх. Его жители забыли о каких-либо революционных выступлениях или бунте. Потому-то власти города, несмотря на серьезность ситуации в городе, не стали объявлять в нем военное положение. Всю осень храмы и кумирни работали в прежнем режиме [9, с. 269], два зимних театра по-прежнему устраивали музыкальные представления и давали банкеты.

Строгий режим управления в Гуйсуе позволил властям города полностью сосредоточиться на подготовке обороны Гуйхуа. Несмотря на то, что учащаяся монгольская молодежь города Салаци в Баотоу вступили в революционную армию Янь Сишаня, войска монгольского сомона Тумэд вместе с маньчжурами поклялись охранять Гуйхуа, не дать революционной армии Янь Сишаня вступить в город. Среди монгольских военных Гуйсуя не было сторонников Тунмэнхоя. Более того, именно монгольские части были брошены на восточное направление на борьбу с приближающейся армией Янь Сишаня. На борьбу с революцией их благословлял буддийский лама, вешавший каждому солдату на шею красный шнурок для кос. Командиры и бойцы считали его своим оберегом, который оградит их от смерти и ранений. Будучи преисполнены этой верой, а также верой в победу, они смело шли в бой [9, с. 246].

А тем временем войска Янь Сишаня продвигались к Гуйхуа с востока. В Баотоу он планировал достать для бойцов своей армии продовольствие и снаряжение. После недельного пополнения запасов в Баотоу, революционная армия двинулась к Гуйхуа. Не ожидая встретить организованное сопротивление, войска Янь Сишаня задержались под Салаци на пять дней. Но необоснованная уверенность командира сыграла с революционными войсками злую шутку: утром 17 февраля, в 30 километрах на запад от деревни Даошэньэр (Таосихао), они попали в засаду, устроенную им 2-м монгольским батальоном сомона Тумэд. В ходе боя, армия Янь Сишаня отступила к югу, в сторону Токето, в городок Хекоу. С ними ушли и сторонники Тунмэнхоя, в том числе член совещательной палаты Гуйхуа У Минь.

В это же время в Тумэд был направлены войска армии Юань Шикая. Военная помощь из Пекина обезопасила город с западной стороны, позволяя бросить все силы на борьбу с революционной армией на востоке. К середине февраля в обеих частях Гуйсуя было установлено «спокойствие».

Подводя итог всему сказанному выше, можно констатировать: события Синьхайской революции в Хух-Хото имели ряд особенностей. Во-первых, волна революции докатилась до города довольно поздно, на территории Суйюаня революционные выступления начались лишь в декабре 1911 года. Первоначально власти даже не придавали значения начавшимся волнениям в Центральном Китае. Инициатором выступления (18 декабря) являлись военные, но они изначально не планировали захват власти в городе, а малочисленность восставших и отсутствие прочной революционной базы в городе вынудили восставший гарнизон сразу уйти из него. Поздно начавшиеся волнения позволили правящим силам адаптироваться к сложившейся в стране обстановке, оперативно реагировать на любые попытки мятежей («дело о конном дворе») и не допускать таким образом масштабных выступлений.

К началу революции в городе не было радикально настроенной оппозиции по отношению к местным властям, не было в городе подготовленной для революции базы. Власти Суйюаня сохраняли прочные позиции в период революционных событий, за время революции в правящей верхушке (маньчжурской) произошло лишь одно изменение — на должность «тунчжи» был назначен Фань Эньцин.

Отличительной особенностью развития революции на данной территории явилось и отсутствие здесь антиманьчжурских настроений. Монгольские и маньчжурские батальоны совместно готовились к обороне города от наступавшей армии Янь Сишаня. Более того, на самое важное направление обороны были выставлены монгольские войска, внутри города безопасность обеспечивали отряды «мусульманского миньтуань», сыгравшие особую роль в процессе подавления революционных выступлений в городе. Маньчжурские же отряды располагались в ожидании войск из Пекина на западном направлении. Таким образом, власти Гуйхуа были уверены в верности неманьчжурских формирований. Во многом это объясняется ролью Гуйхуа как собирательно-распределительного пункта до революции. Местная буржуазия зарабатывала свои капиталы на посредничестве, а события, имевшие место в начале XX века и связанные с засильем иностранных товаров и фирм, не нанесли им большого урона. В связи с этим, почвы для обвинения маньчжуров в ухудшении экономической ситуации в городе не было, за исключением некоторого недовольства.

В конечном итоге, в период Синьхайской революции (конец 1911 — начало 1912 гг.) старая власть в Хух-Хото так и не была свергнута, она, наоборот, «выжила» и сохранила свою стабильность и полный контроль над ситуацией в городе.

Библиографический список

1. Белов Е. А. Краткая история Синьхайской революции. 1911—1913.– М., 2001.
2. Ефимов Г. В. Буржуазная революция в Китае и Сунь Ят-сен. — М., 1974.
3. Стабурова Е. Ю. Политические партии и союзы в Китае в период Синьхайской революции. — М., 1992.
4. Тун Цзиньжэнь, Цзинь Цицун. Хухэхотэдэ синцзянь хэ фачжань (Строительство и развитие Хух-Хото) // Хухэхотэ шиляо (Материалы по истории Хух-Хото). Т. 1. — Хух-Хото, 1983.
5. Ли Бохун. Лиши шан Хухэхотэ хуэйцзудэ цзи гэ вэньти (Некоторые вопросы «хуэй» в истории Хух-Хото) // Хухэхотэ шиляо (Материалы по истории Хух-Хото). Т. 1. — Хух-Хото, 1983.
6. Лиу Инъюань. Синьхай гэминшидэ Хухэхотэ (Хух-Хото в период Синьхайской революции) // Хухэхотэ шиляо (Материалы по истории Хух-Хото). Т. 1. — Хух-Хото, 1983.
7. Ван Цзюньянь. Цинчао минго няньцзянь Хухэхотэ цзяотун юньшу цзянькуан (Краткая характеристика транспорта в Хух-Хото в эпоху Цинской империи и

годы Республики) // Хухэхотэ шиляо (Материалы по истории Хух-Хото). Т. 1. — Хух-Хото, 1983.

8. Цзи Куйюань. Цинчао Суйюаньчхэн цзюньши сюэфу — Шибейсюэтан (Суйюаньское военное учебное заведение Шибейсюэтан) // Хухэхотэ шиляо (Материалы по истории Хух-Хото). Т. 1. — Хух-Хото, 1983.

9. Цзинь Цицун. Хухэхотэ чжаомяо, цинчжэньсы лиши гайкуан (Краткий очерк по истории храмов и мечетей Хух-Хото) // Хухэхотэ шиляо (Материалы по истории Хух-Хото). Т. 1. — Хух-Хото, 1983.

Красноярский государственный педагогический университет
Получено 17.08.10.

E. V. Sinaeva

HOHHOT IN THE SINHAISKY REVOLUTION

In article on the basis of materials of the collection of articles of the Chinese historians «Huhehote shiliao» are analyzed features of development of Sinhajsky revolution in Hohhot.

China, tmpery Cin, revolution, Hohhot, Guihua, Tunmenhui, Jan Sishan, Fan En Cin

УДК 902

А. Н. Хомайко

ЯПОНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ БОРЬБЕ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ НАРКОТИКОВ В ПЕРИОД С 1993 ПО 2001 ГГ.

В статье, опираясь на данные Министерства иностранных дел Японии, рассматриваются основные положения деятельности Японии в борьбе с угрозой распространения наркотиков в АТР (1993—2001 гг.).

Япония, АТР, ООН, «Большая восьмерка», распространение наркотиков, организованная преступность, проблемы азиатской безопасности, японо-американские отношения

Проблема борьбы с распространением наркотиков является одной из ключевых задач современной мировой политики. Россия, как и ряд других государств, испытывает серьезное давление извне, становясь центром транзита и сбыта тяжелых и других видов наркотических средств, производимых и доставляемых из Афганистана и Латинской Америки. Проблемы наркомании и распространения наркотиков касаются и АТР, рост числа наркозависимых приводит к ужесточению политики борьбы с организованной преступностью, но далеко не всегда дает достаточный эффект. Рост негативных тенденций имеет ряд важных факторов, к которым относятся недостаточно высокий уровень социального развития столкнувшихся с данной проблемой государств, отсутствие грамотной политики в области безопасности, коррупция и наличие развитой теневой экономики. Неспособность бороться с угрозой распространения наркотиков давит на правительства ряда крупных держав, вынуждая принимать не всегда популярные, а то и вовсе «негуманные» и даже «нецивилизованные», с точки зрения благополучных стран западного мира, меры.

Япония является крупнейшей экономической державой планеты и одним из ключевых игроков в АТР. Но, не смотря на это, остается страной с более низким уровнем потребления «тяжелых» наркотиков (на фоне ряда азиатских государств и России), и речь идет не только о достаточно высоком уровне жизни граждан страны. Ряд проблем социального плана не может оттеснить факта отдаленности государства от материковых процессов, в немаловажной степени это касается и вопросов безопасности. Определенную роль играют и исторические реалии. Географическое положение Японии, а также ряд культурных особенностей продолжают оказывать позитивный эффект на состояние здоровья нации, в совокупности с довольно жестким миграционным законодательством страны, делают ее более стойкой к новым социально-политическим вызовам, будь то международный терроризм или распространение наркотиков.

Власти Японии продолжают прилагать усилия по продвижению мер борьбы с расширением наркотрафика. Угроза наркомании рассматривается в контексте развития всего АТР. Япония стремиться ориентироваться на западный опыт, не забывая о сотрудничестве с ближайшими соседями по региону. Токио делает ставку на решение социально-экономических проблем стран-поставщиков наркотиков, выступая за усиление мер по предотвращению финансирования незаконной отрасли в Азии и других проблемных регионах планеты. Япония неоднократно давала понять, что воспринимает деятельность по искоренению проблем торговли и производства наркотиков, как часть совместной работы по обеспечению мировой безопасности и реализации накопленного потенциала международного партнерства.

Подобное сотрудничество предполагает включение в работу ключевых международных организаций, прежде всего ООН и НАТО. Лидирующая роль в АТР создает повышенную ответственность. Токио продолжает организовывать и спонсировать международные встречи, саммиты и тренинги по вопросам борьбы с наркотрафиком. Кроме того, оказывает серьезную материальную поддержку ряду международных и региональных проектов.

Источником для работы над статьей послужили «Синие книги» Министерства иностранных дел Японии (период с 1993 по 2001 г.). Данный термин используется для обозначения собрания дипломатических документов, впервые примененный в свое время в Англии (отчет о внешнеполитической дея-

тельности правительства перед парламентариями). Позднее появились и другие «цветные книги», например, во Франции существовали книги в желтой обложке, в Италии в зеленой. Документы концентрируются на международных аспектах политики Токио. Каждый выпуск содержит отчет о проделанной за год работе, предлагаемые японской стороной программы и проекты развития двусторонних отношений, а также отношений с международными организациями, стенограммы заседаний японского парламента, так или иначе относящиеся к проблемам внешней политики. Все документы представлены в англоязычном варианте и выложены на сайте МИД Японии по адресу: http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook. Структура документов состоит из разделов и подразделов, а также дополнений, куда включаются графические приложения и стенограммы выступлений японских политиков (премьер и министр иностранных дел).

Рассмотрение указанных документов показывает, что проблемы распространения наркотиков и наркомании не являются ключевым направлением деятельности МИД Японии. Информация по данному аспекту входит в группу Секторального анализа международной ситуации и внешней политики Японии, находясь в одной категории с положениями по международной преступности, терроризму и нелегальной продаже оружия. Анализ раздела позволяет выявить определенную степень заинтересованности Японии, ее желание и готовность нести ответственность за решение как международного, так и регионального аспекта столь серьезной проблемы, как борьба с наркотрафиком.

Проблема борьбы с распространением наркотиков связанна с активностью Японии в ООН. Несмотря на ограниченность материалов для исследования, существует ряд важных работ. Все нижеприведенные труды рассматривают различные аспекты внешней политики Токио, раскрывая неизвестные и слабоизученные вопросы отношений Японии в контексте международной политики. Сотрудничество Японии и ООН отражено в работе К. Харада «Реформа ООН и роль Японии», автор рассматривает меры по усилению вклада японской дипломатии в урегулирование международных конфликтов через Организацию Объединенных Наций, что также отражает официальную позицию Токио [1]. В работе «Japan's Foreign Policy in an Era of Global Change» рассматривается проблема современного развития японской внешнеполитической активности, как двусторонней, так и многосторонней, через организации международного типа, в новых условиях, последовавших за крушением модели биполярного мироустройства [2]. Стоит отметить и коллективную работу «Japanese Foreign Policy in Asia and the Pacific: Domestic Interests, American Pressure, and Regional Integration» [3]. Ее авторы рассматривает современные тенденции в политической жизни Японии и США, уделяя внимание вопросам межгосударственного и регионального сотрудничества, а также роли влияния общественного мнения Японии на международную политику своей страны. Проблемы деятельности Японии в АТР также рассмотрены в работе «Japan's Foreign Policy After the Cold War: Coping With Change» [4].

Исходя из недостаточной изученности темы, а также труднодоступности работ задачами данной статьи являются; краткий анализ основных мероприятий, проводимых Японией, выявление ключевых действий и решений на данном направлении и рассмотрение возможных перспектив дальнейшего развития борьбы Японии с распространением наркотиков.

Проблема наркомании и распространения наркотиков связана с развивающейся деятельностью японской организованной преступности. Представители якудза проводят незаконные операции по продаже синтетических наркотиков, нередко производя их обмен на недоступное на архипелаге огнестрельное оружие, зачастую не столько на территории страны, как за пределами Японии, к примеру, в США (штат Гавайи) [5, с. 122]. Японская мафия прибегает и к другим средствам, включаясь в распространение героина, кокаина и даже растворителя для краски. Однако основную долю доходов в этом сегменте нелегального бизнеса она получала, и продолжает получать, от продажи метанфетамина. Это синтетическое средство было изобретено в 1919 г. (изобретение наркотика приписывают японскому ученому А. Огата), но широкое его распространение приобрело после окончания Второй мировой войны, прочно закрепившись на японском рынке, вытеснив другие (гораздо более опасные, «тяжелые») препараты. Распространение метанфетамина связанно с изменением ритма жизни урбанизированной и перенаселенной страны, синтетическое средство стимулирует рабочую активность и повышает тонус, однако нередко приводит к побочным эффектам, варьирующимся от проблем со сном до психических расстройств разной степени тяжести. Распространение метанфетамина (на Западе наркотик чаще называют «лед»), привело к его существенному удешевлению, если в 1980 г. одна доза, объемом в 30 мг, стоила 10 тыс. иен, то в 1998 г. — всего 2 тыс. [5, с. 245]. Удешевление привело к резкому росту наркоманов, по приблизительным оценкам число зависимых возросло до 2.2 млн. человек к тому же 1998 г [5, с. 244]. Основными рынками производства наркотика оставались материковый Китай, Тайвань, а также Южная Корея (последняя была замешана в производстве и сбыте метанфетамина, а также других наркотиков вплоть до конца 1980-х) [5, с. 246]. Стоит напомнить, что проблема сбыта и производства наркотиков касалась не только сопредельных стран. Японские военные активно спонсировали лаборатории по производству героина и других наркотических средств, располагавшиеся в Тяньцзине в годы японской оккупации Китая [5, с. 298]. По данным ряда специалистов это составляло до 90% всего мирового объема «белых наркотиков», определенная часть которых сбывалась и в США [5, с. 298]. Однако поражение во Второй мировой войне кардинально изменило положение дел.

По данным документов МИД Япония приступила к активной борьбе с наркотиками в 80-е гг. XX-го в. Однако данная работа посвящена периоду 1992—2001 гг. Именно на этом этапе можно заметить изменения в некоторых аспектах внешней политики Токио, определенное расширение спектра

возможностей для активной деятельности. Распад СССР оголил целый ряд проблем, как внутри России, так и в крайне нестабильном регионе Центральной Азии, существенно расширив интересы любого из прилегающих к его границам государств. Центр сбыта наркотиков (таких как кокаин и героин) начал перемещаться от рубежей Латинской Америки, направляясь к границам Азиатско-тихоокеанского региона, представляя целый ряд проблем и создавая новые вызовы, от которых нельзя было уйти, отгородившись стеной законопроектов или принятием участия в работе очередной региональной или международной рабочей группы. Понимала это и Япония, уже в 1992 г. предложившая проект создания Регионального центра «Программы ООН по международному контролю над наркотиками и предупреждению преступности» в Юго-восточной Азии со штаб-квартирой в Бангкоке [6].

Проект был связан с мониторингом на границах Лаоса и Таиланда, так как Таиланд в тот период расценивался, как одна из главных угроз стабильности и процветанию во всем АТР. Именно оттуда, по мнению японской стороны, исходила наибольшая, на тот момент, угроза распространения наркотиков. Центр занимался разработкой и реализацией совместных антинаркотических проектов по периметру национальных границ таких стран, как Таиланд, Лаос, Мьянма и КНР [7]. Включились в работу и страны-производители (например, Таиланд), начавшие осуществлять более жесткие юридические меры против наркобизнеса, продвигая политику борьбы во всем регионе, разумеется, с ориентацией на материальную и организационную помощь извне. Токио мог рассматривать подобный шаг с двух сторон: создание чего-то подобного гарантировало запуск долгосрочного проекта в области безопасности, а кроме того — повышало престиж страны, обеспечивая возможность продолжать развитие отношений со странами АТР, без оглядки на споры вокруг периода Второй мировой войны.

Япония активно помогала и другим проектам «Программы ООН по международному контролю над наркотиками и предупреждению преступности» (ЮНДКП), включая помощь в организации совместной работы и выделение 4.5 млн. долл. на реализацию ключевых проектов (в 1994 финансовом году сумма составила уже $5.5 млн.) [8]. В 1993 г. расширилось сотрудничество с другими организациями. Японская сторона помогала в финансировании «Консультативного плана по проблеме наркотиков», включая выделение средств на подготовку персонала для проведения профилактических мер в азиатском регионе. Токио также старался привлечь к сотрудничеству специалистов по борьбе с наркотиками из стран АТР, Латинской Америки, Центральной и Восточной Европы, а также СНГ, основная работа проводилась через семинары и другие мероприятия подобного толка.

Не обошлось и без вмешательства в дела других государств. Перспективы изменения социально-экономического положения Лаоса и Таиланда могли оказать позитивный эффект на процессы всего АТР, особенно остро вопрос встал в отрасли сельского хозяйства. В феврале и марте 1993 г. Токио послал специалистов для обучения и консультаций в работе со специализированной техникой, технологиям по предотвращению распространения наркотиков. Начали рассматриваться возможности применения альтернативных растительных культур, однако работа на данном направлении не шла вперед из-за определенных культурных и социальных проблем южно-азиатских стран. Не смотря на трудности, двухстороннее сотрудничество в этой области продвигалось на протяжении всего десятилетия. В 1994 г. состоялось еще несколько семинаров по подготовке кадров. Страну восходящего солнца посетил ряд специалистов по вопросам борьбы с наркотиками из Азии, Латинской Америки и Восточной Европы. Часть финансирования на организацию и развитие сельского хозяйства в Таиланде и Лаосе было выделено именно Японией, причем программа не ограничивалась одним сезоном, а рассматривалась как часть многолетнего плана помощи.

В тот же период началось сближение и с Западом. Проблема наркотиков вышла на международный уровень, став одним из обязательных пунктов для программы переговоров между Токио и Вашингтоном с 1994 г. («Japan-US Framework Talks»). Две крупнейших индустриальных державы стремились достичь компромисса по вопросу объединенных действий против наркомафии [9]. Однако США стремились ограничиться своим собственных континентом, оказывая первоочередную помощь странам Латинской Америки, той же Колумбии, например. Вопрос наркотрафика в странах Центральной Азии и АТР не начал играть значительной роли вплоть до середины первого десятилетия XXI в.

Заинтересованность в работе на американском континенте не являлась случайностью. Японский МИД отмечал все основные центры производства наркотиков, подпольные цеха были разбросаны по всей территории планеты. Героин производили в так называемом «Золотом треугольнике», расположенном в районах Таиланда, Лаоса и Мьянмы, и так называемом «Золотом полумесяце», куда входили Афганистан, Пакистан и Иран. Кроме того, были отмечены определенные попытки производства героина в Перу, Колумбии и других странах Латинской Америки — т. е. местах традиционного производства более легкого и доступного для жителей Европы и Америки кокаина. Кокаин продвигался и в Перу, активно поставлялся из Боливии, Колумбии и других стран. Поставки этого незаконного средства осуществлялись преимущественно большими партиями, чаще всего в Европу и США, в меньших количествах — в Японию, что являлось прямым вызовом безопасности страны [10].

В ответ на нарастающую угрозу и отсутствие серьезной поддержки со стороны своего главного союзника, Токио активизировал работу в ООН, в частности ускорив кооперирование со специалистами «Программы ООН по международному контролю над наркотиками и предупреждению преступности», и сделав ставку на сотрудничество в рамках АТР. Центр ЮНДКП в Бангкоке запустил реализацию проектов в районе «Золотого треугольника». Одновременно усилился нажим на наркоторговцев и производителей со стороны местных властей, хотя говорить о неком кардинальном перекосе в положительную сторону было слишком рано. Возросло и общее финансирование проектов «Программы ООН

по международному контролю над наркотиками и предупреждению преступности», суммарный взнос Японии в 1995 г. составил 6 млн долл. [11].

1995 г. ознаменовался председательством Токио в Дублинской группе — своеобразном клубе высокоразвитых держав Запада, ставившим своей целью поиск путей по выходу из проблем, связанных с наркоторговлей. Однако каких-то конкретных шагов через этот, по сути совещательный, орган сделать так и не удалось, что лишь сильнее доказывало полную беспомощность или простое нежелание стран западного полушария предпринимать серьезные шаги в плане борьбы с нелегальным трафиком. Поскольку Япония понимала всю тяжесть вопроса, как для Европы, так и для Азии, то правительство решило не оказывать давление на своих партнеров по «Большой восьмерке», постепенно переключившись на работу с ближайшими соседями по АТР. По сути, выступив одной из двух (наравне с КНР) сдерживающих сил в регионе, Япония превратилась в державу, способную на реальные шаги, и, что немаловажно, — имеющую для этого все сопутствующие ресурсы и возможности. Токио придерживался принципа двусторонней работы по искоренению посевов опийного мака, и поддержал Мьянму, а также другие страдающие от похожих проблем страны в их стремлении увеличить посевы зерновых, сократив поля для производства наркотических культур. Продолжились переговоры с американцами, однако данная сторона внешнеполитической деятельности не имела конкретных результатов, так как была направлена на совместное решение «внутри-американских» дел, и Вашингтон, всячески намекал на это Токио.

Несмотря на усилия международного сообщества, количество конфискованных наркотиков сохранялось на относительно высоком уровне, к примеру, доля героина составляла около 20-30 тон, причем столь незавидная динамика продолжала наблюдаться на протяжении 95-95 гг. Шло увеличение количества конфискованного морфина, не только в Европе, но и на Ближнем Востоке. Однако усиление контрмер приносило и плоды, что можно было заметить по увеличению конфискованного опиума в Европе и Северной и Южной Америке. Конфискованный кокаин не превышал показателя в 300 тон, причем ежегодное производство зелья лишь росло все последние несколько лет. Больше чем 90% от собранного количества приходилось на страны Северной и Южной Америки [12]. Вместе с этим можно предположить, что реальные масштабы незаконной деятельности превышали любые оценки оперативных работников и спецслужб. Сбор сортов конопли и марихуаны начал возрастать примерно с того же отрезка времени, более активно с растениями боролись в Африке и Северной и Южной Америке, примерно такую же картину удавалось наблюдать и с европейскими поставками гашиша. Все вышеописанное практически не касалось АТР, тем более странным выглядит стремление Японии постоянно усиливать работу на данном направлении, вкладывая в это все больше средств и собственных людских ресурсов.

Осознание глобальности проблемы усилило стремление к развитию диалога через ЮНДКП, а также другие международные организации и проекты. Деятельность антинаркотических ведомств расширялась с каждым годом. Облавы на подпольные фабрики, конфискации, развитие технической базы, а также программ обучения получили поддержку, как от Японии, так и от других развитых стран-доноров ООН. Подобная активность сигнализировала о стремлении к коллективной работе, страны-спонсоры крупных международных проектов желали отойти от политики самостоятельной деятельности на данном направлении. Так, например, 1996 г. отметился семинаром по борьбе с наркотическими преступлениями, состоявшимся на шестой встрече заместителей министров Японии и США. Однако, не смотря на позитивные тенденции, семинар, как и предыдущие подобные проекты, по сути, остался набором декларативных заявлений с обеих сторон.

Политика ООН также нуждалась в модернизации, работа подразделений организации оставалась однотипной на протяжении целого десятилетия. Политическая декларация и «Глобальная Программа действий» были приняты еще на специальной сессии по наркотикам Ген. Ассамблеи ООН в 1990 г. Именно тогда прозвучали призывы к усилению международного сотрудничества по предотвращению нелегального трафика. Далее, на более поздней, Специальной встрече, прошедшей в 1993 г., государства-члены ООН подтвердили высокий приоритет задач по борьбе с нелегальными наркотическими средствами и призвали усилить попытки разобраться с вопросом «вырвав проблему с корнем», там же была принята и резолюция, направленная на ускорение выполнения «Глобальной программы действий». Похожая Специальная сессия Ген. Ассамблеи ООН по наркотикам была запланирована на 8-10 июня 1998 г. Предполагалось, что на ней должны были сформулировать новую стратегию борьбы. В ходе проведения мероприятия было отмечено несколько негативных фактов, а именно: рост числа несовершеннолетних наркоманов, а также увеличение количества синтетических амфетаминов (так называемых ATS). Сессия, которую посетил ряд важных персон, таких как президент США Б. Клинтон, глава Франции Ж. Ширак и ряд лидеров других государств ООН, включая японского Государственного секретаря по иностранным делам Комуру, представила заявление с призывом к принятию мер против распространения амфетаминов и борьбе с зависимостью в среде молодежи [13].

Как и полагалось в таких случаях, на первый план выходили действия по развитию международного сотрудничества. Во время финального дня работы была одобрена так называемая «Политическая декларация» и шесть других документов, которые составили основу новой международной стратегии по борьбе с наркотиками для XXI-го в. Похожая подготовка шла и в Комиссии по наркотическим лекарствам под эгидой Экономического и социального совета ООН. Основываясь на позитивном характере данных начинаний, Япония активно поддерживала работу «Программы ООН по международному контролю над наркотиками и предупреждению преступности» выделяя миллионы долларов ежегодно с 1991 г. Стране также пришлось

увеличить отчисления в фонды поддержки Внутри-Американской Комиссии по контролю над наркотиками и Организации Американских государств. В октябре 1997 г. Японское агентство морской безопасности провело семинар по противодействию морскому наркотическому трафику. Проект осуществлялся по одной из программ ЮНДКП и выступал в качестве меры профилактического характера. Около двадцати морских специалистов — представителей руководства соответствующих ведомств разных стран прибыли в Йокогаму из проблемных государств Азии и других зон повышенной активности наркоторговцев [14].

В рамках программы двусторонней помощи, Япония вошла в проект технического сотрудничества для предотвращения преступлений, связанных с наркотиками. В частности, страна выступила соорганизатором и провела, вместе с правительством Мьянмы и представителями «Программы ООН по международному контролю над наркотиками и предупреждению преступности», Региональный семинар по проблеме искоренения культивации опиума и развития внедрения культур-заменителей. Мероприятие проходило с марта по апрель 1998 г. в Мьянме. С июля был запущен совместный проект грантовой помощи, созданный японской стороной и специалистами из ЮНДКП. Проект был призван помочь правительству Мьянмы, а также дать толчок к решению проблемы во всем регионе, позволить увеличить долю производства продуктов питания ради улучшения стандартов жизни этнических групп, проживающих на приграничных зонах. Но главной задачей являлось переключение определенных групп населения с культивирования опия сырца на безвредные, альтернативные культуры [15]. В следующем — 1999 г. Токио отправил ряд экспертов по борьбе с наркотиками, а также других специалистов на Мьянму для работы по пропаганде культивации и рассеивания гречишных культур в качестве альтернативы плантациям опийного мака [16]. Таким образом, власти стремились продемонстрировать пример другим странам региона, также страдающим от проблем с нелегальным трафиком, однако Япония оставалась наиболее активной в этом вопросе на протяжении всего периода, вплоть до начала XXI-го в.

В феврале 1999 г. Страна восходящего солнца провела прошедшую в Токио Конференцию по противодействию наркотикам в Азии, приняв глав антинаркотических ведомств из КНР, Камбоджи, Лаоса, Мьянмы, Таиланда, Вьетнама, также как и Генсека «Программы ООН по международному контролю над наркотиками и предупреждению преступности». Мероприятие было организованно для того, чтобы обсудить методы сотрудничества региональных ведомств по борьбе с наркотиками и совместную с ЮНДКП борьбу против нарастающей угрозы. Помимо «Программы ООН по международному контролю над наркотиками и предупреждению преступности», Япония продолжала поддерживать и другие международные и региональные объединения: Внутри-Американскую Комиссию по контролю над наркотиками (CICAD) Организации американских государств (OAS), Консультативный план по проблеме наркотиков (DAP — проект — часть «Программы четырех пунктов») и Группу разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF). Помощь в основном осуществлялась через дотации и постоянные взносы [17].

В январе 2000 г. в Токио прошла Пятая Конференция по вопросам оперативной борьбы с наркотиками в АТР (ADEC-V). Данное мероприятие посетило 130 представителей из региональных и международных организаций из 37 государств и регионов, в основном из АТР [18]. В том же году состоялось несколько семинаров с участием представителей Токио, шел постоянный обмен опытом для продвижения совместных операций ради усилий по искоренению проблемы. В феврале в Вашингтоне прошел Международный саммит по контролю над наркотиками (International Drug Control Summit). Участники признали, что единственным гарантом удачной борьбы с незаконным трафиком оставалось международное сотрудничество. Японскую делегацию возглавил Р. Хасимото — бывший премьер-министр и Старший советник премьер-министра по вопросам внешней политики, он внес ряд конструктивных предложений во время обсуждения, однако, как и можно было предсказать, не смог повлиять на общее положение дел. Правительство Японии начало убеждаться в относительной ограниченности подобного формата общения. Политический аспект не мог вытеснить главного — необходимости работать со специалистами, именно это и должно было обеспечить усиление и постоянный рост качества борьбы с расширением трафика.

Словно в подтверждение этого, в декабре 2000 г. Япония организовала и профинансировала Экстренную встречу экспертов по наркотикам «Большой восьмерки», прошедшую в Миядзаки [19]. На встрече состоялись дискуссии специалистов «Программы ООН по международному контролю над наркотиками и предупреждению преступности». Представители «Большой восьмерки» согласились на усиление мер по разрешению международной проблемы торговли незаконными средствами, однако подробности инициативы стали расплываться с усилением экстремистской активности в Афганистане. Ближний Восток и Центральная Азия превратились в площадку «борьбы с террором», что в определенной степени затормозило развитие проектов, предложенных как японской, так и другими, не менее заинтересованными сторонами. События 11 сентября подвели определенную черту под всей политикой развития мировой безопасности. Стремление к обеспечению стабильности в регионе не могло держаться на одном энтузиазме. Токио был вынужден наращивать силы и ресурсы, о чем можно судить хотя бы по возросшей дипломатической активности страны в последние несколько лет (особенно в период 1998-2000 г.). Однако это не могло говорить о степени вовлеченности страны, скорее показывало неспособность или даже нежелание ряда государств обеспечивать стабильность в региональной политике. Недостаточное развитие независимых южно-азиатских государств служило причиной нестабильности по целому ряду направлений, приводя к эскалации вооруженных конфликтов, увеличивая число этнических и религиозных разногласий. Помимо всего, провоцируя

резкое увеличение спроса на наркотические вещества — того, от чего страдал весь регион.

Правительство Японии было вынужденно вкладывать как можно больше средств не только в программы по борьбе с наркобизнесом, но и в другие, не менее важные и необходимые операции, такие, как меры по оказанию финансовой и других видов помощи властям нуждающихся государств. Поднимая престиж на международной арене, и не всегда получая подобную подержу внутри страны, Правительство было вынуждено усилить активность и продолжать развивать деятельность на всех направлениях, даже не смотря на полную, казалось, отстраненность Токио от наваливавшихся на мир проблем. Увеличение наркотрафика терялось на фоне ухудшающейся ситуации на Корейском полуострове, работа организаций ООН также оставляла желать лучшего, что стремительно переносило в другую, более важную и отвечающую интересам страны отрасль — геополитический сдвиг. Это обнажило серьезные трудности всего западного сообщества, к которому себя привыкла причислять и благополучная, высокоразвитая Япония. Меры по сдерживанию развития наркобизнеса не смогли принести сколько-нибудь существенных плодов, количество нелегальных поставок лишь возрастало, что вынуждало искать новые, еще не апробированные методы решения проблемы. Однако, как показывает существующее положение дел (в том числе и в России), любые меры по предотвращению распространения наркотиков, или даже попытки нанесения непоправимого урона наркомафии оказывались малопродуктивными, и Японии, как и другим заинтересованным сторонам, приходилось продолжать работу и усиливать кооперацию. Среди нерешенных вопросов оставалась проблема метанфетаминов, роль японской организованной преступности и вопросы распространения синтетических препаратов продолжали оказывать определенный урон, как японскому обществу, так и международной репутации страны. Рост числа зависимых от этого типа нелегальных препаратов не подтолкнул власти к поиску оптимального пути решения внутри страны, что и должно было стоять на первом месте, исходя из логики развивавшихся событий.

Первое десятилетие XXI-го в. не позволило сконцентрироваться на одной проблеме, в частности — проблеме наркотрафика. Разрываемая внутренними и внешними противоречиями, Япония была вынуждена переключиться на более важные дела, следовательно, нарастающее движение международной борьбы с незаконным оборотом наркотиков стало отступать и в азиатском регионе. Любая продуктивная работа требовала определенного внимания и тонкостей в подходе, однако же, начавшаяся эскалация конфликта на Ближнем Востоке оказала самый серьезный урон, как общей — международной, так и региональной обстановке. Перспективы развития борьбы с производством и сбытом наркотиков остаются крайне туманными, ряд нерешенных проблем не позволят осуществить продуктивную реализацию проектов в ближайшем будущем, также как они не позволили сделать это за прошедшие десять лет.

Библиографический список

1. Харада К. Кокурэн кайкаку то Нихон-но якувари (Реформа ООН и роль Японии). — Токио: Гайко фораму. 1996, vol. 46, □ 9, 1995.
2. Inoguchi T. Japan's Foreign Policy in an Era of Global Change. — Palgrave Macmillan, 1993.
3. Miyashita A., Sato Y. Japanese Foreign Policy in Asia and the Pacific: Domestic Interests, American Pressure, and Regional Integration. — Palgrave Macmillan, 2001.
4. Blaker M., Curtis G. L. Japan's Foreign Policy After the Cold War: Coping With Change. — M.E. Sharpe, 1997.
5. Kaplan D. E., Dubro A. Yakuza. Japan's criminal underworld. Expanded edition. — Berkley, Los Angeles.: University of California Press, 2003. C. 122.
6. Ministry of Foreign Affairs of Japan. MOFA Diplomatic bluebook [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1993/c2_2_1.html. — Свободный.
7. Там же. Режим доступа: http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1993/c2_2_1.html. — Свободный.
8. Там же. Режим доступа: http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1995/chp2_3.html. — Свободный.
9. Там же. Режим доступа: http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1995/chp2_3.html. — Свободный.
10. Там же. Режим доступа: http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1996/II-c.html. — Свободный.
11. Там же. Режим доступа: http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1997/II-c.html. — Свободный.
12. Там же. Режим доступа: http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1997/II-c.html. — Свободный.
13. Там же. Режим доступа: http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1998/II-c.html. — Свободный.
14. Там же. Режим доступа: http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1998/II-c.html. — Свободный.
15. Там же. Режим доступа: http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1999/II-3-e.html. — Свободный.
16. Там же. Режим доступа: http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2000/II-3-d.html#2. — Свободный.
17. Там же. Режим доступа: http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2000/II-3-d.html#2. — Свободный.
18. Там же. Режим доступа: http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2001/chap2-4-c.html. — Свободный.
19. Там же. Режим доступа: http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2001/chap2-4-c.html. — Свободный.

Сибирский федеральный университет
Получено 17.08.10.

A. N. Khomaiko

JAPAN IN INTERNATIONAL FIGHT AGAINTS ILLEGAL DRUG TRAFFICKING IN PERIOD FROM 1993 TO 2001

Article points on major features of Japan's fight against drug trafficking in countries of the Pacific Rim (in period of 1993-2001), based on data of Ministry of Foreign Affairs of Japan.

Japan, Pacific Rim, UN, G8, illegal drug trafficking, organized crime, problems of Asia security, Japanese-American relations

УДК 902

И. Г. Черлояков, Н. С. Модоров

ХРАМЫ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ КАК ОПОРНЫЕ ПУНКТЫ ХРИСТИАНИЗАЦИИ ЧЕРНЕВЫХ ТАТАР В XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье, на основе опубликованных источников и архивных материалов, освещен процесс христианизации черневых татар Алтая в XIX — начале XX вв.

Северный Алтай, Православие, Алтайская духовная миссия, алтайские «инородцы», Макарий Глухарев, священник, церковь, миссионеры, просвещение «инородцев»

Христианизация аборигенов Северного Алтая в интересующее нас время приобрела вполне системный характер. Этому во многом способствовало постановление Синода — от 10 декабря 1828 года — о создании Алтайской Духовной миссии [1, с. 3]. Ее основателем по праву стал бывший насельник Глинской пустыни о. Макарий (Глухарев, возглавлявший миссию с 1830 по 1844 г. — *Авт.*), жизнь и деятельность которого достаточно широко освящена и светскими, а особенно церковными историками, что освобождает нас от изложения его биографии и истории созданной им миссии [2]. В силу этого, мы и позволим себе сосредоточить все внимание на том, что было названо архимандритом, в свое время, «делом всей его жизни», т. е. на «приобщении к вере Христовой инородцев» Горного Алтая [3, с. 43-44]. Вершиной этого «дела», по отношению к «иноверцам» Северного Алтая, можно, с полным правом, считать выход в свет перевода Нового Завета на «наречии черневых татар» [4, с. 30-32].

Подобно временам апостольским, говоря языком «Библии», шорцы, кумандинцы, тубалары и челканцы, т. е. те, кого исследователи называли «черневыми татарами», услышали на своих языках «благую весть» о «великих делах Божиих» [5, с. 1162]. К тому же о. Макарий установил — с самого зарождения миссии — негласное правило для миссионеров: знать язык тех, к кому идешь с проповедью [6, с. 71-72].

Духовный почин мудрого наставника достойно продолжили со временем его последователи — священники Стефан Ландышев (возглавлял Миссию с 1844 по 1865 г. Скончался в 1882 г. — *Авт.*) и Василий (Вербицкий). Именно им «северяне» были обязаны первым миссионерским станам, которые появились в Северном Алтае. Последние представляли собой резиденцию священника-миссионера с прилегающей к ней территорией, которая образовывала отделение. В него, как правило, входили селения, аилы и заимки, населенные, главным образом, «черневыми татарами» (как крещенными, так и некрещеными — *Авт.*), а также и русскими крестьянами, поселившимися в пределах Миссии, центр которой первоначально находился с 1848 г. в Улале, но в 1880 г. он был перенесен в г. Бийск. Это объяснялось необходимостью географически приблизить Миссию к «инородцам Кузнецкой черни» [7, л. 9 об.-10].

Таковыми миссионерскими станами в Северном Алтае стали Макарьевский, Кебезенский и Кузедеевский. Первые два были открыты по инициативе отца Стефана в 1854 [8, л. 2 об.-3] и 1857 г. [9, с. 57], а третий — трудами о. Василия, в 1858 г. [10, с. 544-556]. В силу этого, на попечении макарьевского миссионера оказалась большая часть кумандинцев, проживавших по рр. Кожа и Черневой Бугачак. Деятельность же кебезенского миссионера распространялась на тубаларов и челканцев, живших по р. Бия, начиная от Телецкого озера и до устья р. Лебеди. Паству, разбросанную по шорским улусам Кондомы, Антропа, Калары, Мунжы, Мрас — Су и Матура, «окормлял» и опекал кузедеевский миссионер [11, л. 4 об.-5].

Описывая миссионерские станы, нельзя не сказать о том, что возникали они в миссионерских селениях или образовывались одновременно с ними. Нередко месторасположением и «очертанием» будущего селения становился православный крест. Появившись, он свидетельствовал о том, что на «сем месте» проживают или будут проживать, крещеные татары, а посему долговременное нахождение здесь «язычников» недопустимо. Иначе говоря, разделение северных алтайцев на некрещеных и крещеных, а также перевод последних на оседлость являлось постоянной заботой миссионеров. Не случайно одной из их «забот» являлось «заведение в своем кусте новых селений» [12, с. 7].

Примером такого «крестного», т. е. путем установления креста, устройства селений служило их появление в Прителецкой черни и на правобережье Бии. Именно так возникло с. Кебезень, которое согласно источником, уже с 1852 года значится, как миссионерское селение. Остальные населенные пункты чаще всего образовывались «сотовым» методом: усмотрев удобное для заселения место, вблизи черневых стойбищ, Миссия строила тут миссионерский дом, в котором помещались, как правило, походная церковь и школа. Со временем он «облагораживался» жилищами новокрещенных [Кислицын В. Н. Алтайская духовная миссия и колонизация Горного Алтая [13, с. 22]. Несколько по — иному «родилось» селение Макарьевское. Оно с самого начала создавалось как центр отделения, где вначале было поселено восемь семей, а уже потом к ним была «привязана» вся «миссионерская структура». В дальнейшем в состав Макарьевского отделения вошли миссионерские селения Кожа, Пильно и Сайдып [12, с. 7]. Со временем отделение разрослось так, что возникла необходимость выделить из его состава миссионерские селения, образовавшиеся в Кузнецкой черни. Вновь образованная структура Алтайской Духовной миссии стала именоваться «Кузедеевским станом», а его отделение — Кузнецким».

Но миссионеры понимали, что основание вышеназванных селений, проблему приобщения «инородцев к Христовой вере» не решит. Для этого, в каждом из них должны были быть церковь или молитвенный дом. Возведение же богослужебных сооружений в селениях планировалось осуществить за счет средств добровольных благотворителей и частично за счет средств Петербургского Миссионерского общества (с 1870 г. — Всероссийское Миссионерское общество — *Авт.*), создавшее в 1865 г. специальный фонд, основной задачей которого являлся сбор средств для распространения «веры Христовой» на национальных окраинах России. Открытие этой благотворительной организации, позволило увеличить количество станов и миссионерских школ, начать подготовку учителей из среды «инородцев», что привело к резкому увеличению числа новокрещенных.). С этого момента храмы становятся главными опорными пунктами распространения Православия в стране, в том числе и в Северном Алтае.

Где и когда появился такой «опорный пункт» в Бийской черни? Согласно источнику, первую здесь церковь возвели, в год открытия Макарьевского стана, т. е. в 1854 году, во имя преподобного Макария Египетского, небесного покровителя родоначальника Алтайской духовной миссии. Спустя четыре года, была сооружена «храмина для походной церкви» в Кебезени (в честь Покрова Божьей Матери — *Авт.*) [11, л. 4 об.-5]. В это же время появляются храмы и в Кузнецкой черни. В частности, в 1859 году о. Василий (Вербицкий — *Авт.*) заложил на пожертвования сант-петербургской графини — Марии Адлерберг — церковь во имя Святителя Николая Чудотворца в улусе Кузедеевском. Однако его строительство затянулось на несколько лет. Освящение данного храма было осуществлено только в 1861 году [14, с. 50].

Здания церквей и молельных домов в селениях Кузнецкой, Бийской и Прителецкой черни были, естественно, деревянными, внутренне и внешне они выглядели более чем скромно и не имели никакой декоративной отделки. Именно «таковою нашел свою церковь» по прибытии в с. Кебезень миссионер о. Дометиан (в миру — Дмитрий Коновалов. Он был послан в Миссию из Болховского монастыря Макарием Глухаревым . В 60—70-е гг. о. Дометиан служил в Кебезенском отделении. Всего же в Миссии он прослужил 37 лет. Умер иеромонах Дометиан в 1885 г. — *Авт.*). «Церковь, — напишет он позже, — была «в жалком состоянии. Пол прогнулся, отчего печи покосились и закоптили потолок. В разбитых градом окнах гулял ветер. Не лучшим образом выглядела обстановка интерьера. За иконостасом из ветхой ткани с бумажными иконами находились оловянные сосуды, деревянные подсвечники обтянутые коленкором. Причем на престоле и на жертвеннике... ризы тоже старые, а на перемену других нет. Богослужебные книги потрепаны, и притом не все». Вместе с причтом облагораживать храм. Общими усилиями «подправили» его и даже установили новые иконы — «Спасителя, Божией Матери и святителя Николая», пожертвованные причетником барнаульского купца Морозова — Михаилом Савельевым. Кое-как устроившись в притворе церкви, и начал иеромонах Дометиан свое служение в Кебезени [15].

Еще более удручающе выглядели храмы в Шории, особенно походные. Последние, по свидетельству исследователей, представляли собой «...шалаш или балаган, обложенный со всех сторон корой и дерном и сверху покрытый лиственною корою, с крестом наверху. Внутри шалаша было сделано для алтаря отделение — наподобие растянутой ширмы из привезенных занавесов с крестами на каждом». За ними устраивался престол и «жертвенник, о четырех ножках», вбитых в землю. От сора «крышки престола и жертвенника накрывались особыми покрывалами, нарочно для того приготовленными. Над царскими вратами, которые заменяла одна только завеса, был установлен небольшой деревянный крест. Места северных и южных дверей зияли пустыми отверстия, только в иконостасе были повешены иконы... Против иконостаса, с одной и другой стороны, проделывались небольшие отверстия для света (окна), которые, на случай дождя и после каждого богослужения, закрывались берестяной корой, как и вход в шалаш» [16, с. 19].

Словом, к середине 60-х гг. XIX века в деятельности Алтайской духовной миссии в черни прослеживаются две основных тенденции: с одной стороны, качественное развитие и повышение результативности работы миссионерских станов, а с другой, — расширение сферы их деятельности. Так, постепенно формирующаяся система богослужебных учреждений стала всецело определять организационную структуру деятельности станов (отделений), которые, в свою очередь, превратились в системообразующие звенья Алтайской духовной миссии в Северном Алтае. Она же, как явствует из источников, состояла из самостоятельных церквей (они были главными в стане) и приписанных к ним храмов, молитвенных домов и часовен. Самостоятельные церкви имели, как правило, причт, состоявший из священника, дьякона и псаломщика. При них велись метрические книги (они включали в себя три части: сведения о родившихся, умерших и о бракосочетавшихся — *Авт.*), исповедные росписи, церковную летопись, приходно-расходные книги и др. Многие из церквей имели и библиотеки [17, с. 148]. В приписных храмах и молитвенных домах всего этого не было, как неполагающегося по положению. Божественная литургия отправлялась в них от 5 до 12 раз в год, т. е. только тогда, когда приезжал туда миссионер. Чаще всего это случалось в Великий пост, (главное в XIX веке время исповеди и причащения — *Авт.*), когда он объезжал свой стан в обязательном порядке [18, с. 76-77].

В отсутствие священника, за молитвенными домами наблюдали, как правило, учителя местных миссионерских школ или специально выбранные для этого старосты. Учителям, наряду с основной работой, всегда вменялось в обязанность «отправление» вечерних богослужений и «часов» (форма богослужения — *Авт.*) в воскресные и праздничные дни [19, № 41].

Иначе говоря, деятельность учителей школ Алтайской духовной миссии являла собой своеобразную форму ее дальнейшего организационного становления и развития богослужебных

учреждений в Северном Алтае. О чем свидетельствовало летнее событие 1864 г. в улусе Кузедеевском, когда молитвенный дом реконструировали в новый храм [16, с. 12].

То же самое осуществили в 1869 году и ыныргинцы во главе со своим учителем и при содействии представителей «Товарищества торгового дома С. П. Петрова и П.В. Михайлова». На его средства в селе построили приписную к Кебезенскому стану, церковь в честь «Казанской иконы Божией Матери», с хорошим иконостасом. Уже через год, на средства Миссии прихожане с. Ынырги обзавелись «помещением для учителя и школы (в сельском общественном доме — *Авт.*)» [20]. В 1877 году старанием компании «Алтайское золотопромышленное дело» в селе Спасское, приписанного к Кузедеевскому стану, был выстроен храм во имя Преображения Господня [21, л. 5-183]. В силу разрастания вышеназванного стана, в 1878 году это отделение было разделено на два: Кондомское (в 1884 г. стан из улуса Кузедеево перенесли на 95 верст вверх по реке Кондоме в село Кондомское, поближе к «инородческим кочевьям» — *Авт.*) и Мрасское. Первое охватывало своей деятельностью паству, разбросанную по улусам в бассейнах Кондомы, Антропа, Калары, Мунжы, Мрас-Су, Матура и других рек — всего 1015 шорцев и 37 русских. В состав же последнего вошли 33 «черневых» улуса, где проживали ранее крещеные шорцы. Центрами вновь образованных отделений стали Кондомский и Усть-Анзаский (Каргинский) станы [16, с. 13-14].

Очередное «преобразование» в жизни православных Бийско-Кузнецкой черни произошло при архимандрите Владимире (Петрове, возглавлявшем Миссию с 1865 по 1880 год в сане архимандрита, с 1880 по 1883 год — в сане епископа Бийского. Скончался он в 1897 году в сане архиепископа Казанского и Свияжского.). Если быть точным, то это событие, изменило не только их жизнь, но и характер деятельности Алтайской духовной миссии севере. В марте 1880 года о. Владимира рукоположили в епископа Бийского, викария Томской епархии. А вскоре после этого, центр Миссии перенесли в Бийск [22, с. 46-47, 78-80]. Это «преобразование» преследовало, в принципе, только одну цель — географически приблизить Миссию к шорцам Кузнецкой черни. И хотя Улала оставалась пока центральным миссионерским пунктом в регионе, тем не менее, она уже утрачивала свое прежнее значение, несмотря на присутствие, здесь помощника начальника Миссии.

Происшедшие структурные изменения, надо признать, заметно активизировали совершенствование старых и строительство новых богослужебных учреждений в миссионерских станах и отделениях Северного Алтая. Так, в 1880 году в Макарьевском стане возвели новую церковь, благодаря заботам инородца Быстрянской управы селения Маймы Андрея Семеновича Софронова-Чендекова, пожелавшего оставить — этим самым — добрую память о своем наставнике — архимандрите Макарие. В этом же году, на месте Сайдыпской часовни, на средства миссии и пожертвования, был сооружен (в честь 50-летия Алтайской миссии — *Авт.*) молитвенный дом, с алтарем во имя Святителя Николая Чудотворца. В начале 1881 г. для завершения строительства церкви и росписи иконостаса Усть-Анзаского стана, сюда отправили иеромонаха Антония, обучавшегося ранее иконописи в Улалинском училище. Спустя год, работы в стане были завершены [16, с. 21]. В день Петра и Павла, Троицкую церковь освятил епископ Бийский Владимир. И здесь нельзя не сделать одного уточнения: в дальнейшем эта церковь продолжала называться Троицкой. Однако, начиная с 1884 года, имя благотворителя (М. И. Плотникова — *Авт.*) во всех документах стало замалчиваться. В них стало утверждаться, что стан «был обустроен» на средства самой миссии. Можно предположить, что в 1884 г. произошло какое-то событие, обусловившего и переосвящение этой церкви.

На следующий год Владыка освятил еще один новый храм (в Кебезени — во имя Покрова Божьей Матери. — *Авт.*), построенный усердием иеромонаха Дометиана, прихожан и благотворителя — купца П. Тренихина [23]. Это было деревянное здание однопрестольного храма — «крестового» типа, с колокольней. Внутреннее его убранство составляло: иконостас, храмовые иконы, одно паникадило и праздничные подсвечники. В алтаре согласно клировым записям, имелось: шесть священнических облачений, три дьяконских, один потир со всеми принадлежностями, четыре напрестольных Евангелия и три напрестольных креста. При Покровском храме была организована миссионерская библиотека, книжный фонд которой насчитывал 268 томов [23]. Вышеназванные «обновления» и «преобразования» затронули не только миссионерские станы «северян», но и их селения, причем даже очень отдаленные. К примеру, такое, как село Никольское. В 1885 году здесь открыли молитвенный дом, выстроенный на средства мещанина Л. И. Огородова [24, с. 3-4].

На рубеже XIX — XX веков в деле приобщения черневых татар к Православию произошли определенные изменения (в характере деятельности отделений — *Авт.*). Отныне они стали переводиться в разряд «инородческих» приходов, что позволило Миссии освободить часть своих средств и направить их на открытие новых станов [25, с. 5-6].

Новые станы появились и в «черни», в частности, Созоповский (с Покровским храмом — *Авт.*), учрежденный в 1893 году. В его состав, кроме села Созоп (Сузоп. Свое название он получил по имени бывшего хозяина здешних кочевий бывшего — богатого калмыка Созопа.), вошло 25 аилов, расположенных частью в Кузнецком уезде, а частью — в Бийском. «Окормляемых» жителей в нем, по преимуществу крещенных кумандинцев, насчитывалось более 2000 душ обоего пола [25, с. 64-66].

Следующим «православным строением в черни» — если придерживаться хронологического принципа — стали молитвенные дома на реках Пыжа и Пыяна, построенные на средства Миссии в 1897 г. Однако здесь в Прителецкой черни до его постройки, в селе Артыбаш уже существовало подворье Чулышманского мужского монастыря. Тем не менее, из-за сложности пути к подворью от Чулышмана, оно, как и молитвенный дом на Пыже, находился в ведении кебезенского священника [23]. В его ведении находился и молитвенный дом (в

честь Святого Александра Невского?) на прииске Полонском, открытый в 1898 г. на средства общества служащих и рабочих.

Начало XX века ознаменовалось для Алтайской духовной миссии «рождением» новых отделений, а также устроением в них новых церквей и молитвенных домов. Так, в 1901 году они появились в Сузопском отделении, в улусах Бобровском и Бешперском (Пешперском — *Авт.*). В первом он был построен на средства местных «инородцев», а во втором — на средства «новокрещенного инородца Ионы Рыспаева (Распаева? — *Авт.*)». В то же время благодаря ктитору Алексею Казанцеву в Турочаке была устроена Никольская церковь [26, с. 42-65].

Год спустя, т. е. в 1902 году, из Улалинского отделения выделили еще два отделения — Паспаульское и Тайнинское. Первое вобрало в себя восемь селений (4 деревни, 1 заселок, 3 аила) и 6 заимок в которых значилось 2276 душ обоего пола [26, с. 12-13]. Православная паства отделения состояла из 1208 русских жителей, 176 оседлых и 892 кочевых «инородцев» [26, с. 12-13]. Рядом с нею соседствовало 220 язычников и 166 душ в «расколе обретающихся» [27, с. 10-11]. Последние, как явствовало из документов миссии, заселили деревню Пьянково и образовали «стариковщинскую секту Григория Завьялова» » [27, с. 48-49]. В Паспаульском отделении имелся храм и два молитвенных дома. Первый был построен в Паспауле в 1891 г., в честь Казанской иконы Божьей Матери. Его возвели на месте сгоревшего старого здания, «усердием и на средства новокрещенного баштыка Комдожской волости Михаила Васильевича Тобокова». Им же еще в 1886 г. был открыт и молитвенный дом в деревне Карасук. Второй молитвенный дом построили в 1893 г. местные жители в д. Салганда. В состав Тайнинского отделения входили, кроме с. Тайна, еще 6 деревень, 1 заимка и 6 аилов, с населением 3469 душ обоего пола, в том числе раскольников — 1181 душ. Храм в Тайне возвел на свои средства бийский купец 2-й гильдии Михаил Матвеевич Бадунов. Его освятили в 1898 году во имя Святителя Димитрия Ростовского [28, с. 58-60].

«Судьбу» Улалинского отделения «разделило», через год, и Кебезенское отделение. В 1903 году с. Кебезень посетил епископ Томский и Барнаульский Макарий (Невский) и высказал мнение, что приход Кебезенский многочисленен по своему составу и требует разделения. В связи с этим, Владыка предложил свой вариант реорганизации. Поскольку в Кебезенском миссионерском отделении преобладало русское население, то он предложил преобразовать его в обыкновенный приход, с назначением священнику жалованья от казны, а вместо Кебезеня — открыть новый миссионерский стан, но в среде инородческого населения. Это и было сделано в дальнейшем. В такой же примерно ситуации оказалось к этому времени и Кондомское отделение, размеры которого также значительно увеличились. В него на тот момент входили чисто шорские улусы: Антропский, Каларский, Средне-Кондомский, Верхне-Кондомский, Кичинский и Нижне-Кондомский улус со смешанным русско-шорским населением. Во всем отделении проживало около трех тысяч человек, в том числе 275 русских крестьян. Эту паству Крндомского стана «окормляли» Богоявленский храм, освященный в 1890 г., и два молитвенных дома, появившиеся в аилах Анзас и Алапаевск в 1898 г.

В начале 1905 г. начальник Миссии (Епископ Макарий (Павлов, возглавлявший Миссию с 1901 по 1905 год в сане епископа Бийского 1905 году он стал епископом Якутским — *Авт.*), вняв настойчивым просьбам миссионеров, жаловавшимся на бездорожье и удаленность Матурской церкви от Усть-Анзаса, что позволяли им не более одного раза в год посещать Матур, где они могли отслужить лишь литургию и провести, несколько нравственных бесед с новокрещенными, распорядился открыть самостоятельное Матурское отделение, с включением в него трех улусов — Тлачаковского, Кийского, Анчуль и села Матур. В связи с этим «преобразованием», общее число прихожан достигало здесь 500 душ обоего пола, 400 из которых составляли крещеные шорцы. Для «окормления сей паствы» в Матурском стане был построен в 1888 г. молитвенный дом во имя Димитрия Солунского, «усердием местного купца Дмитрия Ивановича Иванова [16, с. 34].

К 1908 году Владыка Иннокентий (Соколов. Он возглавлял Миссию с 1905 по 1919 год, в сане епископа, с 1919 по 1923 г. — в сане архиепископа Бийского. С 1923 по 1926 год, находясь под Москвой, совместно с митрополитом Алтайским Макарием управлял делами Миссии. Скончался в 1937 году — *Авт.*) сумел осуществить замысел своих предшественников: из Кебезенского отделения выделили Лебедское отделение. В состав его вошли улусы и поселки, находившиеся на Правобережье Бии и в 55 верстах ниже с. Кебезень. В этих населенных пунктах по р. Лебедь и ее притокам проживало более 1000 человек русских, а также немало челканцев, многие из которых были крещены. Эта весьма значительная паства была разбросана на огромном пространстве, (150 верст в длину и 35 верст в ширину [28, с. 74-75]. Рождение нового отделения стимулировало «устройство» в его селах и улусах «богоугодных заведений». В частности, в том же, 1908 году появилась приписная церковь во имя Рождества Христова в поселке Гурьяновском, а в заселке Тырга (правда, Паспаульского отделения — *Авт.*) был открыт молитвенный дом.

Происшедшие «в черни» структурные изменения, «с одной стороны, радовали Миссию, а с другой, — сильно ее озадачивали. Дело в том, что это «черневое» благочиние миссионерских церквей по обширности района и «крайнему неудобству путей сообщения» было одним из труднейших из всех благочиний Томской епархии и одному лицу нести здесь бремя «благочиннических обязанностей» стало отныне не под силу. Поэтому начальник миссии, отношением от 1мая 1910 года (за № 170) вошел с ходатайством к Его Высокопреосвященству о разделении благочиния на два, а если представится возможным, то и на три благочиния. Ходатайство это было «уважено» 22 августа 1910 года. В соответствии с последовавшим распоряжением, вышеназванное благочиние было разделено на три. Согласно ему, «черневые» церкви попали в первое и третье благочиние. Было определено и руководство новых структур. Так, благочиние № 1 возглавил протоиерей о. Петр (Бенедиктов). Под его начало

отошли Паспаульская, Кебезенская и Тайнинская церкви. В благочиние № 3, (руководил им кондомский миссионер — священник Терентий Каншин), вошли Созоповская, Кондомская, Макарьевская, Мрасская, Матурская и Турочакская церкви [28, с. 4-5]. С момента своего назначения, о. Терентий стал ежегодно объезжать свое благочиние с проверкой: он следил за состоянием приходских церквей и молитвенных домов, их «работой», разбирал просьбы и жалобы прихожан и миссионеров. По итогам года им составлялись положенные отчет и клировые ведомости церквей. С образованием в 1911 году самостоятельного Спасского отделения к нему отошли улусы по верховьям реки Кондомы, а также по реке Пызас, что существенно облегчило работу о. Терентия [16, с. 18].

Начальник миссии — Владыка Иннокентий — занимался не только переустройством отделений, но, он словом и делом старался увеличить количество церквей. В бытность его в Паспауле летом 1910 года, при совершении праздничной литургии 27 июня, он специально произнес поучение на тему о богоугодности жертв в пользу святых храмов Божьих [28, с. 51-53]. Вдохновленный проповедью архиерея вышеупомянутый баштык Михаил Тобоков в своем родном селении Карасуке, возвел хорошенькую поместительную церковь во имя Св. Архистратига Михаила, вместо прежнего молитвенного дома, крайне убогого и грозившего падением. Освящение нового храма было торжественно совершено самим начальником миссии в присутствии многочисленных богомольцев из числа русских, новокрещенных и даже язычников. В ознаменование этого события и в благодарную память строителю, Ангелу Хранителю коего посвящен престол храма, жители пожелали переименовать свою деревню в село Михайловское, о чем и составили надлежащий приговор для представления гражданскому начальству. Также в 1911 году вместо Дмитриевского молитвенного дома в с. Матуре освятили и Троицкий храм [28, с. 51-53].

А тем временем перестройка и совершенствование структурных подразделений Алтайской духовной миссии продолжалась. Коснулось это и соседнего Тайнинского отделения. До 1913 года в его состав входил Таштинский стан с храмом в честь Ильи Пророка (построен был в 1860 г., перестраивался в 1896 г. — *Авт.*). В 1913 году он выделился и стал самостоятельным отделением. В ведении Таштинского миссионера стало находиться 12 русских селений, с населением 1725 душ обоего пола и 5 инородческих аилов, в которых значилось 530 душ обоего пола [29, с. 51-53].

В тот же год произошли изменения и внутри бывших миссионерских отделений. Так, в селе Куреевском, Макарьевского отделения открылся переселенческий приход, с церковью и школою, которые были устроены на средства Переселенческого фонда, в ведении которого и отдали всю «заречную сторону» (т. е. правый берег р. Бии — *Авт.*), кроме аилов Сапожникова (Сапожкин аил — *Авт.*) и Чонурака (Шунарак — *Авт.*). Этот «передел» территории сократил «сферу влияния» отделения почти наполовину. Через год в аиле Тондошка освятили молитвенный дом-школу в честь Святого пророка Илии (аил относился к Лебедскому отделению — *Авт.*). В 1915 году изменила свой статус и приписная церковь в поселке Гурьяновском: отныне она стала самостоятельной и была передана из Лебедского в Макарьевское отделение [30, с. 44]. Не обошли стороной такого рода изменения и паспаульцев. За два с лишним десятилетия их общество сильно увеличилось и появилась нужда в «построении нового, более обширного и благолепного храма Божия». И он был ими построен. Его возведение обошлось приходу в 4500 рублей (строился он на пожертвования — *Авт.*), не считая личных затрат прихожан на рубку и вывозку леса, дикого камня, щебня и прочего. К чести миссионера, нужно отметить, что, будучи опытным в строительном деле, он неотлучно следил за постройкою церкви, почему и была она возведена без каких-либо «дефектов». Ее торжественное освящение состоялось 11 августа 1915 года, которое осуществил начальник миссии, специально прибывший по этому случаю в Паспаул. На данное торжество прибыло в селение, согласно источнику, до 4000 богомольцев. По совершении литургии и благодарственного молебна, с обычными «многолетиями», прихожане благодарили Владыку «словесно, за освящение церкви», и в «ознаменование сего радостного для них события пожертвовали через причт на военные нужды 25 рублей» [31, с. 46]. Это была одна из последних православных построек, осуществленных в черни перед закрытием Миссии.

Таким образом, суммируя все вышеизложенное, можно констатировать, что к началу XX века в Северном Алтае сложилась и функционировала достаточно разветвленная система богослужебных учреждений, решавших задачу приобщения «северян», а точнее жителей Кузнецкой, Бийской и Прителецкой черни к «вере Христовой».

Библиографический список

1. Ландышев С. Алтайская Духовная миссия. — М., 1864.
2. Нестеров С. В. Словом и житием наставляя. Жизнь и труды преподобного Макария Алтайского. — М.:Православный Свято — Тихоновский гуманитарный университет, 2005. — 544 с.
3. Модоров Н. С. История и культура Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1991.
4. Швецова М. Алтайские калмыки, // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Кн. XXIII. — Омск, 1898.
5. Библия. Новый Завет. Деяния Святых апостолов. Гл. 2. — М., 1991.
6. Паринова О. В. Просветительская деятельность архимандрита Макария (М.Я. Глухарева). // Просвещение на Руси, в России. — СПб. 2000.
7. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 164. Оп.1. Д. 138.
8. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 184. Оп. 1. Д. 1.
9. «Томские епархиальные ведомости». 1913 г.
10. Христианское чтение. — СПб., 1862. Ч. I.
11. ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 3.
12. Некоторые сведения о церковной Алтайской миссии. — М., 1856.

13. Алтайский сборник. Вып. 15. — Барнаул, 1992.
14. Историческая энциклопедия Кузбасса. Т. 1. — Кемерово, 1996.
15. Записки Алтайского миссионера, иеромонаха Дометиана… С.
16. Ерошов В. В., Кимеев В. М. Тропою миссионеров. Алтайская духовная миссия в Кузнецком крае. — Кемерово, 1995.
17. Православный благовестник. 1900. □4.
18. Ледебур К. Ф. Путешествие по Алтайским горам и предгорьям Алтая.
19. Томские губернские ведомости. 1858.
20. Клировая ведомость Ыныргинского миссионерского стана за 1906г.
21. ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп.1. Д.61.
22. Гончарова О. А. Культура, здоровье, здравоохранение. История народной медицины в Горном Алтае. — Горно-Алтайск, 1999.
23. Клировая ведомость по Кебезенскому миссионерскому стану за 1906г.
24. Отчет Алтайской Духовной миссии за 1887 г.
25. Правила о церковно-приходских школах, высочайше утвержденные 13 июня 1884 г. — Одесса, 1884.
26. Отчет Алтайской Духовной миссии за 1913 г.
27. Справочная книга по Томской епархии за 1902-1903 гг. Томск, 1904.
28. Отчет Алтайской Духовной мисси за 1910 г.
29. Отчет Алтайской Духовной миссии за 1913 г.
30. Миссионер. 1877. □ 6.
31. Отчет Алтайской Духовной миссии за 1915 г.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 25.08.10.

I. G. Cherloykov, N. S. Modorov

THE TEMPLES OF NORD ALTAI AS THE STATIONS FILE OF NORD TATARS TO CHRISTIANITY IN XIX — BEGINNING XX CENTURIES

In article, on the basis publications and archive materials throw light the process file of nord tatars to Christianity in XIX — beginning XX centuries.

Nord Altai, Christianity, Altai spiritual mission, native peoples, Makary Gluharev, priest, church, missioners, education of native peoples

УДК 902

Е. Ю. Шептицкая

ОСВОЕНИЕ РУССКИМИ КРЕСТЬЯНАМИ БОЛЬШЕРЕЧЬЯ В XVIII—XIXВВ. (НА ПРИМЕРЕ ТРОИЦКОГО РАЙОНА)

В статье, на основе архивных источников и опубликованных материалов, показывается процесс освоения Большеречья на примере Троицкого района в XVIII-XIXвв.

Алтай, озеро Большой Иткуль, Бийский округ, казаки, служилые люди, самовольное заселение, Троицкий район, Большая Речка

Алтайский край имеем множество больших малых рек. Одной из них является Большая Речка, которая берет начало на Бийско-Чумышской возвышенности, в северо-западной части нынешнего Целинного района, пересекает с востока на запад всю территорию Троицкого района. Богатые запасы хвойного и лиственного леса, характерные в основном для бассейна реки, сочетаются с обширными пространствами земель, свободных от леса. Территория Большереченского бассейна благоприятна для обширной и разнообразной человеческой деятельности: земледелия, скотоводства, охоты, рыболовства, собирательства, различных промыслов и ремесел. И не случайно, поэтому, что история ее освоения уходит в далекое прошлое. История изучения археологических памятников Троицкого района связана с именами сотрудников Бийского музея. Один из его основателей — М. Д. Копытов в 1910—1920 гг. проводил активные работы по выявлению древних поселений и могильников на территории Бийского округа. В составленных им списках среди прочих значатся и поселения у сел Вершинино, Южаково, Загайново и Уткуль, а также могильники у сел Горновое и Ельцовка [1]. В настоящее время на территории Троицкого района достоверно зафиксировано 20 археологических объектов: поселений, городищ, грунтовых и курганных могильников, местонахождений, причем большая их часть находится на озере Большой Иткуль (рис.1). Сведения об остальных пока до конца непроверены.

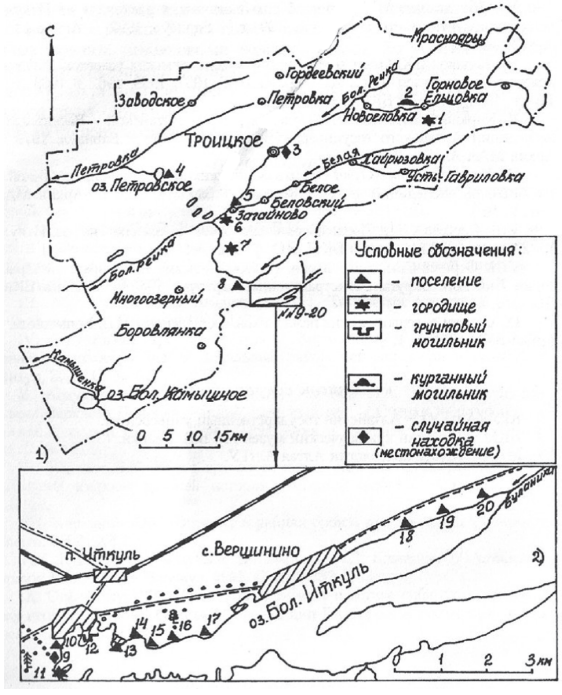

Рис. 1. Схемы расположения археологических памятников Троицкого района (1), на оз. Бол. Иткуль (2)

Люди жили здесь, по крайней мере, со второй половины третьего тысячелетия до нашей эры. Археологами обнаружены здесь памятники эпох энеолита, бронзы, раннего железного века. По характерным памятникам, изученным археологами в низовьях Большой речки, выделяется Большереченская культура, носителями которой являются племена, современные скифам и сарматам, ранним кочевникам Горного Алтая. Они обитали на обширной территории Верхнего Приобья с VII в. до н. э. по I век до нашей эры. Сосуды Большемысской культуры имели тонкие стенки, острые днища и были украшены по всей поверхности оттисками гладкого и зубчатого штампа, а в верхней части — резными линиями и насечками (рис. 2).

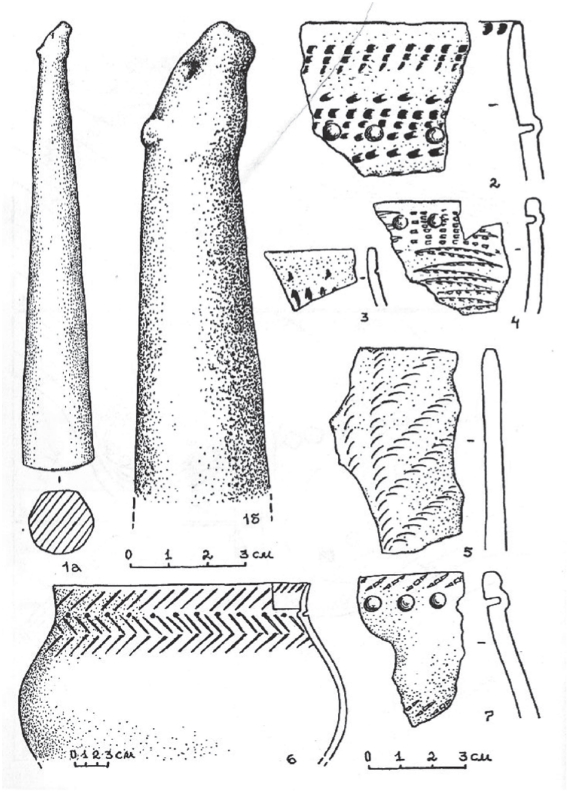

Рис. 2. Керамический сосуд и обломки других сосудов с поселения 17 участок 1 (2-7) и каменный жезл с местонахождения 1 участок (1а, б)

Основным занятием населения Большереченской культуры были охота и рыболовство; природные условия Верх-Обского бора и Иткульских озер весьма благоприятствовали такого рода направленности хозяйства жителей данного региона [2, с. 23].

С первой половины II тысячелетия до нашей эры датируется Елунинская культура. Сосуды украшены таким же образом, как и в предшествующее время, но они имеют плоские днища (рис. 3).

Любопытен погребальный обряд. В захоронении найдены пережженные кости человека, угли, кусочки охры, в одной могиле — сосуд. Сами могильные ямы не имели следов воздействия огня, что свидетельствует о том, что кремация покойного совершалась на стороне, возможно, в специально отведенном для данной цели месте. Одним из основных занятий населения в этот период было скотоводство и металлургическое производство [1, с. 9].

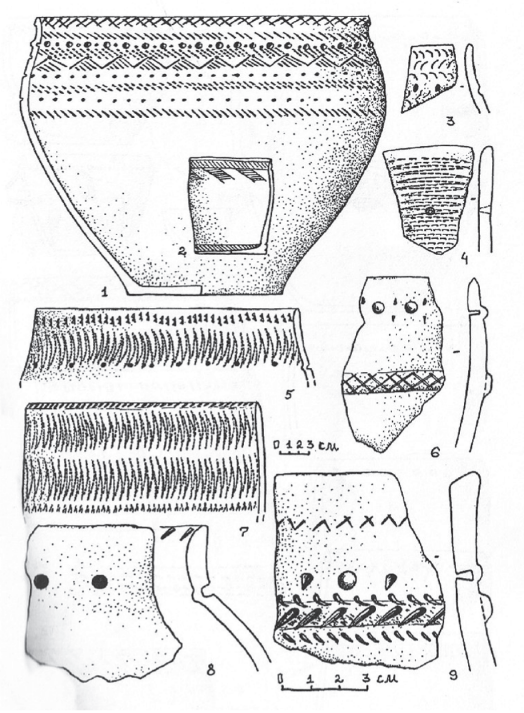

Рис. 3. Керамические сосуды и их фрагменты с поселений Дмитриевская Грива (1, 2), Перейма 1 (3, 4, 6, 9), хутор Вершинина (5, 7) и Иткуль 3 (8)

В VI—II вв. до нашей эры в лесостепной зоне Алтая была распространена Староалейская культура, в предгорьях — Быстрянская. При раскопках были получены керамические материалы: плоскодонные горшки и банки, украшенные в верхней части жемчужинами, насечками, оттисками уголка палочки, резными линиями (рис. 4.)

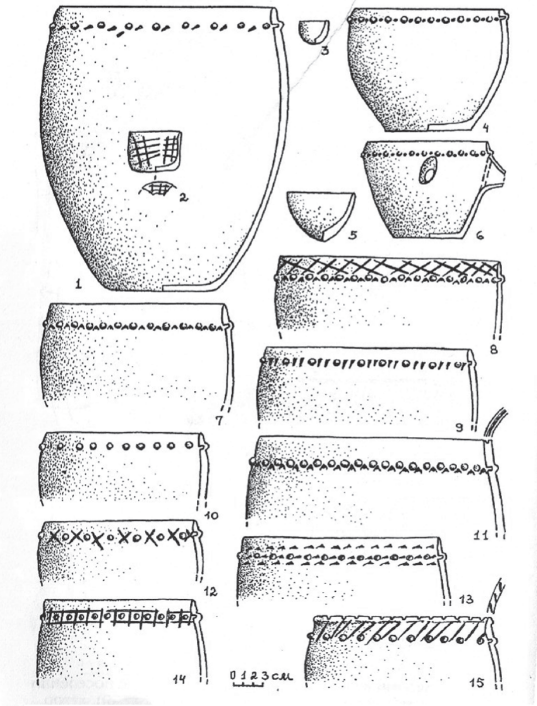

Рис. 4. Керамические изделия с поселения Дмитриевская Грива

Раскопанные жилища имели неглубокие котлованы и, вероятно, срубную или срубно-столбовую

конструкцию стен. Население вело комплексное хозяйство, основой которого были скотоводство, охота.

К эпохе средневековья (IV—VIII вв. н. э.) относится Одинцовская культура. Хозяйство в то время было тем же, что и при Староалейской культуре, но образ жизни был более подвижен. В связи с этим, культурные слои на поселениях и городищах слабо насыщены [1, с. 15]

В результате развернувшегося в конце I тысячелетия до нашей эры и начале I тысячелетия нашей эры великого переселения народов, на юге Западной Сибири сформировался смешанный расовый тип, сочетавший в себе черты древних европеоидов и монголоидов, давший начало народам и этническим группам финнов, угров и самодийцев. На территории бывшего обитания племен Большереченской культуры складывается новая культура, получившая название Верхнеобской. Впервые эта культура была выделена по материалам раскопок 1946-1949 годов в низовьях реки Большой Речки.

Заселение региона.

Первыми русскими людьми, побывавшими в бассейне реки Большая Речка, были казаки и другие служилые люди, приходившие, со второй половины XVII века, сюда за ясаком. Однако реальные возможности прочного оседания поселенцев здесь сложились лишь после укрепления позиций кузнецких властей в Верхнем Приобье и основания здесь Белоярской (в 1717 г.) и Бикатунской (в 1718 г.) крепостей [3, с. 15].

Однако произошло это далеко не сразу. Хотя разъезды белоярских беломестных казаков уже в 1717—1718 гг. (в целях наблюдения за отходившими к югу телеутами и предотвращения возможных набегов) ходили вверх по Оби (до устья Алея, Большой Речки, Чарыша) сведений о попытках постоянного поселения в этих местах пока нет [3, с. 56].

Севернее бассейна р. Большой Речки русские поселенцы осваивали сначала ближайшие окрестности Белоярской крепости, реки Повалиху, Черемшанку, Чесноковку, Лосиху, а также с 1720-х годов началось освоение окрестностей Бикатунской (Бийской) крепости.

Для Большой Речки, насколько можно судить по сохранившимся источникам, время для постоянного оседания созрело лишь к началу 30-х гг. XVIII столетия. Первым русским населенным пунктом здесь стала деревня Большая Речка (ныне с. Чаузово) [4, с. 110].

К середине 80-х гг. XVIII в. относится возникновение в Большереченском бассейне четырех населенных пунктов. 18 марта 1785 года крестьяне ведомства Белоярской слободы, деревни Романовой (ныне село Романово, Косихинского района) Петр Загайнов и Никифор Кривошеев просили разрешить им переселиться на найденное место близ устья речки Белой, впадающей в реку Большую Речку. Крестьяне утверждали, что на старом месте жительства они испытывают недостаток в земле под пашню, в покосах и, особенно в лесе, поскольку лес отошел под завод и рубить его запрещается. Бийский нижний земский суд, куда поступило это прошение, докладывая о нем в Барнаул, просьбу крестьян поддержал, предлагая разрешить просителям (всего 6 душ мужского пола) поселиться у устья реки Белой, где назначить новую деревню Загайнову по фамилии одного из первопоселенцев» [5, с. 28]. Заведение нового населенного пункта пошло довольно быстро. В ведомости о переселенных и самовольно заселившихся здесь, Бийский нижний земский суд отметил в ноябре 1785 года, что в деревне Загайновой, кроме 6 ревизских душ Загайновых и Кривошеиных названы еще 11 мужских душ, переселившихся из деревни Гонбиной и 16 мужских душ — из деревни Быковой ведомства Щадринской слободы.

Так появилась деревня Загайнова. В 1792 году в этой деревне было 14 дворов и в них 84 жителя (42 души мужского и 42 души женского пола). В конце XVIII в. эта деревня была в составе Уксунайской слободы, а в XIX — начале XX в. — в Бийской волости. По переписи 1926 года, село Загайново значилось в составе Большереченского района, переименованного в 1932 году в Троицкий район. В той же ведомости имеется сведение о возникновении населенного пункта в самых верховьях р. Большая Речка. В ведомости дважды сказано о переселении из деревни Верхней Тогульской на реку Большая Речка (между деревнями Марушкой и Талдинской) на Горновой Камень восьми переселенцев. Название места поселения было, очевидно, связано с наличием там обнаруженных ранее запасов камня, используемого в заводском производстве. В 1792 году в деревне Горновой Камень насчитывалось уже 15 дворов и в них 38 душ мужского и 50 душ женского населения. Со временем название деревни меняется. В одном из документов конца XVIII в. она названа «Каменской». В 7-ю ревизию (1816 г.) она значится под названием деревня «Горновская», в 8-ю ревизию (1834 г.) она названа деревней «Горновой». В последней четверти XIXв. эта деревня превращается в село «Горновое». Под этим названием оно значится и ныне на карте (на самом востоке Троицкого района).

Во время 5-ой ревизии (1795 г.) была впервые учтена деревня Красноярская. Возникновение ее в ревизской сказке датировано 1785 годом. В новой деревне было учтено в 1795 году 33 души мужского пола. В 1798 году в верховья р. Большой Речки был командирован по земельным вопросам унтершихтмейстер Иван Колычев [4, с. 78]

В его рапорте, датированном 19 сентября 1798 года дано, наряду с другими сведениями, описание угодий деревни Красноярской: «В деревне Красноярской имеется 2231 десятина, годная для хлебопашества,457 десятин сенокосного места, да 1144 десятины для хлебопашества неудобного, занятого логами и березовым лесом. По последней же ревизии в деревне Красноярской состоит мужеского пола 32 души, коим надлежало бы занять, полагая по инструкции землемерской на каждую душу по 15 десятин, со всеми угодьями 390 десятин» [6, л. 444].

В верховьях р. Большой Речки, как и в большинстве мест на Алтае, в конце XVIII в. были огромные резервы земли для размещения населения, прибывающего из-за пределов горного округа. В 1882 году в деревне Красноярской имелось уже 43 двора, в них 104 мужские души старожилов, да некоторое число переселенцев, которые еще только

обустраивались. В перепись 1926 года деревня Краснояры насчитывала 136 хозяйств и в них 778 жителей [7].

В 1785 году на крупнейшем притоке р. Большой Речки — реке Белой — была образована деревня Белая (ныне село Белое Троицкого района). Об этом свидетельствует ревизская сказка 5-ой ревизии (1795 г.) и уже названная «Ведомость о переселенных и самовольно переселившихся», составленная в Бийске в 1785 году. Деревня Белая росла постепенно за счет естественного прироста и притока новых поселенцев. К 1811 году в нее переселилась большая группа крестьян из деревни Петрушихи, Чумышской волости (23 крестьянина). Всего в 6-ю ревизию (1811 г.) в деревне было учтено 40 душ мужского пола. Во второй половине XIX века приток переселенцев увеличился. В 1882 году в селе Беловском было уже 165 дворов, в 1911 году — 439 дворов и в них 3664 жителя. Перепись 1926 года зафиксировала в нем уже 711 дворов и в них 4077 жителей. По числу жителей это село занимало среди населенных пунктов Большеречинского района 4 место (после Троицкого, Загайнова и Петровского) [7, ф. 3].

В 1788 году в Бийский нижний земский суд обратилась группа крестьян с просьбой поселиться на выбранном ими месте (при впадении р. Хайрюзовки в р. Белую). Разрешение было получено и в новой деревне Хайрюзовке поселились из деревни Фоминской Павел Иванович Стариков и Спиридон Дмитриевич Слекишин, из деревни Орской — Михаил Кириллович Чернов, из деревни Савиновой — Семен Дмитриевич Стариков и Аника Афанасьевич Черданцев, из деревни Комаровой — Яков Спиридонович Опенышев. В 1792 году в этой деревне было уже 10 дворов, в них 66 жителей, поселенцы успели построить в селе мельницу и мост через реку Хайрюзовку.

В 10-ю ревизию в Хайрюзовке было учтено 110 душ мужского пола. Значительно быстрее деревня стала расти после отмены крепостного права и открытия Алтая для внешних переселенцев [7, ф. 11].

В 1893 году в селе Хайрюзовском был 181 двор и 1360 жителей. Особенно значительным был рост села в конце XIX — начале XX в. По данным ра 1911 год в этом селе было 363 двора и в них 3339 жителей. Перепись 1926 года учла в селе Хайрюзовском 654 хозяйства и 3886 жителей.

В 5-ю (1795 г.) была впервые учтена деревня Петровка-первый населенный пункт на соседней с р. Большой Речкой реке Петровке, в самых ее верховьях. Первыми жителями новой деревни были крестьяне, переселившиеся из деревень Бажовой, Романовой, Токаревой. Возникновение этого населенного пункта имело определенное коммуникационное значение. Через него прошла потом дорога от Барнаула к Бийску, следуя от этого пункта через деревни Хайрюзовскую и Буланиху. Поэтому в документах деревня Петровка часто называлась Петровским станцом. Так назван этот населенный пункт в материалах 8-ой ревизии (1834 г.) и в ряде окладных книг. Деревня росла медленно. В 10-ю ревизию (1857 г.) в ней было учтено всего 50 мужских душ.

Обстановка изменилась лишь в конце XIX в. В 1893 году в селе Петровском, Косихинской волости было 253 двора, 1109 жителей, действовали церковь, приходская школа, почтовая станция. В 1911 году в селе Петровском насчитывалось 589 дворов и 3307 жителей в них. По переписи 1926 года село Петровское значится в составе Большеречинского района. В нем было учтено 861 хозяйство, 4371 житель. По числу жителей село было третьим в районе. Ныне это село Петровка ,Троицкого района.

В том же, 1795 году была впервые учтена в ведомстве Белоярской слободы и деревня Пещанская, в которой поселились крестьяне из самой Белоярской слободы и из деревни Токаревой (всего 15 душ м. п.). Новый населенный пункт возник, очевидно, в верховьях речки Песьянки, притока реки Петровки. Однако в дальнейшем судьба этого населенного пункта становится неясной. В материалах 6-ой и 7-ой ревизий его в составе Белоярской волости нет. Отсутствует она и в материалах 8-ой ревизии. В книге «Хозяйственно-статистическое описание крестьянских волостей Алтайского округа», включающей в себя данные 10-ой ревизии и обследований 1882 года, деревня Песьянка показана. В ней в 1882 году числилась 61 душа мужского пола крестьян-старожилов, т. е. давнишних жителей Алтайского округа.

Вероятнее всего деревня Пещаная, впервые учтенная в 1795 году просуществовала недолго, жители ее разъехались и значительно позднее, после крестьянской реформы, населенный пункт точно в том месте или близко от него появился вновь, но уже под новым названием «Песьянка». Ответ на вопрос: «Когда исчезла старая деревня?» — пока не найден. Что касается новой деревни Песьянки, то в 1893 году она фигурирует под двойным названием: «Песьянка», она же и «Шалаболиха». В ней в то время было 63 двора и 306 жителей. В 1911 году в деревне Песьянка насчитывалось 124 двора и 680 жителей. В перепись 1926 года в деревне Песьянка, Большеречинского района было учтено 200 хозяйств и в них 1039 жителей. Ныне это с. Песьянка, Троицкого района.

В начале 19 века возобновилось освоение крестьянами реки Боровлянки. На ней возникли (почти одновременно) две деревни, но на этот раз не у устья, а несколько выше. В 1804 году крестьяне деревни Плешковой, Бийской волости Афанасий и Василий Слободчиковы с семьями поселились на реке Боровлянке, положив тем самым начало новой деревне «Верхне — Боровлянской». В 1807 году к ним присоединились Ефим Третьяков из деревни Плешковой и Федор Черданцев — из деревни Беловой. В 6-ю ревизию в деревне Верхне — Боровлянской (в четырех семьях названных первопоселенцев) было учтено 17 душ мужского пола.

В 1806 году крестьянин деревни Плешковой Лаврентий Фоминский поселился недалеко от деревни братьев Слободчиковых и тем самым положил начало деревне Нижне-Боровлянской. В 1810 году к нему присоединились Иван Пятков из деревни Загайновой, Иван Шевелев и Николай Костенков — из Буланихи, Дмитрий Вдовин — из деревни Савиновой. В следующем, 1811 году к ним добавились семьи Петра Колычева, Степана Воробьева и Григория Прибыткова из деревни Ново-Тырышкиной.

В 8-ю ревизию в деревне Верхне-Боровлянской осталось всего 2 души мужского пола и 5 душ женского пола. «Остальные жители, — как помечено в

ревизской сказке, — переведены по указу Канцелярии горного начальства в деревню Нижне-Каменскую с 1822 года» [8, л. 312].

Что касается соседнего населенного пункта, то деревня Нижне-Боровлянская вообще опустела, поскольку все ее жители были по указу Канцелярии горного начальства переведены в другие деревни. Вскоре, после 8-ой ревизии, выехала из деревни Верхне-Боровлянской и последняя семья. Но река Боровлянка не осталась безлюдной. У самых ее истоков возникла деревня, получившая название «Верх-речки-Боровлянки». В ней поселились Лаврентий Фоминский, Иван Пятков и другие, выехавшие из деревни Нижне-Боровлянской в 1830 году. В том же году были переведены сюда крестьяне из деревни Верхне-Боровлянской и Озерное. В 8-ю ревизию в деревне «Верх-речки-Боровлянки» были учтены 80 душ мужского и 77 душ женского пола. Кто был инициатором переезда крестьян –сказать трудно. Возможно, инициировали переезд и сами крестьяне, и власти. Возможно обе стороны. Во всяком случаев заводская администрация оказалась заинтересованной в переселении крестьяне из глубины большеречинского бора ближе к лесостепи и к дороге, ведущей к Бийску и Барнаулу. В 10-ю ревизию в деревне Верх-речки-Боровлянки было учтено 106 душ мужского пола. В 1893 году этот населенный пункт получает новое название: деревня «Боровлянка». В ней в то время было 137 дворов и 749 жителей, имелся кожевенный завод, хлебозапасный магазин, питейное заведение. По данным 1911 года в деревне Боровлянка было 307 дворов,1497 жителей. В перепись 1926 года в селе Боровлянка Большеречинского района числилось 360 дворов, 1880 жителей. Согласно более поздним данным (на 1 января 1973 г.), в Троицком районе, Зеленополянского сельсовета имелось село Верх-Боровлянка, а по данным 1 июля 1992 года, такого населенного пункта в нашем районе уже не было [9, с. 100].

В начале XIX века осваивались и другие притоки Большой Речки. В 1807 году крестьяне деревни Загайновой Никифор Кривошеин и Петр Назаров поселились у речки Ельцовки, ближе к верховью, дав начало деревне «Ельцовка». В 1810 году к ним приселились крестьяне из деревни «Большая Речка», Уксунайской волости: Иван Черкасов, Иван Донсков, Моисей Ощеулов и др. В 6-ю ревизию в деревне Ельцовской было учтено уже 36 душ мужского пола. В 10-ю ревизию в этом населенном пункте было уже 100 душ мужского пола. По данным 1893 года, в Ельцовке был 101 двор и 529 жителей. Приток в деревню переселенцев еще больше способствовал росту числа ее жителей. Так, в 1911 году в Ельцовке уже насчитывалось 190 дворов и в них 1136 жителей. В перепись 1926 года зафиксировала в селе уже 355 дворов и 1904 жителя. Ныне село Ельцовка входит в состав Троицкого района.

В 1810 году крестьяне деревни Плешковой, Бийской волости Иван Южаков и Максим Фоминский образовали на реке Белой, в четырех верстах выше деревни Белой новый населенный пункт — деревню «Кипешину». В 6-ю ревизию в ней проживали 7 душ мужского пола, в 10-ю ревизию — уже 53 души мужского пола, в 1893 году — 154 двора, в них 731 житель, а в 1911 году — 233 двора и 1609 жителей. В последующие годы приток людей в «Кипешную» не ослабевал. Это отразила и перепись 1926 года. Тогда в селе Кипешино, Большеречинского района насчитывалось 384 двора и 2374 жителя. Такое село и ныне есть в Троицком районе. В 1810 году возникла в Большеречинском бассейне и деревня Усть-Гавриловская. Ее образовали крестьяне деревень Луговой, Соколовой и Шубенской. «Зачинателем» села был Гаврила Павлович Казанцев, прибывший на новое место с большой семьей (с детьми и внуками), насчитывавшей только мужского пола 21 душу. Из Соколовой присоединились к нему Алексей Воробьев и Василий Фоминский, из Шубенской — Илья Куксин. В 1811 году переехали сюда (из Старой Чемровки) Савелий Карпов с братом Тимофеем [10, с. 34]

Шестая ревизия учла в новой деревне уже 39 душ мужского пола. Вскоре недалеко от нее, на речке Гавриловке, при ее впадении в речку Хайрюзовку, появилась другая деревня, получившая свое название — «Усть-Гавриловка» — не от названия реки, а от имени первопоселенца — Гаврилы Казанцева. В 1893 году в ней уже было 106 дворов и 446 жителей. По данным 1911 года, число дворов в ней выросло до 147 дворов, а число жителей — до 876 чел. Еще большие показатели имела деревня в 1926 году тогда в ней было 238 хозяйств и 1551 житель. Ныне село Усть-Гавриловка находится в составе Троицкого района.

В первой четверти XIX века возникла (на реке Ельцовке) деревня Ново-Еловка. Наиболее ранние сведения о ней сохранились в окладной книге Уксунайской волости на 1823 год. В деревня названа «Ново-Еловской», в «коей 10 душ мужского пола». Если учесть, что в окладных книгах приводились данные о числе душ по ближайшей ревизии, то можно утверждать, что этот населенный пункт учитывался и в 7-ю ревизию, т. е. в 1816 г. В связи с этим, можно предположить, что данная деревня существовала и ранее. К сожалению, данных, которые бы подтвердили наше предположение, пока нет. Восьмая же ревизия уже учла в деревне «Ново-Еловской» 34 жителя обоего пола. По данным 1893 года, в ней было 101 хозяйство и 700 жителей, в 1911 году — 177 дворов и 1475 жителей, а в 1926 году — в селе Ново-Еловке, Большеречинского района было учтено 323 хозяйства и 1737 жителей. Ныне это село Троицкого района [10, с. 45]

В 7-ю ревизию (1816 г.) была учтена (на реке Большая Речка, выше устья реки Ельцовки) деревня Шершниха. В ней было тогда отмечено 22 души мужского пола. До 80-х гг. XIX века деревня входила в состав Белоярской волости. В 1893 году в Шершнихе имелось 58 хозяйств и 379 жителей. В то время она входила в Косихинскую волость. В 1911 году в деревне было 98 дворов и 694 жителя. Перепись 1926 года учла в деревне Шершниха, Большеречинского района 187 дворов и 988 жителей. В 1973 году село Шершниха входило в состав Новоеловского сельсовета, Троицкого района. Однако в справочнике 1992 года такой населенный пункт в нем не значится. Похоже, село к этому времени, в связи с разъездом его жителей, самоликвидировалось.

В первой половине XIX века возникла и деревня «Большая Речка». Наиболее ранние сведения о

существовании этого населенного пункта относятся к 1857 году, т. е. ко времени 10-й ревизии. Тогда в ней было учтено 20 душ мужского пола.

По данным 1893 года, в «Большой Речке» имелось 122 двора и 529 жителей, в 1911 году — 238 дворов и 1538 жителей, а по переписи 1926 года «в селе Большая Речка, Большеречинского района» учтено 1972 жителя, в 391 дворе. Село «Большая Речка» существует и ныне. Оно находится в 11 километрах от райцентра и входит в состав Петровского сельсовета, Троицкого района.

В 8-ую ревизию была впервые учтена в Верх-Чумышской волости (в верховьях реки Большая Речка, ниже деревни Красноярской) деревня Еремина, возникшая где-то между 1824-1834 гг. По 1893 года в ней (деревня названа еще «Санаровой») было 99 дворов и в них 628 жителей.

В 1911 году в данной деревне проживал 981 житель (в 153 дворах). При поземельном устройстве Алтайского округа в 1911—1912 гг., были выявлены две деревни: «Большая Еремина (она же «Большая Санарова») и «Мало-Санарова» (она же «Мало-Еремина»). Когда от деревни Ереминой (Санаровой) отпочковался новый населенный пункт, установить, пока не удалось. Перепись 1926 года учла обе деревни. В деревне Ереминой, согласно ей, имелось 164 двора, в котрых проживал 841 житель, а в деревне Санаровой — в 117 дворах, было 566 жителей. Обе деревни относились тогда к Яминскому району. В справочнике 1973 года, в Троицком районе значатся и село Еремино, и село Санарово, находящееся в двух километрах ниже на реке Большая Речка. В справочнике 1992 года, село Санарово уже отсутствует. Похоже оно также распалось. Сейчас же осталось только село Еремино, Ереминского сельсовета, Троицкого района.

В 1870 году на том месте, где прежде (до 1830 года) были деревни Нижне-Боровлянская и Верх-Боровлянская, возник (на правом берегу речки Боровлянки) новый населенный пункт-деревня «Южакова». Основали ее переселенцы из Пермской губернии. По данным 1893 года, в деревне Южаковой, Бийской волости проживали 769 человек в 154 дворах. По переписи 1926 года в деревне Южаковой, Большеречинского района учтено 415 хозяйств и 1835 жителей. Ныне село Южаково, Южаковского сельсовета, состоит в Троицком районе.

Примерно в 1873 году, к югу от речки Боровлянки, у озера Иткуль, переселенцами из села Плешково, Бийской волости была образована деревня «Вершинина», названная так по фамилии одного из первопоселенцев. По данным 1893 года, в деревне проживало 480 человек, в 93 дворах. Перепись 1926 года учла в деревне Вершининой, Большеречинского района 206 хозяйств и 969 жителей. Ныне село «Вершинино», Зеленополянского сельсовета, значится в Троицком районе [11, с. 111].

В 1874 году, на речке Ельцовке (между деревнями Ново-Еловкой и Ельцовкой) была образована деревня Терская.

Об этом в одном из краеведческих изданий 1900 года записано: «Деревня Терскова образована в 1874 году. До этого здесь были усадьбы дворовых людей помещицы Терсковой, что отражено в плане 1833 года».

Один из ее дворовых Чернядин рассказывал, что дворовые были приобретены полковником Терсковым в разных губерниях и поселок образован в 1800 году. Около 1850 года дворовые люди Терсковой, сосредоточившиеся в 7 хозяйствах были отпущены ею на волю. На освободившемся месте поселились переселенцы, преимущественно из Воронежской губернии. Сначала в новом населенном пункте было 53 двора, а в 1911 году — 98 дворов и 702 жителя. По переписи 1926 года в деревне Терской Большеречинского района значилось 200 хозяйств и 1874 жителя. В справочнике 1973 года, село Терское названо в составе Троицкого района. Но в справочнике 1992 года этого населенного пункта уже нет.

Из населенных пунктов, возникших на территории Большеречинского бассейна, следует назвать и поселок Гордеевский, на реке Боровлянке. Его возникновение датируется 1896 годом. Сначала он существовал как арендный участок при деревне Южаковой, на левом берегу реки Боровлянки.

«В 1926 году в поселке Гордеевском, Южаковского сельсовета Большеречинского района было учтено 96 хозяйств, а в них — 455 жителей. В последующих переписях этот поселок не упоминается. Вернее всего, он «расформировался» как поселок «с малым числом жителей».

В бассейне реки Белой (приток Большой Речки) существовал в XIX веке поселок «Верх-Гавриловка» («Татарка»). В перепись 1926 года в нем было учтено 14 дворов и в них 61 житель. Возникновение этого поселка было датировано 1866 годом [12, с. 103].

Дальнейшее освоение бассейна реки Большая Речка и ее окрестностей развертывается в начале XX века. Приток населения в это время был значительным. В этом нас убеждают приведенные выше данные по росту численности населения в деревнях, заимках и т. д. Однако изучение отдельных территорий почти не проводилось. А если и имело оно место, то делалось это на уровне местного краеведения изучения истории отдельных районов и населенных пунктов. А эту работу необходимо вести комплексно и объединенными усилиями специалистов-историков и местных краеведов. Не составляет исключения в этом плане и бассейн реки «Большая Речка», где число существовавших когда — то населенных пунктов (к сожалению, исчезнувших потом, в силу разных причин) было весьма значительным (далеко за 100). Их же история — возникновение сел, их дальнейшее развитие и исчезновение — история людей, проживавших в них, достойны внимания исследователей, ибо это история малой родины каждого, вливаясь в единый поток, помогает воссоздать более полную и колоритную картину прошлого нашей великой Родины.

Библиографический список

1. Мое родное Большеречье. — Барнаул, 2004. — 432 с.
2. Алтайский край на пороге третьего тысячелетия: Справочник-Атлас. Алтайский краевой комитет государственной статистики. — Барнаул, 2001. — 271 с.
3. Художественная культура Сибири и Алтая. История и современность. Сб. материалов научных конференций. — Барнаул, 2001. — С. 15.

3. Булыгин Ю. С. Первые крестьяне на Алтае. — Барнаул: Алт. кн. изд., 1974
4. Хрестоматия по истории Алтая. С древнейших времен до 1917 г. — Барнаул, 2003.
5. Список населенных меси Сибирского края. — Новосибирск, 1928.
6. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 1. Оп. 2. Д. 77.
7. Комитет по делам архивов администрации Троицкого района. Фонд □ 3.Хайрюзовский сельский Совет народных депутатов Троицкого района Алтайского края.
8. ЦХАФ АК) Ф. 1. Оп. 2. Д. 130.
9. Справочник административно-территориальных изменений на Алтае 1917-1980. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1987. — 385 с.
10. Худяков А. А. История Алтайского края. Барнаул, 1973. — 93 с.
11. Булыгин Ю. С. Белоярская крепость // Алтай. Альманах. — Барнаул, 1965. □ 3.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 11.11.10.

E. Y. Sheptitskay

THE DEVELOPMENT OF VIRGIN AND UNUSED LANDS OF RUSSIAN PEASANTS THE BOLSHERECHY IN XVIII-XIX CENTURIES (ON THE EXAMPLE OF TROITSK REGION)

In article archive and publish materials, throw light the process of virgin and unused lands Bolsherechy in XVIII-XIX centuries.

Altai, the lake Big Itkul, Biysk region, Cossacks, military people, development of virgin and unused lands, Troitsk region, Big river

УДК 902

Ван де Керхове Р., Гуссен Р., Буржуа Ж., Эбель А. В., Юркова Н. А.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ПОНИЖЕНИЯ ТЕМПЕРАТУРЫ НА ЗАМОРОЖЕННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ НА АЛТАЕ

В статье представлены результаты исследования по измерению температуры, выполненного в Русском Алтае Рубеном Ван Де Керхове и Александром Викторовичем Эбелем в рамках проекта «Мониторинг и моделирование вечной мерзлоты в горах Русского Алтая».

Температурные сенсоры, курганы,долина Уландрык, археологический комплексБашадар, температурные датчики, понижение температуры

Летом 2010 года была проведена третья и последняя российско-бельгийская экспедиция в рамках докторского проекта «Мониторинг и моделирование вечной мерзлоты в горах российского Алтая», финансируемого «Институтом Продвижения Инноваций через Науку и Технику во Фландрии (IWT-Vlaanderen)». Эта экспедиция проходила в долинах и вокруг долин — Джазатор и Тархата (южный Чуйский хребет, Кош-Агачский район) и на Плато Укок. Основная задача состояла в том, чтобы загрузить данные, хранившиеся в температурных датчиках, установленных в 2008 году [1, с. 48] и 2009 [2, с. 27].

В этой небольшой статье представлены предварительные результаты исследования по измерению температуры и понижающего теплового эффекта курганов, с использованием собственных наблюдений, а также материалов любезно предоставленных профессором университета г.Фарбенкста (США, Аляска) С. Марченко

Уландрык:

24 июля 2008 года три температурных датчика HOBO U23-003 (два сенсорных датчика, Onset Computer Corporation) и шесть датчиков iButtons (Maxim Integrated Products) были установлены на трех исследуемых участках (улан 1, улан 2 и курган/улан 3), расположенных внутри и вокруг реконструированного кургана 3 археологического комплекса «Уландрык-II» [4, с. 42].

Температурные сенсоры были расположены на 5 различных уровнях с целью изучения вертикального температурного профиля. Самый глубокий сенсор был установлен внутри кургана на глубине 180 см, благодаря прикрепленной трубке из поливинилхлорида. Снаружи кургана температурные измерения ограничивались глубиной 80см (улан 2) и 1,1 м (улан 1) из-за сложности бурения скважины в твердых породах. Тем не менее, сравнение температур на этих участках может проводиться на глубине 10, 45 и 80 см. К тому же, сенсоры, установленные внутри кургана на глубине 110 и 185 дают нам дополнительную информацию о термальном режиме внутри погребения. [6, с. 72-73]

В течение первого года измерений средняя температура воздуха в долине Уландрык, согласно данным бывшей метеостанции, составляла −2.28 °C, что было на 2.4 °C теплее, чем показывали наблюдения 1951—1998 годов. В течение второго года измерений средняя годовая температура опустилась до −3.97 °C, что было вызвано очень холодной и продолжительной зимой в тот год. Наряду с более низкими температурами, зима 2009—2010 гг. отличалась большим количеством снегопадов, что привело к некоторому повышению температуры почвы в Кош-Агачском районе благодаря буферному эффекту снега. Однако в долине Уландрык снежный покров был незначительным, поэтому температуры почвы, зафиксированные во вторую зиму, были гораздо ниже, чем в первую.

Основываясь на показаниях установленных датчиков можно было получить температурный

временной ряд и термальный режим для улан 1, улан 2 и улан 3. На рисунках 1 и 2 представлен пример для исследуемого участка улан 3 (курган). На рисунке 1 изображены 5 временных рядов, составленные на основе показаний разных датчиков, установленных на разной глубине в кургане 3 археологического комплекса «Уландрык II». Полученные цифры свидетельствуют о том, что теплообмен происходит через слои почвы. В верхних слоях (выше уровня нулевой среднегодовой амплитуды) наземные температуры образуют синусоидальную кривую, которая постепенно сглаживается на большей глубине. Более того, аналогичные температурные сигналы прослеживаются с отставанием во времени на большей глубине. Подобное запаздывание во времени вызвано удельной теплопроводностью почвы.

Чтобы исследовать эффект понижения температуры в курганах, был проведён сравнительный анализ температур, зарегистрированных на определённой глубине внутри кургана (улан 3), и температур, наблюдаемых на аналогичной глубине исследуемых участков улан 1 и улан 2. На первом графике показано сравнение температур на поверхности (Рис. 3), затем, сравнение на глубине 1.10 м (Рис. 4). В финальной таблице приведены значения среднегодовых температур за два года на разных глубинах и по разным участкам (Таблица 1). В таблице имеется несколько пробелов, поскольку в последнюю зиму два датчика вышли из строя.

При сравнении поверхностных температур в кургане (улан 3) и улан 2 оба датчика показывают очень маленькую разницу (Рис. 3). Если взять усреднённые показатели за целый год, то и в этом случае разница будет составлять от 1.3 °C (1 год) до 1.7° (2 год). Эта разница главным образом наблюдается во время коротких максимально холодных периодов, когда поверхностные температуры внутри кургана понижаются очень быстро, а температуры на исследуемом участке улан 2 гораздо медленнее. Небольшая разница между показателями поверхностных датчиков, например, в сравнении с курганом долины Джазатор, обусловлена тем, что климат в долине Уландрык очень сухой, что объясняет существование в долине зимних стоянок. Сухость климата также объясняет отсутствие стабильного снежного покрова на поверхности, что вызывает сильное охлаждение, как самого кургана, так и участка улан 2.

В отличие от поверхностных температур, существенные различия наблюдались на глубине 45 см, 80 см и 1.10 м (Таблица 1), особенно в точке улан 1, но возможно это было вызвано наличием более глубокого снежного покрова (Рис. 4). Данное расхождение вызвано наличием поверхностного слоя из крупных камней, дающего возможность холодному воздуху проникать вглубь почвы, благодаря энергообмену, вследствие чего температура внутри кургана ниже температуры на аналогичной глубине за его пределами.

С другой стороны, летние температуры внутри кургана выше, чем в точках улан 1 и улан 2 (Рис. 4). Это указывает на то, что поверхностная каменная выкладка кургана (улан 3) слишком маленькая, чтобы эффективно защищать почву, находящуюся под ней. В отличие от больших царских курганов Алтая, в которых наблюдается эффект летнего понижения температуры, что делает возможным формирование постоянного слоя холодного воздуха в летний период, невысокий поверхностный слой кургана в долине Уландрык исключает возможность появления постоянного слоя холодного воздуха под каменной насыпью. Более того, теплый воздух может проникать с ветром или в результате большого перепада давления, вызывающего незначительное потепление почвы под каменной выкладкой.

Башадар:

С июля 2007 года по июнь 2009 года С. Марченко [3, с. 130-135] проводил измерения температуры на территории археологического комплекса Башадар. Его результаты позволяют нам объяснить разницу между большими царскими и более мелкими курганами, например в долине Уландрык. Марченко измерял температуру воздуха, температуру на поверхности и на глубине 1м (Рис. 5)

В отличие от наших измерений в долине Уландрык, Марченко обнаружил явную связь между температурой воздуха и температурой на глубине 1 м, поскольку слой каменной насыпи на этом кургане гораздо толще. Оба датчика, установленный на поверхности и на глубине 1 м, неизменно показывают зависимость от температуры воздуха, особенно в зимнее время. Средние температуры были равны 2.22 °C (на поверхности) и 0.80 °C (на глубине 1 м).

С другой стороны, чётко зафиксированного эффекта понижения температуры на глубине 1 м в летнее время не наблюдалось. Возможно, датчики располагались слишком близко к краю кургана, или их нужно было установить глубже, чтобы достичь слоя стабильной холодной летней температуры. Тем не менее, полученные данные показывают насколько сильно этот поверхностный слой охлаждает всю конструкцию кургана в зимнее время, хотя и не демонстрируют эффект охлаждения летом.

Бертек:

В июле 2009 года 35 температурных датчиков iButtons и 4 датчика HOBO были установлены в одном из курганов археологического комплекса Бертек на плато Укок. Датчики располагались вдоль 2 осей, одна из которых простиралась с севера на юг (в направлении ряда курганов), а другая перпендикулярно, т. е. с запада на восток. На каждой оси находилось 7 точек замера, в каждой из которых было установлено по 3 датчика, исключение составили лишь датчики Hobo, в которых имелось, благодаря использованию 2 iButtons, 4 сенсора. 4 датчика Hobo были установлены по углам снаружи кургана[5, с. 53, 7, с. 68-70] (Рис. 7).

Местоположение датчиков было выбрано так, чтобы получить максимальное количество информации. Для каждой оси были вертикально установлены 2 датчика с наружной стороны кургана, 2 чётко по краю, 2 в слое каменной выкладки и 1 в центре. Сенсоры располагались на постоянном расстоянии. Мы всегда старались установить один датчик чётко под поверхностью, один под естественным слоем почвы и один в естественных ледниковых отложениях.

Подобное расположение даёт нам два двухмерных профиля, показывающих ежедневные потоки температур в обоих, северо-южном и западно-

восточном, направлениях. Объединение этих двух профилей позволит создать трёхмерную эволюцию температурных потоков.

В настоящий момент проанализирован лишь ограниченный объём данных. Были созданы одномерные профили (1D), предприняты попытки создать двухмерный профиль (2D). Тем не менее, работа в этом направлении должна быть продолжена. Для построения двухмерного профиля была использована линейная интерполяция, которая должна быть заменена моделью теплопроводности.

Здесь представлена среднемесячная температура в октябре (1D) (Рис. 8) вместе с 2D профилем северо-южной оси (Рис. 9). Первые результаты чётко демонстрируют разницу внутри поверхностного слоя кургана. В центре кургана среднегодовые температуры почти на 2 градуса ниже, чем по краям. Подобная разница вызвана, прежде всего, тем, что в начале зимы (в октябре) температура в центре кургана понижается очень быстро (Рис. 8): в то время когда температура в центре кургана уже отрицательная, по краям она всё еще положительная. Во-вторых, в зимнее время центр кургана большую часть времени не покрывается снегом, что позволяет воздуху свободно циркулировать внутри кургана. В летнее время края кургана более подвержены солнечному облучению и остаются достаточно тёплыми даже в ночное время, когда центр кургана быстро остывает.

Следует отметить, что это лишь первые результаты, для подтверждения которых необходимы дальнейшие исследования.

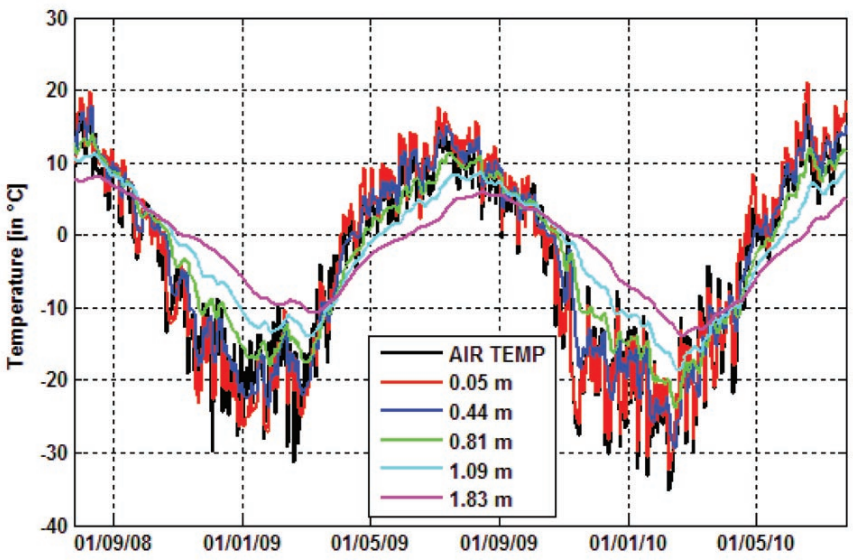

Рисунок 1. Временные ряды, построенные по показаниям датчиков с исследуемого участка Улан 3 (курган)

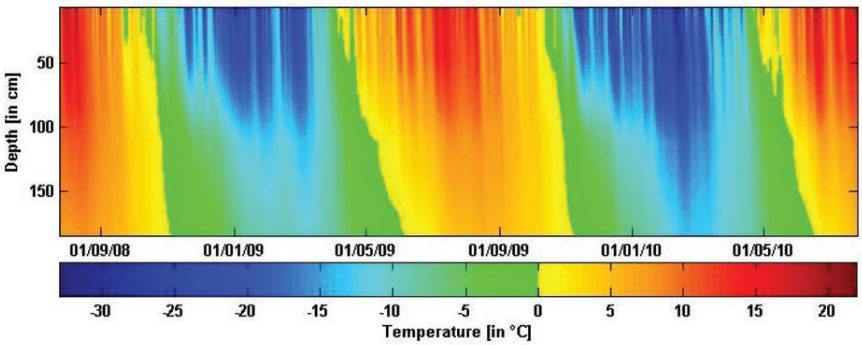

Рисунок 2. Термальный режим участка Улан 3 (курган). Цветами показаны разные температуры. Таким образом, данный рисунок демонстрирует, как изменяется температура на определённой глубине с течением времени

Таблица 1

Показатели среднегодовых температур (СГТ) за два года на различных уровнях по разным участкам
(-) означает отсутствие данных

	СГТ 1 ГОД	СГТ 2 ГОД
УЛАН 1- ПОВЕРХНОСТЬ	-	-
УЛАН 2- ПОВЕРХНОСТЬ	-1.92	-3.02
УЛАН 3- ПОВЕРХНОСТЬ	-3.23	-4.77
УЛАН 1-0.45 м	-0.56	-
УЛАН 2-0.45 м	-1.89	-2.39
УЛАН 3-0.45 м	-2.71	-4.48
УЛАН 1-0.80 м	-0.48	-
УЛАН 2-0.80 м	-1.80	-1.93
УЛАН 3-0.80 м	-2.19	-3.85
УЛАН 1-1.10 м	-0.41	-1.51
УЛАН 3-1.10 м	-1.62	-3.20
УЛАН 3-1.80 м	-1.44	-2.81

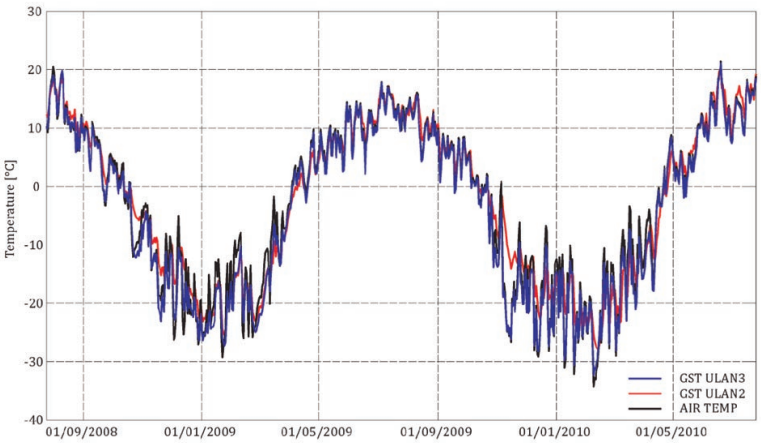

Рисунок 3. Сравнение околоповерхностных температур кургана (улан 3) и прилегающей территории (улан 2). Также приведены данные по температуре воздуха

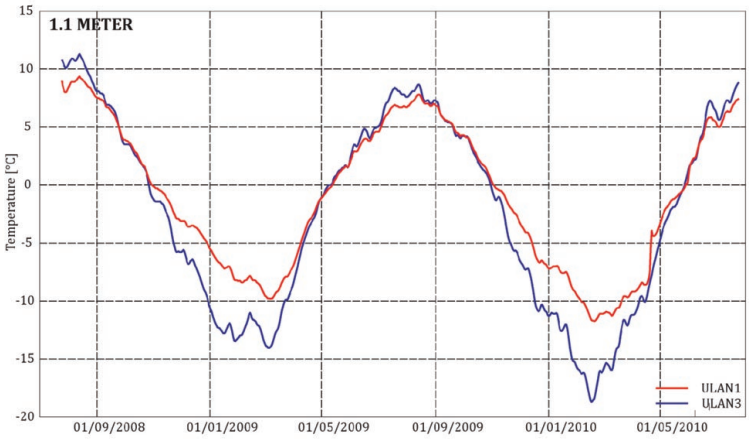

Рисунок 4. Сравнение температуры на глубине 1.10 м в кургане (улан 3) и прилегающем участке (улан 1)

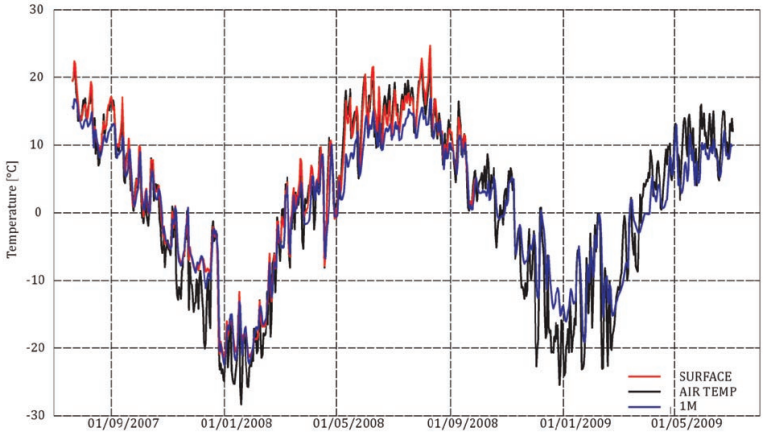

Рисунок 5. Временные ряды, полученные в Башадаре

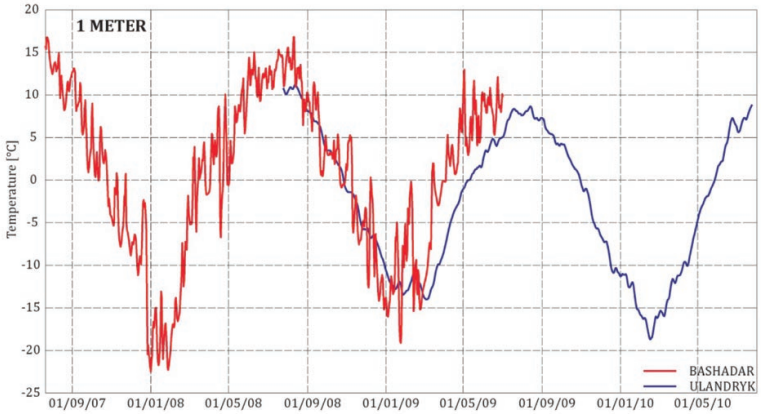

Рисунок 6. Сравнение температурных данных, полученных на глубине 1 м в Башадаре и точке Улан 3 долины Уландрык

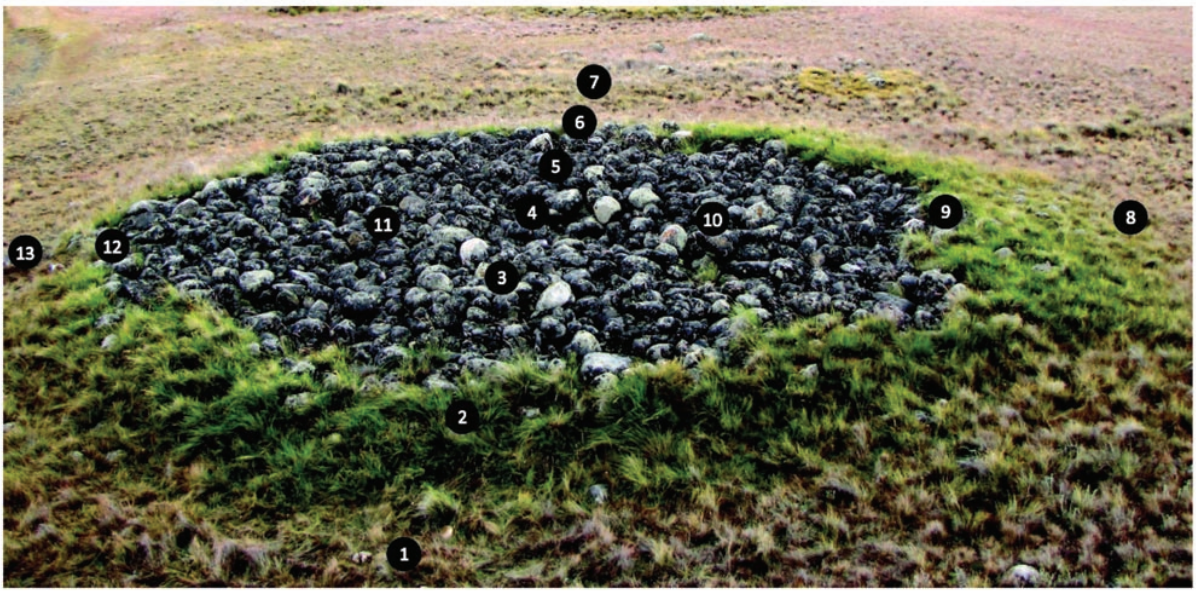

Рисунок 7. Расположение датчиков в Бертеке

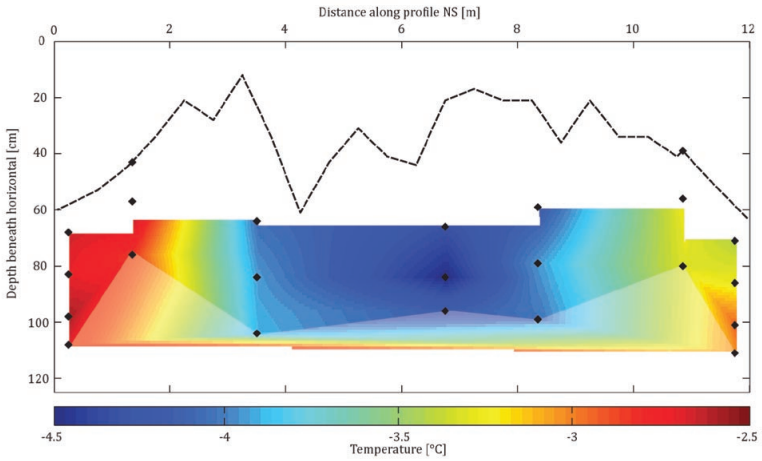

Рисунок 9. Среднегодовые температуры внутри поверхностного слоя кургана Бертек вдоль северо-южной оси, основанные на линейной интерполяции. Прозрачные участки представляют неточные данные

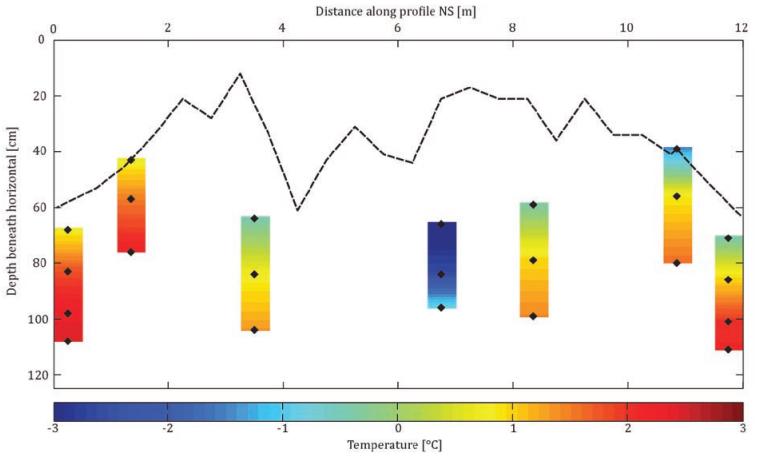

Рисунок 8. Среднемесячные температуры октября для одномерного профиля вдоль северо-южной оси. Черными квадратами показаны разные датчики, пунктирная линия — поверхность кургана (преувеличенная)

Библиографический список

1. Goossens, R., Van De Kerchove, R., Bourgeois, J., Gheyle, W., Ebel, A. V., 2008. Permafrost research in the valley of Dzhazator, and on the Tarkhata Plateau (Russian Altay Mountains, Kosh Agatch District). Internal Report, Ghent University, Ghent.

2. Goossens, R., Van de Kerchove, R., Baker, K., Hendrickx, M., Bourgeois, J., Gheyle, W., Stichelbaut, B., Dvornikov, E. P., Ebel, A. V., Loute, S., Plets, G., te Kiefte, D., Wuyts, F., 2009. Report on the Belgian-Russian Expedition in the Russian Altay Mountains 2009. A. Three Years of Joint Research in the Uch-Enmek Park and the Karakol Valley. B. Peramafrost Research in the Valley of Dzhazator and on the Plateaus of Tarkhata and Ukok, Ghent University, Ghent, p. 27.

3. С. С. Марченко, А. П. Горбунов, В. Е. Романовский Изменение климата, вечной мерзлоты и термического состояния мерзлых курганов в горах Центральной Азии / Погребальные комплексы с мерзлотой в горах Алтая: стратегия и перспективы. Материалы международной конференции г. Горно-Алтайск, Республика Алтай, Российская Федерация, 28-31 марта 2006 г. с. 122-138.

4. Эбель А.В., Штанакова Е.А Реконструкция курганов скифской эпохи могильника Уландрык II. /Материалы научно практической конференции «Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история) 2008 года» Барнаул 2008, с. 41-46

5. Эбель А.В., Ван Де Керхове Рубен, Юркова Н.А. Результаты годичного мониторинга температурного режима в реконструированном кургане могильника Уландрык II./ Материалы научно практической конференции «Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история) 2009 года» Барнаул 2009, с. 52-55

6. Эбель А. В., Штанакова Е. А К вопросу о природе образования мерзлотных линз в курганах Алтая // Мир Евразии. Научный журнал □1. — Горно-Алтайск РИО ГАГУ, 2009. С. 72-74

7. Эбель А. В., Ван Де Керхове Рубен, Юркова Н. А. Мониторинг температуры почвы в долине реки Уландрык: исследование влияния понижения температуры на курган // Мир Евразии. Научный журнал □ 1. — Горно-Алтайск РИО ГАГУ, 2010. С. 64-72

Гентский университет, Бельгия
Горно-Алтайский государственный университет
Получено 11.11. 10.

Van de Kerchove, R., Goossens, R., Bourgeois, J.Ebel, A. V., Yurkova N. A.

THE THERMAL LOWERING EFFECT OF THE FROZEN TOMBS OF THE ALTAE
This small text gives an overview of temperature measurements performed in the Russian Altay by Ruben Van De Kerchove and Alexander V. Ebel in the framework of the project 'Permafrost monitoring and modeling in the Russian Altay Mountains'.

Temperature sensors, kurgans, Ulandryk Valley, Bashadar archaeological site, data-loggers, lowering effect

УДК 902

Э. В. Гордон, Р.В. Мезенцев

ПОДПОЛЬНАЯ БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПЕЧАТЬ НА АЛТАЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917—1920 ГГ.)

В статье на различных опубликованных источников и исследовательских работ, освещена деятельность подпольной большевистской печати на территории Алтайской губернии в период гражданской войны.

красные, большевистская печать, цензура, агитационная работа, подпольные организации, революционная работа, контрреволюция, партизанское движение, карательные меры, террор, гражданская война

Изменение общественно-политического строя в России не устраивал не только алигархические круги страны, но и мировую буржуазию. Раскол российского общества, явственно обозначившийся еще в пору первой — Февральской — революции, после октябрьской революции дошел до своей крайности — гражданской войны.

Основная вооружённая борьба за власть в период Гражданской войны велась между Рабоче-крестьянской Красной Армией большевиков и вооружёнными силами Белого движения (внутреннюю контрреволюцию поддержала и мировая), что получило отражение в устойчивом именовании главных сторон конфликта «красные» и «белые». Обе стороны на период до полной своей победы и умиротворения страны предполагали осуществлять политическую власть путём диктатуры. Дальнейшие цели провозглашались следующие: со стороны красных — построение бесклассового коммунистического общества, как в России, так и в Европе путём активной поддержки «мировой революции»; со стороны белых — созыв нового Учредительного собрания, с передачей на его усмотрение решения вопроса о политическом устройстве России.

Характерной особенностью Гражданской войны была готовность всех её участников широко использовать насилие для достижения своих политических целей (красный и белый терроры — *Авт.*).

Составной частью гражданской войны была вооружённая борьба национальных окраин бывшей Российской империи за свою независимость и повстанческое движение широких слоёв населения против войск основных противоборствующих сторон — «красных» и «белых». Попытки провозглашения независимости окраинами вызывали отпор как со стороны «белых», сражавшихся за «единую и неделимую Россию», так и со стороны «красных», видевших в росте национализма угрозу завоеваниям революции.

Гражданская война разворачивалась в условиях иностранной военной интервенции и сопровождалась боевыми действиями на территории России как войск стран Четверного союза, так и войск стран Антанты [1, с. 91].

Происходившие в России события, достаточно широко освещались в печати. В Алтайской губернии в это период, т. е. с ноября 1917 г. по май 1918 г., выходило 19 газет, причем большую их часть составляли эсеровские издания. Так, эсеро-меньшевистскими были 5 газет, правоэсеровскими — 5 [2, с. 37]. В равном количестве выходили газеты кадетов и большевиков. В частности, кадетскими были две газеты, выходившие в Барнауле и одна — в Бийске; большевистскими — по одной в Барнауле, Бийске и Камне. Нерешительность действий большевиков проявилась и в том, что закрытые издания продолжали выходить, изменив только названия. Так, вместо газеты «Жизнь Алтая», стала выходить, стоявшая на тех же эсеро-меньшевистских позициях газета «Дело Алтая». Главнейшими причинами таких нерешительных действий новой власти являлись, во-первых, ее относительная слабость, а во-вторых, — экономическая сила буржуазии в первые месяцы Советской власти [1, с. 93].

Первый ее период в Алтайской губернии был отмечен выпуском не подлежащих цензуре ряда большевистских изданий, среди которых была и большевистская (барнаульская) газета «Голос труда» (главным редактором в 1917—1918 гг. являлся И. В. Присягин — *Авт.*), бийские газеты «Бийский рабочий» и «Бийская правда», в Камне — с 1918 г. стала выходить газета «Голос трудового народа», в дальнейшем «Каменская правда». Выпуск перечисленных изданий прекратился в связи с установлением власти Временного Сибирского правительства, восстановившего закон «О печати» от 27 апреля 1917 г.

После свержения Советской власти издание всех газет, выходивших на Алтае при Советской власти, было запрещено. Однако уже через полтора месяца после ухода большевиков в подполье Алтайский губернский комитет РКП(б) организовал подпольную типографию (Руководили ею члены подпольного комитета А. Медведев и П. Канцелярский, член партии с 1917 года — *Авт.*) [3]. Типография размещалась в подвале здания земской управы, недалеко от здания, где размещалась белогвардейская контрразведка.

В своих листовках подпольный губком призывал трудящихся Алтая к упорной борьбе с иностранными захватчиками, за восстановление Советской власти в Сибири. В листовке, изданной в связи с объявленной мобилизацией молодежи в белую армию в августе 1918 года, цели борьбы так определились: «Не давайте сыновей и братьев в армию белых. Не давайте продовольствия и лошадей для белой армии. Не платите налогов. Громите белогвардейские эшелоны, разрушайте железнодорожные линии и мосты. Этими действиями вы поможете Красной Армии быстрее разгромить белогвардейскую свору и восстановить свою родную Советскую власть» [4, с. 195].

Результаты агитационно-пропагандистской работы большевиков-подпольщиков сказались очень быстро. Крестьяне многих сел на своих сходах резко протестовали против мобилизации в белую армию [5, с. 26].

Самый решительный протест выразили крестьяне села Черный Дол (ныне с. Архангельское — *Авт.*) Славгородского района. Руководимые большевиками, они не только не давали своих новобранцев, но и распропагандировали и тех, кто проезжал через их село в Славгород, на сборный пункт. В конце августа в Черный Дол прибыл офицерский отряд для проведения насильственной мобилизации молодежи и расправы с «бунтовщиками». Узнав об этом, жители села быстро собрались на сходку и постановили: «...Новобранцев в белую армию не давать, предложить офицерскому отряду немедленно оставить Черный Дол, в противном случае крестьяне будут сражаться до последней капли крови» [4, с. 197].

Колчаковская печать требовала от правительства немедленной и самой жестокой расправы с партизанскими отрядами, и не случайно. Именно в них она видела огромные, созревающие силы народа для будущей борьбы. В этом колчаковчких издателей убедило и начавшееся партизанское движение, которое, по их мнению, невозможно было подавить даже самыми зверскими методами, на которые ориентировал контрразведку Колчак [5, с. 28].

Руководствуясь ими, Временное Сибирское правительство, а затем и правительство Колчака сменили типографский контроль на жесткую военную цензуру. Согласно приказу Верховного правителя Российского государства от 30 ноября 1918 г., «обязанность просмотра всех периодических изданий, выходящих в г. Барнауле, с правом задерживать распространение как отдельных номеров, так и всего тиснения» была возложена на подпоручика Кунгурцева [6]. Цензурное отделение, находящееся при Главном штабе Верховного главнокомандующего, потребовало от всех сибирских издательств обязательной доставки себе каждого выходящего издания в количестве двух экземпляров. То есть с осени 1918 г. и в течение 1919 г. в Сибири действовала двойная цензура [7, с. 65]. Предварительная, была возложена в Барнаульском военном округе — на Кунгурцева, который потребовал, например, от Культурно-просветительного союза «присылать... для просмотра каждый очередной номер... журнала тотчас по его отпечатании и до выхода в свет» [7]. Последующей (карательной) цензурой ведал Главный штаб. Деятельность цензурного отделения определялась рядом распоряжений и постановлений. Например, цензурное отделение запретило печатать сообщения внешнеполитического характера, распорядилось прибавлять к фамилии А.В. Колчака адмиральский чин [6].

Функции военных цензоров как в Сибири, так и на Алтае в период правления Колчака были возложены на начальников гарнизонов. В Барнауле, с ноября 1918 г. — на Кунгурцева, а с 26 февраля 1919 г. — на прапорщика Бастрыгина, с июня 1919 г. — на поручика Ревердатто. В Славгороде эти «контрольные функции были возложены в 1919 г. на поручика Поспелова [6].

Содержание как сибирских, так и алтайских газет в период правления Колчака выразилось, прежде всего, в повышенном внима-нии к поли-

тическим событиям. Так, барнаульская газета «Речь Алтая», имела ярко выраженную антибольшевистскую направленность. Почти в каждом номере помещались статьи о жертвах, падших от рук большевиков. Бийская газета «Думы» в декабре 1918 г., анализируя материалы советской прессы центральной России, писала: «...сообщаемые большевистскими газетами новости, порою очень фантастичны», например то, что «во многих областях Сибири устроены концентрационные лагеря» [8].

В начале августа 1919 года стала выходить газета «Известия» (орган главного штаба Алтайского округа — *Авт.*). Она печаталась на пишущей машинке, тиражом в 200 экземпляров. Это был небольшой листок, заполненный краткими, но яркими информациями, дышавшими огнем сражений [5, с. 33].

Газета пользовалась у читателей большим успехом, передавалась из отряда в отряд, читалась на сельских сходах. На ее страницах одно за другим следовали сообщения: «Восстали Колпаково, Безголосово, Карасево», «Восстание перекинулось в Змеиногорский и Бийский уезды... охватило Горный Алтай и правобережье Оби» [4, с. 199].

«Известия» постоянно информировали читателя о важных сражениях, которым было суждено стать решающими в истории партизанской войны на Алтае. Так, после ожесточенных боев, завершившихся разгромом 15-тысячной армии Колчака под Солоновкой, газета писала: «Победа партизан под Солоновкой — это крах Колчака. Его главные силы, находящиеся в Алтайской губернии, разгромлены, а солдаты 43-го Омского и 46-го Томского полков, которых офицеры и генералы гнали на «партизанскую Москву» — окончательно разгромить врага сами изгнаны из пределов алтайской земли» [5, с. 34].

Победа партизан в Солоновском бою (15-17 ноября 1919 г. — *Авт.*) по времени почти совпала с другим событием: регулярная 5-я Красная Армия заняла 14 ноября столицу Колчака — г. Омск.

Боевым помощником первой Горно-Алтайской партизанской дивизии была другая партизанская газета — «Голос восставших» [4, с. 199]. Активное участие в создании газеты, в определении направления ее работы принимал командир дивизии И. Я. Третьяк. На заседаниях штаба, где обсуждался вопрос об издании газеты, он сказал, что в борьбе с колчаковщиной и контрреволюцией необходимы спаянность и организованность, и в этом деле нам должна помочь прежде всего печать [9, с. 10].

Первая Горно-Алтайская партизанская дивизия сыграла значительную роль в разгроме колчаковских сил и восстановлении Советов на территории Горного Алтая. И в этом — немалая заслуга газеты «Голос восставших» [5, с. 36].

Кроме партизанских газет, при областном исполнительном комитете Советов рабочих и крестьянских депутатов (Облаком — *Авт.*) издавался «Информационный листок». Несколько позже, при штабе армии Е. М. Мамонтова стал выходить информационный листок «Известия штаба», в котором регулярно сообщалось о положении на фронтах, о боях с колчаковцами, о потерях и захваченных трофеях.

Словом, и газета армии Е. М. Мамонтова, и газета Первой Горно-Алтайской дивизии И. Я. Третьяка, и другие печатные органы Облакома и штабов издавались, как правило, силами агитационных отделов при штабах, в обязанность которых входило руководство печатью, подготовка и редактирование всех материалов, проведение организационных мер по объединению вокруг газет актива и, наконец, распространение газет, «Информационных листков» среди партизан и населения [10].

В декабре 1919 года весь Алтай был освобожден от колчаковщины. Партизанская война завершилась полной победой трудящихся — восстановлением Советской власти.

Подвиг тех, кто добивался победы Советской власти, кто отстаивал ее в борьбе с врагами, был высоко оценен Реввоенсоветом 5-й армии и походным Сибревкомом. В изданном ими приказе можно было прочитать следующее: «Навстречу шедшей в Сибирь Красной Армии поднялись тысячи восставших крестьян, соединившихся в полки. Самоотверженная борьба почти безоружных партизан навсегда останется в памяти поколений, а имена их будут с гордостью произноситься нашими детьми» [3, с. 201].

Прошедшие с тех пор десятилетия полностью подтвердили правильность этой оценки заслуг алтайских партизан.

Пройдут века, а благодарный народ Алтая с глубоким уважением будет вспоминать Е. М. Мамонтова, Я. П. Жигалина, И. В. Громова, И. Я. Третьяка, М. И. Ворожцова, Ф. И. Архипова, Ф. Е. Колядо, многих других партизанских командиров, тысячи партизан, которые прославили себя на алтайской земле [11].

Партизанская печать явила собой славную страницу в летописи коммунистической печати. Родившись едва ли не с первым партизанским выстрелом по врагу, она все время, пока шла жестокая схватка с колчаковскими бандами, находилась на переднем крае борьбы за Советскую власть [5, с. 38].

Политическая агитация помогала поднимать настроение и боевой дух красноармейских масс, крепить их решимость биться с врагом до его полного разгрома. Именно благодаря этому, враг и был вскоре разгромлен не только на Алтае, но и на всей территории Западной Сибири.

Библиографический список

1. Большевистская печать и ее роль в политическом просвещении и организации пролетариата в Сибири (1895-1917 гг.). Томск, 1984.
2. Кидяева Г. В. Цензурные условия развития книгоиздания и периодической печати на Алтае в 20-х гг. XIX в. — 1919 году. // Алтайский сборник. Вып. XXI. Барнаул: Алт. полиграфкомбинат, 2004.
3. Малиновский А. А. Подпольная работа Барнаульской организации большевиков в 1918-1919 гг. // ЦХАФ АК. ФП. 1061. Оп. 1. Д. 118.

4. Революционные события и гражданская война в Алтайской губернии, 1917—1922: хрестоматия. Барнаул: Алт. полиграфкомбинат, 2001.
5. Марьин В. Д. Подпольная большевистская печать на Алтае (1905—1919). Барнаул: Алт. кн. изд., 1971.
6. ЦХАФ АК. Ф. 236. Оп. 1. Д. 33. Л. 10.
7. Самосудов В. М., Кабацкий Н. И., Курусканов П. З. Большевистская печать и ее роль в политическом просвещении и организации пролетариата в Сибири (1895—1917 гг.). Томск, 1984.
8. Думы. 1918. 24 декабря.
9. Третьяк И. Я. Партизанское движение в Горном Алтае в 1919 г. / Под ред. С. Я. Пахаева. Барнаул: Алт. кн. изд., 1968.
10. Громов И. В. За власть Советскую: воспоминания командира партизанского корпуса. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1966. С. 75; Борьба за власть Советов на Алтае. Историч. очерк. Барнаул, 1957.
11. Кочетов А. Их именами названы улицы. Барнаул: Алт. кн. изд., 1969; Очерки истории Алтайского края / [Ю. Г. Кирюшин, А.С. Шемякина, Ю. С. Булыгин и др.; редкол.: А. П. Бородавкин]. Барнаул: Алт. кн. изд., 1987.

Алтайская государственная академии образования им. В. М. Шукшина
Получено 11.11.10.

E. V.Gordon, R. V. Mezenchev

THE UNDERGROUND BOLSHEVIST PRESS ON ALTAI IN CIVIL WAR 1917-1920 YEARS

In article, on the basis of the the various published sources and research works, activity of the underground Bolshevist press in territory of the Altay province in civil war is shined.

Red, the Bolshevist press, censorship, propaganda work, the underground organizations, revolutionary work, counterrevolution, guerrilla movement, retaliatory measures, terror, civil war

УДК 902

М. В. Алейников

О ЗАДАЧАХ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматриваются проблемы, стоящие перед историческим образованием в современных условиях. Показана социальная роль современного исторического образования. Обозначены некоторые рекомендации по его совершенствованию.

Модернизация исторического образования, фальсификация истории, патриотизм, толерантность, элективный курс, эталонный учебник, конвенция, традиции, новации

Современная российская историческая наука переживает особый период. Реалии сегодняшнего дня диктуют необходимость осмысления непростого пути, пройденного российским историческим образованием в последние десятилетия. На наших глазах меняется Россия, отмирает старое, рождается новое. Происходит переоценка духовного наследия: смена научных парадигм, обновление культурных и этнических ценностей, разрушение прежних и становление новых идеалов, перемены в образовании. Это мучительный, болезненный, длительный процесс. Решать многие проблемы приходится в условиях трансформации социальной и политической системы общества, его экономических основ, выдвижения новых политических и идеологических парадигм. Рушатся господствовавшие ранее стереотипы мышления и поведения. В области социально-гуманитарных наук имеет место многообразие взглядов, позиций, школ и концепций, наличие порой взаимоисключающих друг друга точек зрения на проблемы отечественной истории.

В связи с этим возникают закономерные вопросы. Как преподавать отечественную историю? Каких позиций придерживаться? Как отличить истину от лжи и заблуждений в пёстрой палитре взглядов и идей?

Выход представляется в следующем. ***Во-первых***, необходимо опираться на исторические источники, уметь анализировать их. Критически рассматривать разного рода комментаторскую литературу.

Во-вторых, история, как кумулятивная наука, должна интегрировать достижения предшественников — не только их позитивный вклад, но и их концепции; обогащаться наличием плюралистических подходов и оценок. Имеют право на существование альтернативные исторические концепции, мнения различных научных школ. Однако очень важно уметь «отделять зерна от плевел», противостоять лжеисторикам, то есть тем, кто чрезмерно политизируя историю, преднамеренно искажает факты, спекулирует на этом в ущерб национально-государственным интересам России. Проявления фальсификации имели место, как в советскую эпоху, так и в постсоветский период. Резкая активизация фальсификаторов отечественной истории наблюдалась в «лихие 1990-е годы».

Попытки фальсификации истории наблюдаются по сей день, как в самой России, так и в ряде государств ближнего и дальнего зарубежья. Прежде всего это касается тех, кто фальсифицирует историю Второй мировой войны, умаляет решающий вклад Советского Союза в победу над гитлеровской Германией. Беспокойство вызывает и фальсификация истории присоединения Грузии к России в 1783 г. Нынешние грузинские поли-

тики утверждают о захвате и порабощении Грузии Россией. Но на самом деле Георгиевский трактат о переходе Грузии под протекторат России был результатом просьбы царя Ираклия II, который сам просил покровительства сильного северного соседа. То же самое можно сказать и о попытках пересмотреть историю голода в СССР в начале 1930-х гг. Некоторые украинские историки и публицисты оценивают те трагические события как проявление геноцида, намеренное уничтожение сталинским руководством украинского народа. Хотя факты свидетельствуют о том, что это была общая трагедия народов, живших в Советском Союзе.

Ряд современных казахстанских историков смакуют негатив в истории русско-казахских отношений, допуская при этом очевидные искажения фактов. Эта позиция не способствует укреплению взаимопонимания и добрососедства между двумя народами-соседями.

Политические элиты и общественное мнение ряда восточно-европейских государств до сих пор переносят на новую Россию все прежние грехи сталинского режима. Особенно это касается Польши и государств Балтии. Тем, кому кажется, что на подобные вещи можно не обращать внимания, можно напомнить, что Япония, например, путём фальсификации истории стремиться оспорить права России на владение Курильским островами. А это уже большая политика.

Необходимо помнить о том, что защита отечественной истории — это вопрос национальной безопасности. Без защиты своей истории невозможно достойное будущее Отечества. Неслучайно в 2009 году президентом РФ Д.А. Медведевым была создана Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Ее председателем был назначен руководитель администрации Президента РФ Сергей Евгеньевич Нарышкин.

В-третьих, только объединение и концентрация интеллектуальных ресурсов сообщества историков и обществоведов позволит решать проблемы исторического образования. Духовно-интеллектуальный потенциал только тогда способен принести положительный результат, когда он не распылен, а консолидирован.

Стремление к более объективным и взвешенным оценкам событий прошлого нашей страны должно прийти на смену проявлениям самоочернения и самобичевания, нередко имевшим место в 90-е гг. XX в. Пора освободиться от надуманного «комплекса вины», который весьма удобен недоброжелателям нашего Отечества. У России великая история, великая даже в её трагизме. При этом важно не впасть в иную крайность — необоснованного самолюбования и зазнайства.

В-четвертых, назрела необходимость создания *верифицируемой истории,* предполагающей обоснованность выводов и оценок на основе изучения максимально широкой источниковой базы. Существует потребность в разработке *эталонных учебников, учебных пособий и исторических энциклопедий.* Эта литература должна быть составлена на основе конвенции группы ведущих российских историков, чей авторитет общепризнан. Задача эта сложная. Серьезным препятствием на пути создания общепризнанных эталонных учебников по отечественной истории является отсутствие консенсуса в российском обществе в целом, и в научной среде в частности по поводу базовых ценностей, идеалов и целей общественного развития.

В современном российском обществе отсутствует политическое и духовное единство. Оно расколото. Факт фрагментации нации отмечают социологи.

И, тем не менее, надо стремиться к консенсусу в формировании парадигмы исторического образования. Нельзя постоянно все опровергать. Задача исторического образования — содействовать консолидации, а не разобщенности российского общества. Показывать вклад России в развитие мировой цивилизации.

Задача преподавания истории в современных условиях — показать действительную историю во всех её сложностях и противоречиях, с её светлыми и трагическими сторонами, стремясь к большей объективности и исторической правде.

Россия — это страна с непредсказуемым прошлым. Только за последнее столетие мы уже не раз переписывали свою историю, меняя плюсы на минусы, чёрное на белое, героев на злодеев. Это у граждан западных (и не только) стран нет вопросов к своей истории, там её место в архивах и музеях. Для нас же история — это поле битвы, на котором мы яростно разбираемся кто прав, а кто виноват. Конечно же, политический контекст непосредственно воздействует на интерпретации прошлого. Зачастую история представляется в версии «победителя», того или иного политического режима. Каждая новая власть пишет свою версию истории, исходя из своего мировоззрения, идеологии, политических интересов и целей. В данной ситуации многое зависит от личности историка: учёного и педагога. Наука и совесть — эти понятия неразделимы для познания истины. Надо быть честным перед людьми и собой, не идти на поводу у конъюнктуры, разного рода фальсификаторов-политиканов, отказаться от компромисса, который ведёт к искажению исторической правды, не писать и не говорить о том, что идет вразрез с совестью. Люди должны знать правду, пусть порой и горькую. Как видим, научные аспекты тесно переплетаются с общечеловеческими нравственными мотивами.

Ситуация в сфере современного исторического образования резко усиливает значимость источниковедения, как одной из важнейших специальных исторических дисциплин. Источниковедение должно иметь первостепенное значение в системе профессиональной подготовки историков. Наличие источниковедческой подготовки является необходимым условием деятельности современного историка. Целесообразен междисциплинарный синтез: использование данных социально-гуманитарных наук (философии, социологии, политологии, культурологи, экономической теории и др.), дополняющих и обобщающих друг друга. Историк, владеющий экономическим и по-

литолого-социологическим инструментарием — эталон современного историка.

Благодаря труду современных историков, через расширение источниковой базы научных исследований, совершенствование методики изучения и использования исторических источников, новейшие выверенные факты приходят на смену разного рода фальсификациям, мифам и идеологической шелухе.

Социальную роль современного исторического образования трудно переоценить. Наряду с теоретико-познавательной и интеллектуально-развивающей функциями, оно выполняет мировоззренческую и воспитательную задачи. Изучение истории призвано формировать мировоззрение, наличие которого позволяет характеризовать индивида как личность. Знание истории способствует обретению высоких гражданских качеств — патриотизма и интернационализма, формированию уважительного толерантного отношения к другим народам и культурам. Это является важным условием укрепления Российской Федерации как сложного политического и поликонфессионального сообщества. Приобщение к истории Отечества — прекрасная школа патриотического воспитания молодёжи, позволяющая понять такие категории, как честь и достоинство, долг и ответственность перед обществом.

Изучение истории призвано расширить образовательный горизонт «узкого специалиста». Современный специалист должен обладать не только профессиональными знаниями, но и богатой общей культурой. Именно её формированию и способствует рефлексия над страницами отечественной истории. Формирование целостной, а не частичной личности является критерием высокой образованности.

Известное изречение, приписываемое Цицерону о том, что «где хорошо, там и Отечество» [1, с. 89], вызывает неоднозначную оценку, не все с ним согласны. А. С. Пушкин в письме к П. Я. - Чаадаеву, который в «Философических письмах» представил Россию только в негативном свете, дал образец подлинно патриотического отношения к Отечеству, не отрицая недостатков, которые имели место в русской действительности: «...клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал» [2, с. 310]. Эти слова великого русского поэта должны стать кредо для современных историков.

С 28 по 31 октября этого года в Москве Министерство образования и науки РФ совместно с Российским государственным социальным университетом провели Всероссийскую научно-практическую конференцию ученых-историков и преподавателей «Историческое образование в современной России: перспективы развития». В ее работе приняли участие представители 145 вузов страны, в том числе и нашей академии. Как один из участников этой конференции, остановлюсь немного на ее работе и итогах.

Участники конференции, всесторонне обсудив состояние исторического образования и перспективы его развития в современной России, отметили, что в обществе сложилась объективная потребность в дальнейшем совершенствовании всей системы исторического образования и просвещения. В выступлениях подчеркивалось, что предпринятые в 90-е годы XX века попытки избавиться от политизации исторического образования, ранее господствовавших идеологических стереотипов привели к формированию новых идеологизированных подходов, зачастую отрицающих наличие положительных эпизодов на протяжении значительных периодов российской истории.

В обстановке неясности нравственных и ценностных установок сложившийся мировоззренческий вакуум начал заполняться сомнительным, а нередко и откровенно антиобщественным содержанием. Российский социум и особенно молодежную среду захлестнул поток навязчивых, целенаправленно внедряемых псевдоидеалов, ложных ценностей. Проявления антикультуры, антинационального духа получили широкое распространение, проникли в сознание молодого поколения. Эта ситуация несет в себе угрозу национальной безопасности России. Ее необходимо исправить. Участники конференции неоднократно заявляли о том, что государству следует повернуться лицом к человеку, к обычным гражданам. Помимо прочего комплекса мер по улучшению социально-экономического положения в стране и оздоровлению духовно-нравственного климата назрела необходимость в формировании государственной политики в области исторического образования (ректор РГСУ Жуков В.И.). Этот тезис, по сути, стал лейтмотивом конференции. По мнению ректора РГСУ В.И. Жукова, государственная историческая политика должна быть одним из приоритетных направлений внутренней политики государства. Участники конференции подчеркивали значимую роль исторического образования в формировании современной ответственной личности, важную миссию историка в воспитании гражданина.

Конференция проходила в деловой, конструктивной и доброжелательной атмосфере. Диапазон тем, докладов, сообщений был широкий. Наибольшее внимание было уделено темам: о месте и роли исторического образования в системе современного образования и воспитания; содержательные аспекты исторического образования; проблема трактовки, оценки исторических событий и отображение этих вопросов в материалах СМИ; проблема информационного, методического обеспечения преподавания отечественной истории; вопросы кадрового обеспечения исторического образования.

На конференции разворачивались дискуссии. Интересный обмен мнениями происходил по проблеме исторической правды. Точки зрения были прямо противоположными. Одни полагали, что историку надо говорить правду, демонстрировать факты, события, даже если они неприятные и горькие. Другие убеждены в том, что не всякая правда хороша, что нельзя раскалывать общество посредством истории. Высказывалась обоснованная позиция, что историческая правда не должна слу-

жить инструментом конфликта в обществе и семье. Так, ректор РГСУ, академик РАН В. И. Жуков настаивал на том, что не стоит глубоко рассматривать проблему коллаборационизма в годы Второй мировой войны, акцентировать внимание на факте участия значительного количества казаков в войне на стороне Вермахта (он назвал цифру в 250 тыс.чел.). Не все были с этим согласны. Обсуждали и многие другие вопросы.

Проанализировав доклады и выступления участников, мнения, высказанные в анкетах, на конференции были рассмотрены и приняты рекомендации по дальнейшему развитию исторического образования. Обозначу некоторые из них:

1) рекомендовано ознакомить на местах с материалами данной конференции. Провести в своих учебных заведениях конференции, «круглые столы» или спецсеминары в рамках указанной тематики;

2) сформулировано требование к Министерству образования и науки обеспечить в вузах увеличение объема учебного времени, отводимого на преподавание исторических и обществоведческих дисциплин. Произвести перераспределение учебного времени в интересах углубленного изучения исторических событий XX-XXI веков, которые в наибольшей степени формируют исторические взгляды и гражданскую позицию молодежи и студентов;

3) рекомендовано в вузах, наряду с базовым курсом истории для студентов всех специальностей, создать стройную систему дополнительных спецкурсов и спецсеминаров, строящихся по поисково-предметному принципу и предназначенных для студентов, стремящихся к наиболее глубокому изучению истории своего Отечества (этноистория, региональная история, неизвестные и слабоизученные страницы истории России, курс «Россия в мире» и др.);

4) при подготовке учебников и учебных пособий по отечественной истории особое внимание рекомендовано уделять проблемам, в наибольшей степени подвергающимся фальсификациям. Таким, как история Второй мировой войны, послевоенная история стран, входивших в состав социалистического лагеря, история бывших республик СССР и некоторым другим. Отмечалось, что обсуждение содержания учебников по этим темам необходимо проводить с привлечением не только отечественных ученых, но и авторитетных представителей политических и научных кругов ближнего и дальнего зарубежья;

5) важными задачами при подготовке учебно-методической литературы по отечественной истории должны стать:

а) трансляция традиционных ценностей российского общества и демонстрация факторов самобытности истории нашего народа;

б) развитие гражданских качеств личности обучаемых, формирование у них чувства сопричастности к истории своей страны, уважения к предкам и принятие на себя моральной ответственности за настоящее и будущее России;

в) формирование у учащихся и студентов навыков критической оценки исторической информации, способности спокойно и взвешенно относиться к так называемым историческим сенсациям, отделять факты от субъективных оценок, анализировать намерения тех, кто распространяет ту или иную историческую информацию;

г) рекомендовано в качестве новой формы аттестации шире использовать подготовку студентами собственных творческих проектов по избранной теме.

Были приняты и многие другие рекомендации в сфере совершенствования содержания исторического образования и области поддержки и развития гражданско-патриотического воспитания, в сферах кадрового обеспечения исторического образования, его информационного сопровождения, международного сотрудничества.

На конференции была выражена тревога по поводу реформ в сфере образования, перехода на новые стандарты обучения. Критической оценке была подвергнута практика ЕГЭ по истории (ведет к выхолащиванию исторического образования). Констатировалось падение престижа профессии историка, и ставился вопрос о повышении оплаты труда ученых-историков и преподавателей.

Было принято решение о ежегодном проведении подобных конференций и учрежден ***Союз отечественных историков***. В общем и целом, конференция была интересной и полезной. Она поспособствовала накоплению необходимого опыта, развитию профессиональных компетенций.

Библиографический список

1. Цицерон М.Т. Избр. соч. / М.Т. Цицерон. — М., 1975.
2. Пушкин А.С. Собр. соч. / А.С. Пушкин. — Т. 10. Письма 1831 — 1837.

Алтайская государственная академия образования им. В. М. Шукшина
Получено 19.11.10

M. V. Aleinikov

ABOUT THE PROBLEMS OF HISTORICAL EDUCATION IN MODERN RUSSIA

The problems, which stand before the historical education in modern conditions, are viewed in the article. The social role of the modern historical education is shown. There are some recommendations of its improvement.

Modernization of the historical education, falsification of the history, patriotism, tolerance, an elective course, model study-book, convention, traditions, and innovations

РЕЦЕНЗИЯ

А. Г. Грибков
«Богатейший источник сюжетов...» . Рецензия на книгу В. Я. Бутанаева и И. И. Бутанаевой «Мы родом из Хонгорая. Хакасские мифы, легенды и предания». Отв. ред. Б. Р. Зориктуев. Абакан, 2010. — 240 с.

В эпоху всеобщей глобализации все острее встает вопрос о сохранении национального самосознания и богатого культурного наследия всех народов, населяющих Российскую Федерацию. В свете этой проблемы трудно переоценить ту кропотливую и качественную работу по сбору, систематизации и переводу фольклорного материала на русский язык, которую проделали профессор В. Я. Бутанаев и доцент И. И. Бутанаева. Их книга, целиком и полностью основанная на хакасском фольклоре и не имеющая аналогов, станет настоящим открытием для всех, кто интересуется историей и культурой нашего родного края. В научном плане книга представляет несомненный интерес для историков-этнографов, а также для филологов, занимающихся топонимией, историей и теорией фольклора, мифопоэтикой. Специалистам и просто читателям, не владеющим хакасским языком, она будет весьма полезна, ибо значительно обогатит их представления о народном творчестве и менталитете коренных жителей Хакасии и юга Красноярского края.

Все собранные в сборнике тексты систематизированы не по жанровому, а по тематическому принципу, что выглядит вполне обоснованно, так как разграничить жанровые признаки не всегда представляется возможным. К тому же именно сюжетная сторона памятников вызывает наибольший интерес.

В сборнике семь разделов, не считая приложения и словаря хакасской терминологии. В первый — «Мифические народы» — вошли древнейшие доисторические сюжеты: о курганном народе, заживо похоронившем себя в родной земле, не желая покориться Белому хану; о кыргызских людоедах, о мохсагалах с песьими головами, о мусмалах с коровьими копытами, о поедающих детей хошхаларах. Они воплощали собой страхи древних людей, живших в окружении тайги. Здесь же мы узнаем о том, как народ объяснял появление оспы, и о том, что цветы жарки напоминали людям о таежных охотниках — куренгах, замурованных в Саянских горах.

Во втором разделе — «Горные духи» — собраны мифические предания об отношениях людей со злыми и добрыми духами природы. Мы узнаем, что такое «счастье скота», почему «наши охотники без костра с дымом не спят».

Почему хакасы считают, что лучше переночевать на кладбище, чем в пустом доме» и других обычаях.

Интересны и разнообразны «Топонимические легенды», составляющие третий раздел книги. Гордость за свой народ звучит в рассказе о том, как хакасский хан передал свою силу Пёёт-хану (царю Петру), в обмен на обещание никогда не брать хакасов в царскую армию. В 1916 г. потомки царя нарушили зарок и вскоре царскую семью всю расстреляли. Такое объяснение поворота русской истории совсем не лишено смысла, как может показаться на первый взгляд. Наверное, каждому жителю нашей республики нужно знать, что гора Борус названа так в честь хакасского Ноя, а красавица княгиня Таптан-Абахай напоила мужа своей кровью во имя спасения Родины. Эти и другие легенды оживляют, поэтизируют окружающее нас географическое пространство. Каждое название (топоним) перестает быть пустым звуком и обретает нравственный смысл. Есть даже своя хакасская Медея, разорвавшая собственных детей, из крови которых пошли реки Кизир и Казыр. Название горы Алдаш связано с гибелью простодушного богатыря Халчанмиса, который чем-то напоминает Ивана-дурака русской народной сказки.

Сюжетно наиболее «скромным» является раздел — «Кыргызские предки», состоящий, главным образом, из коротких сообщений о том, кем были енисейские кыргызы и почему они погибли или ушли в другие земли. Гораздо поэтич-

нее в следующем разделе представлена история «черноголового народа Хоорай с глазами спелой черемухи».

Самыми большими по объему являются последние две части. В «Родословных преданиях» объясняется (иногда в нескольких вариантах) происхождение всех известных хакасских родов и фамилий. Здесь подчеркивается кровное родство и единство трех основных ветвей хакасского народа: качинцев, кызыльцев и сагайцев. Некоторые тексты по содержанию здесь приближаются к притче и народной сказке. Например, предание о Сайынах.

Заключительный раздел книги — «Легендарные герои» — самая увлекательная ее часть. Здесь представлены наиболее развернутые, эпические по своему характеру тексты. Никого не оставят равнодушным предания о Котен-хане, неистовом князе Оджен-беге и даже конокраде Харае.

Учеными выполнен качественный литературный перевод текстов с хакасского на русский язык. Стремясь, насколько возможно, сохранить национальный колорит, авторы, тем не менее, сделали их максимально доступными для широкого круга русскоязычных читателей. Более точному и глубокому пониманию служит расположенный в конце книги словарь ключевых для мировоззрения и трудно переводимых хакасских понятий. В приложение также помещены сведения о народных сказителях, с чьих слов были записаны все тексты.

Помимо своей самодостаточной значимости, данный сборник может служить богатейшим источником сюжетов для художественной литературы. Этим аспектом также не следует пренебрегать и, в первую очередь, писателям и поэтам Хакасии,

Книга будет иметь несомненную практическую значимость для преподавателей, студентов и старшеклассников при изучении не только устного народного творчества, но и этнографии, культурологии, истории, литературы Хакасии и литературы народов Российской Федерации. В связи с этим сборник может быть востребован в средних и высших учебных заведениях нашей республики и прилегающих к ней территорий.

Внешний вид издания, включая иллюстрации, также оставляет впечатление качественно и с душой проделанной работы.

Желаю специалистам и простым читателям полезного и приятного знакомства с новой интересной книгой, расширяющей наши представления о культуре и национальном самосознании хакасского народа.

А. Г. Грибков, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Института филологии ГОУ ВПО «Хакасский государст-венный университет им. Н. Ф. Катанова».

КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ГОРНО-АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

приглашает Вас принять участие в работе **Международной научной конференции «История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай)»**, которая состоится **23-25 мая 2011 г.** в Горно-Алтайском государственном университете. Рабочие языки конференции: русский, английский.

На конференции будут рассматриваться **следующие проблемы:**

- Новые материалы по древней и средневековой истории Центральной Азии
- Международные отношения народов Юго-Западная Сибири и сопредельных регионов
- Этнодемографическое развитие народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов
- Социально-экономическое развитие народов Юго-Западной Сибири
- Культура и религиозные воззрения народов Юго-Западной Сибири, Монголии, Китая и Казахстана.

Для участия в конференции необходимо выслать в адрес Оргкомитета по электронной почте до **17 мая 2011** г.:

1. Заявку на участие в конференции с указанием темы выступления, ФИО (полностью), ученой степени, звания, должности, места работы, контактного телефона, адреса электронной почты, почтового адреса. Необходимо **указать форму участия** — очную или заочную.

2. Тезисы доклада объемом до 7 страниц. Требования к оформлению текста: формат текста Word for Windows — 97/2000, формат страницы: А 4, все поля — 25 мм, абзацные отступы — 5 мм. Шрифт: размер — 12 пт; тип — Times New Roman. Межстрочный интервал 1,5; выравнивание текста — по ширине, выравнивание заголовков — по центру,

Инициалы и фамилия автора печатаются строчными буквами, шрифт жирный, выравнивание по правому краю. Ниже, через один интервал, строчными буквами, курсивом — полное название организации, город, страна. Ниже через двойной интервал прописными буквами жирным шрифтом (выровнено по центру) печатается название статьи. После отступа в два интервала следует текст. Сноски и примечания выставляются автоматически и должны быть указаны в конце статьи.

Название файла должно соответствовать фамилии автора.

Решение Оргкомитета о Вашем участии в конференции, а также программа конференции будут высланы на Ваш электронный адрес после окончания срока приема заявок. Проезд, проживание и питание участников конференции за счет направляющей стороны. Возможно проживание в гостинице ГАГУ.

О необходимости проживания в гостинице просим сообщить в заявке.

Оргкомитет берет на себя обязательства по публикации материалов конференции и осуществлению рассылки авторских экземпляров.

Организационный взнос на издание сборника материалов конференции составляет 250 руб.

Адрес для почтовых отправлений: 649000. Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Улагашева, д. 16, кв. 46. Куликову Фёдору Ивановичу.

Адрес оргкомитета: 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Социалистическая, 32, Горно-Алтайский государственный университет, исторический факультет, кафедра всеобщей истории, Куликов Фёдор Иванович.

Телефон (8388-22) 2-68-15 E-mail: fedkulikov@yandex.ru (с пометкой «конференция»)

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ
Кафедра «Истории и политологии»

11 марта 2011 года Новосибирский государственный университет экономики и управления («НИНХ») проводит межвузовскую студенческую научную конференцию по Отечественной истории, посвященную памяти П.А. Столыпина.

Тема конференции: «Реформы в истории России».
Предполагается работа секций по разным периодам Отечественной истории.
В конференции могут принять участие команды из любого вуза.
Заявки на участие и тезисы выступлений принимаются
до 18 февраля 2011 г.

Телефон для справок:
224-29-91— кафедра «История и политология».
Быстренко Валентина Ивановна, д.э.н., зав. кафедрой «Истории и политологии»,
Сарнова Виктория Владимировна,
Ярославцев Виктор Георгиевич
E-mail: history@nsuem,ru;
224-68-70 – отдел научного обслуживания, начальник отдела Калинина Елена Юрьевна **E-mail: kalinina@nsuem.ru.**
Факс: **(383) 224-59-10**

НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «СОЦИОСФЕРА»
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ БАКИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ПЕНЗЕНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

Приглашают принять участие
в Международной научно-практической конференции
«Народы Евразии. История, культура и проблемы взаимодействия»

5–6 апреля 2011 года. Форма проведения конференции – заочная. Сборнику материалов будет присвоен ISBN.

Основные тематические направления:
- Антропология и этническая история.
- Этногенетические и миграционные процессы по данным археологии и лингвистики.
- Устные и письменные источники об этногенезе и ранней истории.
- Особенности материальной культуры.
- Хозяйство и быт, социально-экономическое развитие.
- Экологические представления. Природопользование и природоохранение.
- Эволюция семейно-брачных отношений.
- Возникновение и эволюция духовных традиций и практик.
- Религия и межконфессиональные отношения, наука, светская культура.
- Фольклор, изобразительное и прикладное искусство.
- Знаковые системы. Письменность и литература.
- Образование: традиции и новации.
- Сбережение культурного наследия: достижения, проблемы, задачи.
- Общественные отношения и развитие политических систем.
- Правовые традиции и правовые системы.
- Межэтнические отношения.
- Внешняя политика и международные отношения.

Заявки для участия в конференции и тексты докладов принимаются до «1» апреля 2011 года.
Контактный телефон (8412) 68-68-45
Дорошин Борис Анатольевич.
http://sociosphera.ucoz.ru; e-mail: sociosphera@yandex.ru

АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ И ТЕОЛОГИИ
ЛАБОРАТОРИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Уважаемые коллеги!

Кафедра религиоведения и теологии АлтГУ проводит **осенью 2011 г.** в г. Барнауле Всероссийскую (с международным участием) конференцию «Религия в истории народов России и Центральной Азии», посвященную 10-летию образования кафедры религиоведения и теологии АлтГУ.

Для публикации статьи в сборнике необходимо **до 01 февраля 2011 г.** прислать ее текст (в печатном и электронном варианте), а также сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, телефон, e-mail). Статья может включать текст и иллюстрации до 7 страниц (14 кегль, одинарный интервал, в формате Word: поля: верхнее — 2 см, нижнее — 2 см, левое — 2,5 см, правое — 2,5 см). К статье обязательно прикладывается полный список использованных работ.

Основная тематика конференции
- Теоретические и прикладные аспекты изучения религии
- История отечественного религиоведения
- Ранние формы религии
- Семантика первобытного и древнего искусства
- Традиционное мировоззрение народов Сибири и Центральной Азии
- История мировых религий в России и государствах Центральной Азии
- Новые религиозные движения в России и сопредельных государствах
- Государственно-церковные отношения в России: исторический опыт и современное состояние
- Религиоведческое и религиозное образование
- Современные этноконфессиональные исследования в регионах
- Этноконфессиональные конфликты и экстремизм: механизмы разрешения и проблемы безопасности
- Религиоведение и музейно-туристическая деятельность

Адрес оргкомитета:
656049, г. Барнаул, ул. Димитрова-66, Алтайский государственный университет, кафедра религиоведения и теологии,
Дашковскому Петру Константиновичу

Электронная почта: dashkovskiy@fpn.asu.ru
(с пометкой на конференцию);

Контактный телефон: (3852)366331 (деканат, Дашковский Петр Константинович); (3852)261581 (кафедра религиоведения и теологии АлтГУ, методист Шершнева Елена Александровна)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ
в журнале «МИР ЕВРАЗИИ»

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 до 1 авторского листа (20 — 40 тыс. знаков). Объем сообщений, рецензий, заметок не должен превышать 0,2 авторского листа (8 тыс. знаков).

Рукопись должна быть отредактирована, сопровождена рецензией доктора (кандидата) исторических наук. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной экспертной оценки.

Статью необходимо печатать в редакторе MS WORD 6-7, формате А4, шрифтом 12 пт. (Times New Roman), межстрочный интервал — 1,5; отступ от сторон листа 2,5 см. Статья оформляется следующим образом:

- Ф.И.О. автора (авторов), название статьи заглавными буквами и аннотация на английском языке (до 300 знаков);
- УДК;
- Ф.И.О. автора (авторов), название статьи заглавными буквами и аннотация на русском языке (до 300 знаков).
- Ключевые слова (на русском и английском языках)
- Примеры в тексте статьи оформляются курсивом.
- Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют сквозную нумерацию.
- Все таблицы и рисунки (черно-белые) должны быть встроены в текст статьи.
- Библиографический список (в порядке цитирования) оформлять по ГОСТ 7.1.-2004. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. Например, [1, с. 25-27].
- В конце статьи указывается дата ее отправки в редакцию.

Статья (бумажный вариант и электронный вариант на дискете) **вместе с заявкой и рецензией,** должна быть выслана обычной почтой на адрес редакции или электронной почтой по адресу (E-mail: mns@gasu.ru. Файлы необходимо именовать согласно фамилии первого автора, например «Завьялов, Самара». Нельзя в одном файле помещать несколько статей. В разделе «Тема» указывать «В редакцию журнала». За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы) статьи. Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

После экспертизы статья может быть отклонена, послана автору на доработку или рекомендована к публикации.

Материалы, не соответствующие данным требованиям, к публикации приниматься не будут.
Статьи аспирантов публикуются бесплатно.

МАТЕРИАЛЫ И РЕЦЕНЗИИ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ: **649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1 Университет, Редакция международного журнала «Мир Евразии» Главному редактору.**
Контактные телефоны: **8 (388-22) 2-62-33, 2-68-15.** Факс: **8 (388-22) 2-67-35. E-mail: mns@gasu.ru**

Образец оформления статьи

Sidorenko D.I. Realization the decree SNK «About separating of church from State and of school from church» on the Altay (1917-1921). **In the article, on the basis of documentary sources for the first tame introduced into scientific turn the religious policy of Soviet power on the Altay in1920-1930years.**

Key words: revolution, church, decree, requisition, religious organizations, repression, board of justice, liquidation commission.

УДК 902
Д.И. Сидоренко

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА АЛТАЕ В 1920-1923 ГГ.

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот документальных источников анализируется конфессиональная политика Советской власти на Алтае в 1920-1930 гг.».

Ключевые слова: революция, церковь, декрет, реквизиция, религиозные организации, репрессия, коллегия юстиции, ликвидационная комиссия.

Претворение в жизнь нормативных актов Советской власти, касавшихся религиозных объединений, началось на Алтае только в начале 1920 г. Существовавшие же здесь (с декабря 1917 по июнь 1918 г.) ее органы власти вопросами конфессиональной политики практически не занимались [1, с. 86,88]. Это был результат ТЕКСТ...

Библиографический список
1. Будегечиева, Т.Б. Горловое пение в системе народной культуры тувинцев / Т.Б. Будегечиева // Мелодии «Хоомея»/ Материалы I Международного симпозиума «Хоомей-92». — Кызыл: Изд-во КГУ, 1994.

и т. д.